

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Нижегородский государственный
агротехнологический университет имени Л. Я. Флорентьева»

**А. В. Аникина, Г. П. Корнев, К. А. Кочнова,
М. С. Кудрявцев, В. Н. Прончатов**

ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА АГРОТЕХА

Монография.
Под общей редакцией К. А. Кочновой

Выпуск 3

Нижегород
2026

УДК 009; 81.119; 001.38; 338.482
ББК 60.0 + 80.0 + 87.0

Рецензенты:

Фортуатов Антон Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических коммуникаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ)

Грязнова Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет)

Гуманитарная наука агротеха: монография. Выпуск 3 / Под ред. К. А. Кочновой. — Н. Новгород: НГАТУ, 2026. 163 с.

ISBN 978-5-6056735-0-7

Монография посвящена актуальным вопросам гуманитарных наук и затрагивает широкий круг теоретических и практико-ориентированных проблем, связанных с продвижением дисциплин о человеке в системе образования агротехнологического вуза. В издании рассматриваются мировые практики сельского и аграрного туризма, эпистемологические трансформации категории истины в цифровую эпоху, методологические аспекты полевого моделирования в лингвистике, аграрные символы в релятивистской картине мира, а также социокультурный анализ коррупционных практик в дореволюционном Нижнем Новгороде.

Издание адресовано специалистам социо-гуманитарного профиля, научным работникам и преподавателям вузов, магистрантам и аспирантам, а также широкой аудитории читателей — всем, кто интересуется проблемами влияния технологий на общество и трансформациями современного мира.

Рекомендовано к изданию решением методической комиссии биоэкологического факультета ФГБОУ ВО Нижегородский ГАТУ им. Л. Я. Флорентьева.

УДК 009; 81.119; 001.38; 338.482
ББК 60.0 + 80.0 + 87.0

ISBN 978-5-6056735-0-7

© ФГБОУ ВО Нижегородский
ГАТУ им. Л. Я. Флорентьева, 2026
© Коллектив авторов, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. СЕЛЬСКИЙ / АГРАРНЫЙ ТУРИЗМ: ОБЗОР МИРОВЫХ ПРАКТИК <i>Аникина А. В.</i>	9
Глава 2. ИСТИНА В ПРОСТРАНСТВЕ КЛАССИЧЕСКИХ КООРДИНАТ И ВЫЗОВОВ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ (в помощь магистрантам и аспирантам агротехнологического образования) <i>Корнев Г. П.</i>	25
Глава 3. ПОЛЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИНГВИ- СТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (в помощь магистрантам и аспирантам агро- технологического образования) <i>Кочнова К. А.</i>	95
Глава 4. СОЕДИНЕНИЕ НЕСОЕДИНИМОГО: АГРАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ КАРТИНЫ МИРА <i>Прончатов В. Н.</i>	110
Глава 5. КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАР- КЕ И В ГУБЕРНСКОМ ЦЕНТРЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА <i>Кудрявцев М. С.</i>	135
ПОСЛЕСЛОВИЕ	159
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	162

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«Конечная цель сельского хозяйства –
не выращивание сельскохозяйственных культур,
а выращивание и совершенствование людей»*

(Масанобу Фукуока, японский фермер,
писатель, философ)

Аграрная отрасль играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности России, укреплении её суверенитета. Федеральное правительство предпринимает шаги по поддержке сельскохозяйственного производства в нашей стране. Это льготное кредитование и лизинг, субсидии и гранты. Для предприятий АПК действуют льготные ставки по налогу на имущество, единый сельскохозяйственный налог. Агрострахование позволяет получить страховую выплату при потере урожая из-за природных явлений. Выделяются субвенции на постройку или покупку жилья для работников сельского хозяйства, на строительство нежилых построек для нужд фермеров. Однако условия, в которых оказалась Россия, требуют дополнительных усилий ученых-аграриев по выводу сельского хозяйства на новые рубежи.

Первая четверть XXI века поставила перед российской аграрной наукой ряд вызовов. Во-первых, это кадровый дефицит, поскольку сельскохозяйственная сфера ещё недостаточно привлекательна для молодых специалистов. В ряде регионов наблюдается острая нехватка квалифицированных агрономов, инженеров, операторов техники и специалистов нового типа – от агропрограммистов до биотехнологов.

Во-вторых, зависимость в технике, оборудовании, семенах и средствах защиты растений от зарубежных поставщиков. Несмотря на заметный прогресс в импортозамещении, многие элементы современного сельского производства остаются чувствительны к внешним поставкам.

В-третьих, климатическая нестабильность. Засухи, аномальные осадки, колебания температуры нарушают привычные агротехнологические циклы. Это требует перехода к устойчивым системам земледелия, более точного управления ресурсами и активного внедрения технологий мониторинга, прогнозирования и адаптивного землепользования.

В-четвертых, способность страны обеспечить себя продовольствием уже в ближайшем будущем будет зависеть от темпов внедрения роботизации, точного земледелия, биотехнологий, цифровых платформ, которые повышают урожайность, снижают издержки, уменьшают зависимость от природного фактора.

В-пятых, усиление междисциплинарности. На пересечении биологии, химии, информационных технологий, инженерии и экологии появляются новые научные направления, связанные с системным анализом агроландшафтов, моделированием углеродного баланса, развитием устойчивых агросистем и

управлением природными ресурсами. На все эти вызовы наука призвана дать системный и научно выверенный ответ.

Для успешного развития отрасли необходимо усиление научной базы и подготовка квалифицированных кадров. Свой вклад в научное знание по тематике попытались сделать авторы данной монографии – сотрудники кафедры истории, философии и социологии.

Об истории кафедры. История кафедры «История, философия и социология» насчитывает не одно десятилетие; она неразрывно связана с летописью Горьковского сельскохозяйственного института (1932–1994), предшественника нынешнего Нижегородского государственного агротехнологического университета имени Л. Я. Флорентьева (НГАТУ), и наполнена яркими страницами творческого поиска.

В самом начале весь цикл общественных наук в Горьковском сельскохозяйственном институте был сосредоточен на кафедре марксизма-ленинизма. Её возглавлял доцент Михаил Ефимович Кабин – участник Великой Отечественной войны. В те годы в состав кафедры входили доценты Дмитрий Семёнович Забегалов, Александр Павлович Смородин, Александра Васильевна Барчугова, старшие преподаватели Нина Израилевна Волк, Владимир Петрович Соколов, Мария Изосимовна Падина, Александр Сергеевич Сергеев, а также заведующая кабинетом Любовь Петровна Курченко.

В 1964 году заведующим кафедрой стал доцент Владимир Петрович Окоороков, перешедший из Горьковской консерватории. Заведующим кабинетом в то время был Александр Николаевич Семенов.

В 1965/1966 гг. после введения в вузах курса «Научный коммунизм» произошло разделение единой кафедры марксизма-ленинизма на кафедру истории КПСС и кафедру марксистско-ленинской философии и основ научного коммунизма. Руководство первой принял В. П. Окоороков, а второй – кандидат философских наук, доцент Евгений Гаврилович Куделин, также ветеран Великой Отечественной войны, который возглавлял её на протяжении 24 лет. Долгое время он был заместителем секретаря парткома института по идеологии.

В те годы состав кафедры был типичным для негуманитарных вузов: на пятерых кандидатов наук, доцентов (Е. Г. Куделина, Александра Николаевича Мальцева, Алимджана Мустафьевича Орлова, Галину Александровну Северухину, Геннадия Николаевича Шарапова) приходилось семь старших преподавателей без учёной степени – Вячеслав Степанович Дряхлов, Майя Владимировна Кедрина, Наталья Павловна Кудрявцева, Борис Иванович Кузнецов, Елена Викторовна Лаврентьева, Владимир Викторович Левин, Василий Иванович Табаков. Позднее – Юрий Александрович Закунов, Александра Александровна Кутырева, Зинаида Николаевна Орлова, Маргарита Лазаревна Хазанова. Впоследствии многие из них защитили кандидатские диссертации.

В 1984 году, после завершения аспирантуры в Институте социологических исследований Академии наук СССР, на кафедру пришла работать Галина Сергеевна Широкалова. В этот же период к коллективу присоединился выпуск-

ник МГУ Сергей Викторович Борисов. Так постепенно росла доля преподавателей с фундаментальным философским образованием: С. В. Борисов, Н. П. Кудрявцева, А. Н. Мальцев, В. И. Табаков, Г. С. Широкалова.

Евгений Гаврилович Куделин был для творческого коллектива организатором, воспитателем и душой кафедры. С самого начала основным направлением научной работы кафедры стало исследование формирования и развития личности сельского труженика – с учётом закономерностей общественного развития, образа жизни селян, их потребностей и возможностей для их удовлетворения.

К этой работе были привлечены практически все члены кафедры, но наиболее активно – Г. А. Северухина, Г. С. Широкалова, М. В. Кедрина, В. В. Левин, Г. В. Сладкова. Итогом этой масштабной и многолетней деятельности стали книги: «О духовном развитии личности» (1974), «Социальное преобразование села» (1985), «Люди села» (1993), а также многочисленные публикации в журналах, научных сборниках, доклады и выступления на конференциях.

Благодаря сложившейся на кафедре творческой атмосфере её члены смогли защитить 4 докторские (Е. Г. Куделин (1975), Г. С. Широкалова (1993), В. И. Табаков (1998), Ольга Леонидовна Краева (1999)), и 8 кандидатских диссертаций (Г. Н. Шарапов, А. М. Орлов, М. И. Падина, В. И. Табаков, О. Л. Краева, А. Н. Мальцев, С. М. Антаков, Анна Валентиновна Аникина).

Широкое признание получили фундаментальные труды Е. Г. Куделина: «О превращении труда в радость, в жизненную потребность» (1963), «Труд – потребность и радость жизни» (1966), «Диалектика производства и потребностей» (1977), «Законы повышения потребностей и соревнования способностей в историческом материализме» (1985).

Алимджан Мустафинович Орлов посвятил свои исследования культуре татарского народа. Его книга «Мещера, мещеряки, мишаре» (1992) получила высокую оценку специалистов. Геннадий Николаевич Шарапов занимался изучением законов диалектики. На протяжении многих лет его методические пособия – «Изучение законов диалектики с учетом профиля вуза. Закон единства и борьбы противоположностей» (1986), «Моральные принципы социализма» (1988), «Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений» (1993) – оставались востребованными у студентов.

С 1976 по 2010 год на кафедре работала доцент Г. А. Северухина. Защитив диссертацию на тему «Общее и специфическое в бюджетах времени рабочей и студенческой молодежи», она положила начало социологическим исследованиям студентов вуза. Будучи журналистом по призванию, она регулярно публиковалась в газетах «Горьковская правда», «Ленинская смена», «Горьковский рабочий», «Город и горожане», а также в вузовской газете «За сельскохозяйственные кадры».

Сферой научных интересов О. Л. Краевой стали потенциал человека и проблемы антропологического содержания современных коммуникаций, которые были обобщены в её докторской диссертации. Докторская диссертация В. И. Табакова была посвящена теории и опыту реализации социализма.

По мере введения новых дисциплин менялось и название кафедры. В разные годы её руководителями были: А. Н. Мальцев, В. И. Табаков, доктор философских наук, профессор Михаил Михайлович Прохоров, О. Л. Краева. Около 20 лет, с 2003 по 2022 г., кафедру философии, социологии и политологии возглавляла Г. С. Широкалова.

С 2000 года кафедра сотрудничает с Всероссийским научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства РАН в рамках Всероссийского мониторинга «Социально-трудовая сфера села». По итогам этого мониторинга ежегодно готовится доклад для Министерства сельского хозяйства РФ.

Преподаватели кафедры известны далеко за пределами НГУТУ и Нижнего Новгорода.

А. Н. Мальцев был депутатом Государственной Думы РФ второго созыва (1995–1999), входил в Аграрную депутатскую группу и занимал должность заместителя председателя Комитета Госдумы по вопросам местного самоуправления.

Г. С. Широкалова на протяжении восьми лет являлась членом Консультационного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области, руководила Нижегородским отделением РОС и Международной ассоциацией религиозной свободы, а также входит в диссертационный совет по защите докторских диссертаций ННГУ.

А. В. Аникина многие годы выступает экспертом Областной комиссии по проверке ЕГЭ по обществознанию.

Т. И. Коптелова известна как исследователь творчества евразийцев; кроме того, она опубликовала девять сборников стихов.

Кандидат философских наук, доцент Владимир Николаевич Прончатов – педагог высшей категории в системе внешкольного дополнительного образования. Он руководит Судомодельной лабораторией Станции юных техников № 1 Советского района, а его работы неоднократно отмечались дипломами на конкурсах в номинации «Детское техническое творчество».

В 2020 году кафедры «Философия, политология и социология» и «История и культура» были объединены. Новая объединённая кафедра получила название «История, философия и социология». В её состав вошли преподаватели: доцент Ксения Александровна Кочнова, старший преподаватель Марина Владимировна Кирюшина, кандидат исторических наук Вячеслав Айдарович Чистяков, доктор культурологии, доцент Елена Михайловна Кирюхина.

С 2022 года кафедру возглавляет кандидат филологических наук, доцент К. А. Кочнова.

В 2024 году коллектив кафедры пополнили доктор философских наук, профессор Георгий Павлович Корнев и кандидат исторических наук, доцент Михаил Сергеевич Кудрявцев. В 2026 году к ним присоединился кандидат философских наук Денис Александрович Давыдов.

В настоящее время важнейшими направлениями научно-исследовательской работы кафедры являются: философское осмысление про-

шлого, настоящего и будущего России; аграрная политика в России и мире; социология сельского туризма; роль религии в современном обществе; эпистемология; социальная философия; история и философия техники; языковая картина мира писателя; русский языковой менталитет; социально-культурные аспекты развития гражданского общества.

К.А. Кочнова

Глава 1.

СЕЛЬСКИЙ / АГРАРНЫЙ ТУРИЗМ: ОБЗОР МИРОВЫХ ПРАКТИК

Аникина А. В.

Аннотация. В главе рассматриваются мировые практики развития сельского и аграрного туризма. Анализируются основные модели (европейская, англо-американская, азиатская), факторы успешного развития отрасли, а также возможности адаптации зарубежного опыта в российских условиях. Особое внимание уделяется государственной поддержке агротуризма и его роли в развитии сельских территорий. Приводятся прогнозы развития рынка агротуристических услуг до 2033 года.

Ключевые слова: сельский туризм, аграрный туризм, агротуризм, мировые практики, устойчивое развитие сельских территорий, государственная поддержка, фермерский туризм, этнографический туризм, экологический туризм.

Chapter 1.

RURAL / AGRICULTURAL TOURISM: A REVIEW OF GLOBAL PRACTICES

Anikina A.V.

Abstract. The chapter examines global practices in the development of rural and agricultural tourism. It analyzes the main models (European, Anglo-American, Asian), the factors contributing to the successful development of the sector, as well as the potential for adapting international experience to the Russian context. Special attention is paid to state support for agritourism and its role in the development of rural areas. Forecasts for the development of the agritourism services market up to 2033 are provided.

Keywords: rural tourism, agricultural tourism, agritourism, global practices, sustainable rural development, state support, farm tourism, ethnographic tourism, ecotourism.

Сельский / аграрный туризм – одно из стратегических направлений развития туризма в мире. В глобальной практике он выделяется в отдельную отрасль, начиная с 1972 года. За последние пятьдесят лет наметился тренд к его расширению. По прогнозам Market Research Intellect, к 2033 году размер рынка сельского / аграрного туризма достигнет 22,3 млрд долларов США с годовым темпом роста от 5,4 до 7,8% [Market Research Intellect 2024].

Быстрое развитие сельского туризма обусловлено укрупнением агробизнеса; высоким уровнем безработицы (особенно среди женщин); миграцией трудоспособного населения из деревень; низким уровнем дохода в сельской местности; изменением внешнего облика деревень; потерей «деревенской философии». На сегодняшний день услуги сельского / аграрного туризма стали одним

из основных неаграрных источников благосостояния сельских жителей [Аникина 2021: 31] практически во всех регионах мира.

Поэтому изучение мировых практик сельского / аграрного туризма является своевременной задачей для адаптации успешных моделей и стратегий к российским условиям.

Основная часть. Понятия «сельский туризм» и «аграрный туризм» в научной и научно-популярной литературе используются как синонимы, однако они имеют свои особенности. Если аграрный туризм тесно связан с непосредственным участием туристов в сельскохозяйственной деятельности (сбор урожая, уход за животными), то сельский туризм охватывает более широкий спектр услуг: отдых на природе, знакомство с сельским бытом, культурой, ремеслами, гастрономией и пр.

В мировом туристическом бизнесе выделяют несколько вариаций сельского / аграрного туризма.

1. Фермерский туризм (туристы проживают на действующих фермах, участвуют в сельскохозяйственных работах, дегустируют местные продукты).
2. Этнографический туризм (путешественники погружаются в местную культуру, быт, традиции, ремесла).
3. Экологический туризм (акцент на природные ресурсы, наблюдение за дикой природой, активный отдых).
4. Сельский образовательный туризм (знакомство с методами ведения сельского хозяйства, ремеслами и местной кухней через мастер-классы и обучающие программы).
5. Сельский оздоровительный туризм (использование природных лечебных факторов – минеральные воды, чистый воздух, экологически чистые продукты для оздоровления).

Анализ успешных кейсов в различных странах позволяет выделить ряд общих факторов, способствующих продвижению сельского / аграрного туризма:

- 1) уникальное природное и культурное наследие (наличие привлекательных ландшафтов, биоразнообразия, самобытных традиций, исторических объектов, ремесел);
- 2) высокое качество предоставляемых услуг (комфортное проживание, вкусная местная кухня, интересные экскурсии и мероприятия, дружелюбный сервис);
- 3) аутентичность (возможность «почувствовать душу места», прикоснуться к местной жизни, а не быть просто наблюдателем);
- 4) развитая инфраструктура (наличие дорог, связи, объектов размещения, точек питания, информационных центров);
- 5) поддержка со стороны государства и местных сообществ (государственные программы поддержки, субсидии, образовательные программы для сельских предпринимателей, развитие кооперации, активное вовлечение местного населения);

- б) эффективный маркетинг и продвижение (создание привлекательных туристических продуктов, использование современных маркетинговых инструментов, формирование узнаваемых брендов территорий);
- 7) устойчивость развития (сохранение природной среды, поддержка местных культурных традиций, обеспечение социально-экономических выгод для местного населения) и т.д.

Остановимся на конкретных примерах и лучших практиках рассматриваемого типа туристического бизнеса в мире.

Индустрия сельского / аграрного туризма в Западной Европе достигла успехов, развиваясь в несколько этапов.

1. Появление рассматриваемого сектора туристических услуг без планирования и / или концептуальных основ в начале XX века.
2. Начало организации отрасли (создание домашних гостиниц во Франции (1950-е гг.)).
3. Возникновение агротуризма как дополнительного дохода в сельском хозяйстве (1960-1970 гг.).
4. Становление сельского / аграрного туризма как части политики в области развития сельских территорий (1980-1990 гг.; Программа LEADER ЕС).
5. С XXI века развивается как международный туристский продукт на основе изменения потребительских приоритетов и улучшения доступа к рынкам через Интернет.

В Европе существует несколько организаций, объединяющих хозяев сельских усадеб. Самая крупная – EuroGites (The European Federation of Farm and Village Tourism – Европейская Федерация фермерского и сельского туризма, включает 29 стран, 34 профессиональные и торговые организации Европы. Согласно статистике Eurogites, в странах-членах ЕС насчитывается более 400 тыс. объектов сельского туризма и не менее 3,6 млн койко-мест. Страны-лидеры – это Италия и Польша, в которых насчитывается по 20 тысяч агроусадоб [Стратегия 2012].

Вторая организация – ECEAT (European Center for Ecological and Agricultural Tourism – Европейский центр эко- и агротуризма, объединяющая представителей 12 стран. Это, главным образом, фермеры или сельские жители, развивающие, помимо усадеб, только экологически чистое сельскохозяйственное производство и отвечающие определенным экологическим стандартам. На политику в сфере агроэкотуризма влияют также TIES (The International Ecotourism Society – Международное общество экотуризма, Slow Food (Движение «Медленная еда» и другие организации и объединения.

Во всей Европе («ЕС-27+») насчитывается около 5-6,5 млн гостевых мест. Агротуризм составляет около 15-20% туристического рынка. В европейских странах большинство покупателей путешествий (туристов) – местные жители. Исключением являются Австрия и Словения, где немецкие туристы составляют 40%, а также Италия, где в сельской местности отдыхает более 50% иностранцев.

Сельский / аграрный туризм сосредоточивается, в первую очередь, на внутреннем рынке. Эффективным механизмом для его роста становится создание собственного национального бренда. В 1985 году в Италии принят закон, регулирующий вопросы, связанные с развитием агротуризма. В рамках реализации национального законодательства, в 2013 году страна создает национальный бренд для сельскохозяйственных предприятий.

Особенностью итальянского агротуризма является то, что государство не разрешает фермерам полностью переориентироваться только на туризм, отказавшись от сельскохозяйственного производства. Обслуживать путешественников имеют право лишь те хозяйства, сотрудники которых прошли специальные курсы. Условия проживания гостей должны соответствовать нормам и стандартам, принятым в Европе. Кроме того, аграрным туризмом запрещено заниматься лицам, совершившим уголовные преступления в сфере гигиены, здравоохранения или обмана в процессе приготовления пищи.

Территориально сельский / аграрный туризм развит в трех областях Италии – Тоскане, Южном Тироле и Пьемонте [Оришев 2017: 114]. Они дают более 50% доходов от всего аграрного туризма по стране. Туристские комплексы предоставляют своим клиентам возможность заниматься различными видами спорта, совершать конные и пешие прогулки, организуют экскурсии для осмотра местных достопримечательностей и окрестных городов. Туристы с удовольствием посещают сельские ярмарки, «средневековые» костюмированные праздники. Все более важную роль играет итальянская кухня. На сегодняшний день разработано более 70 винно-гастрономических маршрутов, которые в значительной степени связаны с сельским / аграрным туризмом.

Итальянский туризм развивается по ряду тематических направлений.

1. Размещение в сельских поселениях на территории курортных мест, национальных парков (тема – «природа и туризм»).
2. Размещение в хозяйствах, специализирующихся на определенном виде продукции – вина, сыра, оливкового масла, рыбы, морепродуктов и т.д. (тема – «традиционная кухня»).
3. Размещение в кемпингах, гостиницах при специализированных спортивных объектах в сельской местности (тема – «спорт»).

В целом, в стране находится более 21 тыс. субъектов агротуристического бизнеса, зафиксировано более 13,8 млн отдыхающих в год и 1168 млн € годового денежного оборота.

В Германии создана особая организация размещения туристов в сельской местности. Гости предпочитают находиться непосредственно в хозяйских домах с типичными формами организации досуга. Это и помощь по ведению хозяйства, и уход за животными, и проведение пикников, и рыбалка. Рамочные условия для развития сельского / аграрного туризма вырабатываются Федеральным Министерством экономики и труда совместно с Советом по вопросам туризма. Согласование всех вопросов между федеральным и земельным уровнем осуществляет Федеральный Земельный комитет по туризму. Вопросами контроля качества туристского продукта сельского туризма занимаются не-

сколько организаций: Немецкий туристский союз, Немецкое сельскохозяйственное общество и партнерства (общества) по туризму на земельном и межрегиональном уровнях.

Немецкое сельскохозяйственное общество осуществляет сертификацию мест размещения в сельской местности, выдает знаки соответствия и проводит постоянный мониторинг качества, а также занимается информационной и рекламной поддержкой сельского / аграрного туризма в Германии. Особое место занимают межрегиональные союзы (партнерства) по туризму, которые объединяют несколько муниципальных округов для формирования более разнообразного туристского продукта и совместного продвижения на внутреннем туристском рынке [Ивашкин 2025: 153].

Сельский / аграрный туризм во многом связан с событийным туризмом, поскольку и в Германии, и в Австрии существует множество народных праздников, фольклорных фестивалей, регулярно проводятся сельские ярмарки. Особое внимание со стороны государства обращается на качество обслуживания. В целях его контроля создана специальная система ярлыков, используемых при оценке питания и состояния жилищ для сельских туристов. В Австрии активно инвестируются средства в развитие сельского и экологического туризма: гостя ждет уютная комната, крестьянская еда и особенности деревенской жизни. В программу поездки входит, помимо прочего, работа. Популярен такой вид отдыха среди семей с детьми. Городского ребенка, видевшего кур и коз только в зоопарке, научат ухаживать за животными, а также ездить верхом на лошадях.

Англо-американская модель возникла в англоязычных странах в послевоенный период, когда национальная экономика требовала немедленных мер по выходу из кризиса. Началось активное строительство автодорог, активизировался автотуризм. Именно автотуристы в англоязычных странах стали активными потребителями услуг сельского / аграрного туризма. Это обусловило следующие характерные черты данной модели: ориентированность на внутренний туризм; предоставление основного набора услуг (поскольку дополнительные, как правило, не востребованы); некоторое пренебрежение национальной спецификой [Остапенко 2013: 290].

Так же, как и в остальной Европе, в Великобритании интенсивное развитие получил сельский / аграрный туризм. В стране существует множество ферм, предлагающих услуги по размещению путешественников. Описываемая модель интересна своеобразным сочетанием видов туризма. Сельские туры часто включают в свою программу элементы познавательного туризма. Неизменным успехом пользуются разнообразные спортивные мероприятия: пешеходные и велосипедные прогулки, катание на лошадях и пони (для детей), игра в футбол, крикет, гольф и многое другое. Отметим, что культура верховой езды и гольфа необычайно высока в Великобритании. Поэтому многие фермеры стремятся включить эти виды спорта в программу развлечений, предлагаемых непосредственно на ферме.

В «туманном Альбионе» большое внимание уделяется привлечению детей и их ознакомлению с сельской жизнью. Для этого на фермах создаются

специальные загоны для молодняка животных (телят, поросят, козлят и жеребят). У ребят появляется возможность заботиться о маленьких животных, поскольку многие из них видели таковых только на картинках и в зоопарках. Посредством подобного общения у детей формируется ответственность и причастность к окружающему миру [Слинкова 2017: 77]. Поэтому сельский / аграрный туризм в Британии лучше развивается в окрестностях больших городов – основных поставщиков туристов, а также местах с высокой концентрацией памятников первобытных культур.

Особо отметим кипрский сельский / аграрный туризм, который развивается на основе концепции качественного развития сельских туристских направлений, удовлетворяющий посетителей с различными интересами и запросами. На острове существует несколько туристских агентств, специализирующихся на продаже путевок в кипрские деревни. Путешественникам предлагают «кусочек деревенской жизни», знакомя с местными традициями, обычаями и народной кухней. Кипрский агротуризм предлагает два вида размещения.

1. Аренда дома с полным пансионом (завтрак, обед и ужин готовит хозяйка арендованного дома) или без питания (можно готовить самостоятельно на кухне или завтракать в кафе, а обедать и ужинать в деревенской таверне).
2. Аренда комнаты непосредственно в хозяйском доме с полным пансионом (завтрак, обед и ужин совместно с хозяевами дома).

Выбор программ агротуристской направленности на острове достаточно широк. Основным интерес вызывают программы «Сбор урожая (винограда, черешни, оливок, апельсинов, мандаринов)» и «Активный отдых». Популярны программы «Уик-энд на Кипре», когда туристы приезжают в приморские районы с целью активно отдохнуть от городской суеты, поехать на велосипеде, искупаться в море, сходить на пикник в близлежащее поле с корзинкой традиционной деревенской еды и домашним вином, побродить по окрестностям, посмотреть церкви, монастыри, местные достопримечательности. Можно взять уроки кулинарного искусства у деревенской жительницы, попробовать испечь цельнозерновой хлеб в печи фурно, научиться готовить мусаку (традиционная слоеная запеканка) и т.д.

Кипрский агротуризм предлагает гастрономические (например, на козьих фермах готовят сыр халлуми) туры, винные маршруты. Винные маршруты включают в себя винодельческие предприятия, питание и проживание в местах, соответствующих стандартам качества и удобства, а также информационную поддержку (например, информацию о маршруте, информационные карты, оценки винодельческих предприятий и т.д.). Предлагаются и велосипедные маршруты. Отметим, что велосипедный маршрут Троодос составляет 57 км. Он включает в себя три маршрута по 16,2; 22,7 и 18,2 км.

Разработаны на Кипре и религиозные маршруты: «Апостолы Павлос и Варнава», «Благоговетный культ Святого креста», а также путь, проходящий по кипрским памятникам ЮНЕСКО. Культурные ценности острова связаны с религиозным наследием. В трассы сельского / аграрного туризма входит посещение византийских церквей, монастырей, старинных культурных памятников,

музеев, священных реликвий и т.п. Осуществляется содействие уникальным культурным событиям, создаются модернизированные традиционные праздники, в том числе – праздники природы Кипра. Это позволяет повышать профессиональную квалификацию местного населения, снижать влияние фактора сезонности, обогащая, тем самым, туристский продукт.

Отметим, что кипрская компания агротуризма включает более 70 членов. У нее имеется свой сайт с центральной системой бронирования и рекламной деятельностью. Она участвует в создании онлайн-платформ, местных газет, журналов, брошюр и информационных бюллетеней, туристских выставок и показательных рекламных поездок. Основные цели компании – увеличение членов, создание и реализация стандартов качества продуктов размещения и обслуживания клиентов, расширение видов деятельности и развлечений в сельском / аграрном туризме.

Восточноевропейская модель сельского туризма распространена в странах Восточной Европы – Болгарии, Польше, Чехии, Греции, Белоруссии. Формирование этой модели происходило в условиях слабо развитого жилищно-коммунального фонда сельского сектора, поэтому требовала разработки программ по реконструкции деревень и являлась более затратной.

В ноябре 2002 г. в Белоруссии создано Общественное объединение «Агро- и экотуризм», в мае 2003 года проведена Первая Международная конференция по сельскому туризму [Гайдукевич 2021: 61]. Сформирована команда преподавателей-тренеров, проводились семинары для желающих заниматься сельским туризмом в разных регионах страны. Национальная программа развития предусматривает:

- 1) создание туристских деревень с традиционной народной архитектурой на основе существующих сельских поселений, расположенных в живописной местности;
- 2) активизацию использования резервов сельского населения посредством организации сельских туров с проживанием и питанием в деревенских домах, усадьбах;
- 3) формирование сельских туристских комплексов на базе сельскохозяйственных производственных кооперативов;
- 4) создание условий для ознакомления с природным потенциалом Республики Беларусь, активного отдыха на природе (организация туристских походов с проживанием в палатках, приготовлением пищи на костре, организация эколого-образовательных и эколого-просветительских туров для разных возрастных и социальных групп населения, фотоохота на представителей животного и растительного мира, находящихся в естественных условиях).

Белорусские сельские усадьбы индивидуальны, уникальны и неповторимы. Они отражают вкус и характер хозяина и предлагают разнообразные условия для проживания в зависимости от потребностей и доходов туристов. Популярны усадьбы-коттеджи, которые готовы удовлетворить самых взыскательных туристов с высоким уровнем комфорта («Верес», «Лебединое», «Над Неманом»). Предлагаются гостям и усадьбы на базе деревенских домов, которые по-

степенно улучшаются и приспособляются к запросам потребителей («Докудово», «Комарово», «Свитязянка»). Есть просто дачи, летние дома отдыха в деревнях («Соловушка», «Ивле», «Хмеля»).

Таким образом, господствующая в Европе концепция сельского туризма ориентирована на развитие малого семейного гостиничного хозяйства в сельских провинциях. Она предполагает:

- 1) наличие свободного или условно свободного жилого фонда в сельской местности (включая малые города);
- 2) достаточно высокий уровень комфорта и хорошее состояние жилого фонда (как правило, это частные дома с автономной системой обеспечения);
- 3) системная государственная поддержка агротуристских хозяйств: принятие политического решения о поддержке сельского туризма как сектора сферы услуг;
- 4) организационная поддержка: создание специальных структур, оказывающих системную помощь и занимающихся организацией данного сектора туристической индустрии, а также внедрение информационных технологий, позволяющее создать масштабный рынок сельского туризма в виртуальной форме;
- 5) организация объединений субъектов сельского туризма, поддерживающих порталы с базами данных по всему агротуристскому сектору;
- 6) нормативно-правовое (принятие соответствующих законов и госпрограмм), информационное и рекламно-информационное обеспечение продвижения совокупного национального и региональных агротуристских продуктов.

Сельский / аграрный туризм также динамично развивается в странах Азии и Африки. Однако это развитие происходит неравномерно. Становясь более популярным и перспективным, именно этот вид отдыха позволяет сохранять культурное наследие азиатских и африканских стран. В целом, он решает вопросы материального обеспечения сельских территорий, поддерживает традиции народов и древние промыслы.

Отметим, что азиатская модель сельского / аграрного туризма противоположна англо-американской, предполагает национальный колорит, большое количество дополнительных услуг и размещение гостей в специально построенных «VIP-деревнях» и / или дорогих национальных гостиницах, расположенных в сельской местности [Остапенко 2013: 290].

Старт развитию сельского / аграрного туризма в Китае дали реформы Дэн Сяопина. В начале 1990-х гг. в провинции Сычуань в районе Ухоу местный фермер учредил первую цветочную ферму, в которой останавливались городские жители. Горожане участвовали в сельских работах, наслаждались красотами природы. Это позволило значительно увеличить привлекательность района для туристов и получить дополнительную прибыль крестьянам. Масштабное развитие сельского / аграрного туризма в «Поднебесной» началось только с 2009 года, когда правительство Сычуани заключило ряд соглашений с турфирмами [Оришев 2019а: 129]. Тогда и состоялось открытие сети сельских отелей. Строились гостиницы прямо на фермах, которые переоборудовались и отдавались в аренду. Развитию туризма в районе способствовало, в том числе, и нали-

чие всемирно известной достопримечательности – уникальных древних Дучзяньянских дамб, построенных более 2 тыс. лет назад, входящих в список памятников культуры, охраняемых ЮНЕСКО.

В целом, сельский / аграрный туризм в КНР призван содействовать развитию сельских территорий, поскольку создает большое количество рабочих мест, позволяет бороться с миграцией местного населения в города и является основным инструментом в борьбе с бедностью и нищетой. Особенностью китайского сельского / аграрного туризма являются деревни, куда можно поехать собирать урожай. Турист платит 10 юаней, собирает любое количество винограда, овощей и фруктов. Например, в провинции Чэнду имеются огромные плантации лотосов. Открыты кафе, где можно пить сок из лотосов, угоститься корнем этого цветка (несмотря на то, что цветок является растением, занесенным в Красную книгу).

В КНР выделяют следующие направления сельского / аграрного туризма: сельские курорты; участие в сельскохозяйственных работах; этнические туры; знакомство с национальной кухней, посещение высокотехнологичных китайских ферм.

Отметим, что на сельских курортах горожанам предоставляется возможность отдыхать в комфортабельных сельских домиках, наслаждаться красотами местной природы и свежим воздухом. Городской житель не участвует в сельскохозяйственных работах, ограничиваясь пассивным отдыхом. Например, у основания горной цепи Ло Фу Шань в провинции Сычуань шанхайская компания Aim Architecture возвела современный спа-салон. Окруженный стеклянным ограждением, расположенный в сельской местности геотермальный курорт предлагает возможность покинуть шумные китайские мегаполисы и погрузиться в мир тишины и релаксации. С территории курорта открывается вид на лесные массивы и горную цепь. Геотермальные источники связаны друг с другом посредством специальных дорожек.

Ландшафт «Лесягуо» в Южном Китае известен как «Красная земля» из-за яркого цвета, поскольку почва окрашена окисленным железом. Там, на высоте 800 метров над уровнем моря, раскинулись сельскохозяйственные угодья. Гости наблюдают белые цветы, покрытые пятнами красной земли. На такой фантастический пейзаж – естественное чудо – хлынул поток туристов, поэтому местные жители имеют дополнительный заработок.

В этнических турах туристы знакомятся с традициями, бытом, национальными нарядами, обрядами, праздниками, песнями и танцами определенного региона. Например, в местности Тунсян провинции Чжэцзян гостям предлагают нарисовать картину на шелке. Туристам в кулинарных и гастрономических турах предоставляют возможность насладиться такими блюдами, как утка по-пекински, баранина, сваренная в китайском самоваре по-монгольски, запеченный поросенок по-гуандунски, острый соевый творог по-сычуаньски и т.д. На сегодняшний день в Китае выделяют четыре кулинарных региона: восточный с популярными рыбными блюдами, юго-восточный с речной рыбой и крабовой икрой, южный с использованием в кулинарии кошек, собак, змей и насе-

комых, а также юго-западный – с использованием различных специй (более 300 видов приправ).

Рыболовные туры также являются популярным направлением. У многих турагентств в Китае есть предложения на горные озера и реки с красивой и уникальной природой. Китайцы ловят все, что можно поймать. Существует как бесплатная, так и платная рыбалка. Бесплатно ловят рыбу в горных озерах и реках, поскольку рыболовным кампаниям такая транспортировка затруднительна и экономически невыгодна. Если турист выбирает рыбалку на горных реках, то он берет с собой проводника из местных крестьян. Если заказывается платная рыбалка, то любое оборудование, наживка и прикормка вместе с услугами инструкторов предоставляются бесплатно. Пойманную же рыбу гости оплачивают полностью. Практикуется также рыбалка с луком и арбалетом, с помощью бакланов и прочее.

Важным направлением китайского сельского / аграрного туризма является посещение высокотехнологичных ферм – образцов аквакультуры. Отметим, что Китай является крупнейшим в мире производителем и потребителем морепродуктов (в том числе ракообразных, моллюсков и прочих деликатесов). Аквакультура охватывает сельское хозяйство в водоемах, озерах, бассейнах, в океане, составляя две трети от общего вылова рыбы в КНР. Один из её центров расположен на юго-востоке в провинции Фуцзянь, где сконструированы плавающие фермы и сформирована особая отрасль. Этот факт привел к организации специальных туров по посещению ферм. Кроме того, популярными развлечениями среди туристов являются катание на лошадях, велосипедные поездки.

В Японии, в отличие от Европы и стран Северной Америки, преобладают однодневные поездки с целью сельскохозяйственной деятельности. Проживание в домах фермеров не получило широкого распространения. Собственно, рынок агротуристских услуг в Японии рассчитан на местное население и жителей близлежащих префектур. Так, например, в регионе озера Бива (префектура Шига) выделяется семь типов организации агротуристической деятельности.

1. Фермерские гостевые дома с предоставлением питания, развлечений и занятий сельским хозяйством.
2. Фермерские угодья, расположенные на рисовых и овощных полях, где люди (в основном, горожане) арендуют землю и сами (или с помощью фермеров) выращивают экологически чистые рис и овощи для опыта и удовольствия.
3. Агросады, где население получает удовольствие от сбора собственными руками ягод, фруктов и орехов.
4. Места прямой продажи фермерами собственной сельскохозяйственной продукции потребителям.
5. Объекты, расположенные на сельскохозяйственных полях, где общественность (школьники или студенты) получает от местных фермеров знания и опыт сельскохозяйственной и экологически безопасной деятельности.
6. Агропарки с развлечениями, слабо связанные с местным фермерским производством и сельской культурой населения.

7. Второе жилище горожан в сельской местности, где они занимаются садоводством и цветоводством [Литвиненко, Киши 2018: 108].

Популярны в Японии и экскурсии на фермы (остров Хоккайдо – молочные фермы; префектура Нагано – рисовые поля и фруктовые сады; префектура Окинава – фермы, где занимаются выращиванием ананасов и манго), дегустация, мастер-классы по приготовлению блюд из выращенных на фермах продуктов.

Известны в «стране восходящего солнца» и агротуристские курорты. Например, отель Nataka no Resort Sansan Villa на острове Авадзи. Там гости могут участвовать в сезонных сельскохозяйственных работах, таких как посев и сбор урожая.

Аграрный туризм в Индии – это посещение деревень, в которых туристов ждет знакомство с памятниками культуры и сельской архитектуры. В деревне каждый гость услышит немало мифов, легенд и преданий. Всего в Индии насчитывается до 50 деревень, способных принять туристов. Расположены они на огромной территории от штата Гоа до пустыни Раджастан. Сельский туризм больше других развит в Юго-Восточном районе, включающем штаты Орисса, Чхаттисгарх, Джаркханд. Приехавшие гости могут принять участие в различных сельскохозяйственных работах, покататься на тракторе и велосипеде, посетить сикхский храм, поучаствовать в религиозных церемониях. Например, в штате Гуджарат предлагается посетить деревни, в которых крестьяне занимаются традиционными ремеслами. Здесь же предоставляется возможность побывать в знаменитой соляной пустыне. Для туристов разработан специальный маршрут, позволяющий посмотреть на мастеров в действии, получить представление о деревенской жизни. Можно поселиться в землянках или палатках в деревне. Существует вариант ночевать на кровати под открытым небом. В селе Бишна (штат Джамму и Кашмир) жители почитают природу и пытаются жить в гармонии с ней. Гостеприимство местных жителей проявляется в том, что наряду с вкусной домашней пищей туристам предложат поучаствовать в народных танцах, сафари на верблюдах, походах в деревню.

Второе направление сельского / аграрного туризма в Индии – посещение национальных парков (в стране функционирует около 500 национальных парков, заповедников и заказников). Туристы передвигаются по джунглям на джипах, слонах, пешком и на моторных лодках, видят жителей этой страны и дикую природу. Отелями служат бывшие резиденции махарадж, которые рекламируются как местные достопримечательности. Интерес представляют и птичьи заповедники в нескольких штатах.

Третье направление – чайный туризм, включающий в себя проживание на чайных плантациях [Оришев 2019b: 150]. Здесь каждый может проследить полный путь изготовления знаменитого напитка: от чайного листа с момента сбора на плантации до попадания в чайный пакетик. К аграрному сектору туризма Индии относят также катание на слонах и верблюдах. Особый интерес представляют сельские Олимпийские игры или Фестиваль Кила Райпур в штате Пенджаб. Эти соревнования представляют демонстрацию силы и умений сель-

ских жителей. Популярными являются перетягивание канатов, гонки на тракторах, езда мужчин на сельскохозяйственной технике и т.д. В соревнованиях участвуют люди всех возрастов. Все культурные мероприятия проходят в вечернее время.

В Республике Корея для привлечения туристов задействованы различные механизмы популяризации: от ивент-маркетинга и скидок для туристов до всевозможных льгот для малого бизнеса [Оришев 2018: 51]. Согласно программе, принятой в 2012 году, гости, устроившись в типичной корейской деревне, знакомятся с повседневным бытом местных жителей, носят национальный костюм – ханбок, учатся готовить корейскую еду, спят на теплом полу (подогрев осуществляется с помощью водяных котлов, которые топят настоящими дровами). Туристов ожидает уединение, поскольку шумных вечеринок и веселых мероприятий не предусмотрено. В качестве одной из услуг предлагается посещение корейской бани – чимчильбана. Другое направление – паломнические туры. Для тех, кто интересуется восточными религиями, есть буддийские храмы, куда можно не только зайти и посмотреть, но и пожить там несколько дней. В храмах путешественники употребляют ту же пищу, что и монахи, участвуют в религиозных ритуалах, мастер-классах. Здесь отключается мобильная связь, человек полностью отрешается от обычного мира. Гости приобретают уникальный эзотерический опыт.

Разнообразие природных ресурсов и ландшафтов Пакистана – от гор до плодородных равнин – создает отличные условия для развития агротуризма. Такие регионы, как горные долины Хунза, Нагар и Сват, предлагают живописные виды и возможность ознакомиться с традиционными методами ведения сельского хозяйства [Козырева, Кайратдинов 2025: 15]. Например, деревня Бирир в глубине долины Калааш в районе Читрал утопает в лимонно-зеленых полях, танцующих камышах и реке; здесь есть множество террасных полей. Деревня Гондал расположена в 72 километрах от столицы Исламабада. Из деревни открывается захватывающий вид на весь горный хребет Пир-Панджал, что придает ей величественную красоту. Поселение окружено вековыми деревьями и бескрайними полями.

Культурное многообразие Пакистана способствует росту агротуризма. Местные обычаи, традиции, кулинария являются факторами, которые привлекают туристов, желающих глубже узнать о жизни в пакистанской глубинке. Например, фестиваль Басант отмечается весной и символизирует начало нового сельскохозяйственного сезона. Во время фестиваля устраиваются яркие парады и запускаются воздушные змеи. Напротив, фестиваль Лохри празднуется ежегодно в январе и знаменует собой завершение сбора урожая сахарного тростника и пшеницы. Люди собираются вместе, зажигают костры, танцуют традиционные танцы бхангра и гида, наслаждаются вкусной едой, делятся историями.

На Шри-Ланке развитие агротуризма пошло по пути создания VIP-деревень – современных туристических предприятий, предлагающих полный пакет туристических услуг. Эти деревни предоставляют проживание в отдельных бунгало, стилизованных под традиционные жилища, но оснащенных всеми

современными удобствами, включая кондиционеры. Обслуживание и питание в таких комплексах соответствуют уровню отелей «пять звезд». Это позволяет привлечь туристов, ищущих сочетание аутентичности и комфорта, что способствует развитию сельских территорий и повышению их экономической привлекательности.

Аграрный туризм в Шри-Ланке развивается благодаря сочетанию уникальных культурных и природных ресурсов. Страна обладает богатым культурным наследием, включая древние города, храмы и традиционные ремесла, что делает её привлекательной для туристов, интересующихся аутентичным опытом. Например, Сигирия – не только исторический центр с древней крепостью, но и регион с богатыми сельскохозяйственными традициями. Здесь туристы могут посетить сады специй, где выращиваются корица, ваниль и кардамон, принять участие в традиционном выращивании риса.

Недалеко от Сигирии расположена Хабарана – живописный уголок с тихими деревнями и фермерскими хозяйствами. Здесь путешественникам предлагают погружение в деревенский быт, кулинарные мастер-классы и возможность попробовать себя в сборе урожая. В регионе Канди, известном своим чайным производством, туристам предлагают экскурсии по плантациям, дегустации цейлонского чая и возможность наблюдать за процессом его обработки. В южной части острова, в Тангалле, туристы могут посетить кокосовые плантации и сады специй, изучая методы органического сельского хозяйства, наслаждаясь свежими тропическими фруктами [Козырева, Каиматдинов 2025: 14]. Многие агротуристические программы включают участие в мастер-классах по традиционным ремеслам, таким как ткачество, гончарное дело и изготовление серебряных украшений.

Особенность сельского туризма в Египте заключается в том, что типичные сельские территории в стране расположены в дельте Нила и находятся достаточно далеко от известных рекреационных зон (курорты Хургада, Шарм-эль-Шейх, Сафага, Эль-Гунна и др.). Это не мешает развивать сельский туризм в пригородах, поскольку именно здесь располагается часть поселений кочевников-бедуинов, живущих в шатрах из козьей кожи и палатках [Оришев, Мамедов, Картунов 2023: 68]. Особый интерес у туристов вызывает бедуинская кухня с традиционными угощениями (фаршированный верблюд, бедуинский мятный чай, лепешки из пресного теста и т.д.). Сфера туристской деятельности расширяется за счет пустыни. Весьма популярны поездки на квадроциклах. Гостям предлагается наблюдать за красотами пустыни, поднявшись на барханы. Практикуется катание на верблюде.

Сельский туризм в ОАЭ – это национальная арабская кухня (блюда из говядины, телятины, баранины, козлятины или птицы); участие в прогулках на лошадях и верблюдах, скачки на чистокровных арабских скакунах, верблюжьи бега, соколиная охота, ночная ловля крабов [Оришев, Мамедов, Картунов 2023: 69].

В деревнях Саудовской Аравии по пятницам в бедуинском шатре гостям предлагают стакан верблюжьего молока, кофе и финики. Центром сельского

туризма в Саудовской Аравии является базар в Джидде – месте, где туристов знакомят с местными ремеслами (в том числе изготовление кальяна) [Оришев, Мамедов, КОРТУНОВ 2023: 70]. Практикуется наблюдение за производством кунжутного масла при помощи верблюда.

В Бахрейне предоставляют уникальную услугу – ныряние за жемчугом, отличающимся особым оттенком. При желании можно посетить верблюжью ферму, где верблюды разведены по секциям: от взрослых животных до «ясельной группы» [Оришев, Мамедов, КОРТУНОВ 2023: 71]. В местной кухне самое популярное у туристов блюдо – бирьяни (рис с курицей).

Таким образом, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на севере Африки также, как во всем мире, идет процесс развития сельского / аграрного туризма в контексте национальных особенностей каждого государства. Этому способствуют процессы диверсификации аграрного сектора, наличие достопримечательностей, разнообразие культур, рост уровня доходов, а также увеличивающегося спроса на путешествия и сельский отдых.

В заключение отметим, что в мире получает развитие новая трактовка отдыха по формуле «три L» (Landscape-Lore-Leisure) – пейзаж – традиции – досуг, в отличие от предыдущей модели «три S» (Sun-Sea-Sand) – солнце-море-песок [Печерица, Шевченко 2012: 44]. Усилия многих правительств по развитию сельской экономики и сельского / аграрного туризма, дополненные, как собственными государственными, так и иностранными маркетинговыми инициативами, способствуют повышению привлекательности регионов [Аникина 2015: 69]. Уникальная фермерская культура, богатое кулинарное разнообразие и незабываемые сельские праздники делают сельский / аграрный туризм актуальным направлением не только для своих граждан, но и для иностранных гостей, стремящихся получить практический опыт путешествий. Рынок сельского / аграрного туризма в ближайшее десятилетие будет расти благодаря инвестициям, растущему интересу к органическому земледелию и местным культурам.

По существу, рынок сельского / аграрного туризма в ближайшее десятилетие будет расти благодаря инвестициям, интересу к органическому земледелию и местным культурам.

Нельзя не заметить, что успешное продвижение сельского / аграрного туризма в мире во многом обусловлено активной государственной поддержкой. Ключевыми направлениями такой помощи являются:

- 1) финансовое содействие (гранты, субсидии, льготное кредитование для развития туристической инфраструктуры на селе, переоборудования ферм под нужды туристов);
- 2) нормативно-правовое регулирование (создание законодательной базы, определяющей условия деятельности, стандарты качества, требования к безопасности);
- 3) информационная и маркетинговая поддержка (создание национальных и региональных туристических порталов, участие в международных выставках, разработка брендов территорий, организация рекламных кампаний);

- 4) развитие инфраструктуры (инвестиции в дорожное строительство, связь, туристско-информационные центры);
- 5) обучение и консультирование (организация курсов, семинаров, консультационных услуг для сельских предпринимателей в области туризма, маркетинга, гостиничного сервиса);
- 6) помощь в кооперации и кластеризации (стимулирование объединения сельских производителей и поставщиков услуг для создания комплексных турпродуктов).

Анализ практик сельского туристического бизнеса показывает увеличение социально-экономических выгод для сельских территорий. Выделим основные тенденции, сложившиеся в этой связи.

1. Рост спроса на аутентичность (туристы ищут подлинные впечатления, возможность отдохнуть от городской суеты).
2. Увеличение роли цифровых технологий (онлайн-бронирование, виртуальные туры и социальные сети как инструменты продвижения).
3. Расширение доступных практик (акцент на экологичность, сохранение местных традиций, социальную ответственность).
4. Интеграция с другими видами туризма (сельский туризм все чаще сочетается с гастрономическим, культурным, экологическим и оздоровительным туризмом) и т.д.

Подчеркнем, что накопленный мировой опыт организации туристической деятельности в сельской местности может быть полезен для продвижения сельского / аграрного туризма в России [Астафьева, Аникина 2022: 8].

Эффективное использование потенциала сельских территорий, поддержка местных инициатив, разработка комплексных стратегий и повышение качества услуг будут способствовать превращению сельского туризма в значимый сектор российской экономики. Важно только учитывать социально-экономическую и географическую специфику регионов нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникина А. В. Сельский туризм: возможные перспективы // *Sochi Journal of Economy*. 2015. № 1 (34). С. 69–75.

Аникина А. В. Использование ресурсов сельского туризма для развития сельских территорий // Социально-экономические аспекты развития сельских территорий: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической интернет-конференции, посвященной 60-летию экономического факультета. Нижний Новгород: Нижегородская ГСХА, 2021. С. 29–32.

Астафьева А. А., Аникина А. В. Реклама в региональном продвижении сельского / аграрного туризма // Современные тенденции развития аграрного сектора экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: НГСХА, 2022. С. 8–10.

- Боков М. А., Кандыбина Ю. В., Нефедкина С. А., Угрюмов Е. С. Опыт развития сельского туризма на Кипре // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1-2 (24). С. 126–135.
- Гайдукевич Л. М. История становления и развития агроэкотуризма в Республике Беларусь в начале XXI в. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 59–62.
- Ивашкин М. В. Современные модели сельского туризма в России // Вестник ТОГУ. 2025. № 3 (78). С. 149–156.
- Козырева Н. Е., Кайратдинов С. С. Аграрный туризм в Пакистане // Бизнес и дизайн ревю. 2025. № 3 (39). С. 13–18.
- Козырева Н. Е., Каиматдинов А. К. Аграрный туризм в Шри-Ланке // Бизнес и дизайн ревю. 2025. № 2 (38). С. 9–18.
- Литвиненко Т. В., Киши М. Состояние и особенности развития агротуризма в Японии // Актуальные аспекты развития сельского (аграрного) туризма в России: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 106–111.
- Оришев А. Б. История повседневности: аграрный туризм в России и за рубежом (с античности до наших дней) // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 112–120.
- Оришев А. Б. Аграрный туризм в Республике Корея // Развитие туризма в контексте инновационных процессов современной экономики: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. С. 49–54.
- Оришев А. Б., Тарасенко В. Н. Аграрный туризм в Китае // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1-1. С. 125–133.
- Оришев Т. В. Аграрный туризм в Индии // Вестник РМАТ. 2019. № 1. С. 146–151.
- Оришев А. Б., Мамедов А. А., Картунов В. В. Сельский туризм в арабских странах Ближнего Востока: история и современность // Сервис plus. 2023. Т. 17, № 1. С. 65–77.
- Остапенко И. И. Агротуризм: зарубежный опыт и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3. С. 289–291.
- Печерица Е. В., Шевченко М. И. Мировой опыт развития агротуризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 41. С. 44–53.
- Слинкова О. К. Агротуризм в системе мирового туристского рынка // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. № 3. С. 74–82.
- Стратегия развития Агро-экотуризма в Лепельском районе Витебской области Республики Беларусь. 2012. URL: <https://www.wildnet.ru/images/phocagallery/2013/06/10.pdf?ysclid=mkcgjao74957925677>
- Future Market Report. Размер рынка агротуризма, анализ акций и будущих тенденций. URL: <https://www.marketresearchintellect.com/ru/product/agritourism-market/>

Глава 2.

ИСТИНА В ПРОСТРАНСТВЕ КЛАССИЧЕСКИХ КООРДИНАТ И ВЫЗОВОВ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

(в помощь студентам и аспирантам агротехнологического образования)

Корнев Г. П.

Аннотация. Глава посвящена исследованию эволюции философского понимания истины в условиях технологической, социальной и культурной революции XXI века. Анализируется классическая корреспондентная теория истины, трансформация субъекта и объекта познания в цифровую эпоху, возникновение гибридных человеко-машинных познавательных систем. Рассматриваются вызовы постправды, алгоритмической непрозрачности и нечеловекоцентричных эпистемологий. Обосновывается необходимость «расширенной» эпистемологии, способной синтезировать классическое наследие с анализом истины как продукта взаимодействия в сложных сетях людей, технологий и природы.

Предлагаемый анализ трансформации классических критериев истинности в постклассической рациональности сопровождается обращением к передовым практикам сельскохозяйственных наук. Это позволяет сформировать у будущих специалистов критическое мышление, необходимое для работы с данными, моделями и алгоритмами в условиях цифровизации агросферы. Понимание того, как истина конструируется в гибридных системах «человек – искусственный интеллект – база данных», становится важнейшей компетенцией для исследователей и практиков, работающих на стыке аграрных и информационных технологий.

Ключевые слова: истина, корреспондентная теория истины, эпистемология, субъект познания, объект познания, цифровая эпоха, искусственный интеллект, постправда, расширенное познание, научное сообщество, цифровизация агросферы, точное земледелие, биотехнологии.

Chapter 2.

TRUTH IN THE SPACE OF CLASSICAL COORDINATES AND THE CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE

(A Guide for Students and Postgraduates in Agrotechnological Education)

Kornev G. P.

Abstract. The chapter examines the evolution of the philosophical understanding of truth amid the technological, social, and cultural revolution of the 21st century. It analyzes the classical correspondence theory of truth, the transformation of the subject and object of cognition in the digital age, and the emergence of hybrid human-

machine cognitive systems. The challenges of post-truth, algorithmic opacity, and non-anthropocentric epistemologies are considered. The study substantiates the necessity of an "expanded" epistemology capable of synthesizing the classical heritage with an analysis of truth as a product of interaction within complex networks of people, technologies, and nature.

The proposed analysis of the transformation of classical criteria of truth into postclassical rationality is accompanied by references to advanced practices in agricultural sciences. This enables future specialists to develop the critical thinking necessary for working with data, models, and algorithms in the context of digitalization of the agrifood sector. Understanding how truth is constructed in hybrid "human – artificial intelligence – database" systems is becoming an essential competency for researchers and practitioners working at the intersection of agricultural and information technologies.

Keywords: truth, correspondence theory of truth, epistemology, subject of cognition, object of cognition, digital age, artificial intelligence, post-truth, extended cognition, scientific community, digitalization of the agrifood sector, precision agriculture, biotechnology.

Введение

Во втором выпуске монографии «Гуманитарная наука агротеха» в главе «Онтология истины в философии» [Корнев 2025] показано, что истина – это не просто идея (прообраз гегелевской Абсолютной идеи), но и руководство к действию, правило и личный внутренний императив человека (Кант). Будучи идеей-нормой, истина служит для оценки новых знаний. С помощью нее человек проверяет свои знания на соответствие объекту, деятельности и собственным убеждениям. Квинтэссенция истины обнаруживается не в самой достоверности или полезности знаний и даже не в личной вере в них, а в регулирующей норме, которая ведет знания к достоверности, общезначимости и убежденности. Идеонормативность – главная и постоянная черта истины [Корнев 2006].

Однако такой подход страдает в известной мере спекулятивностью, поскольку построение предельно общего философского образа истины как нормативно-регулятивной идеи осуществляется посредством философской рефлексии без обращения к конкретным областям познания и личному опыту. Более того, в абсолютизированном виде этот подход не дает развернутого представления о соотношении истины с объектом, знанием, деятельностью и интенциями субъекта. Поэтому возникает необходимость в восхождении от абстрактного философского понимания целостности истины к гносеологическим характеристикам, чтобы представить ее во всей полноте связей и отношений субъекта и объекта познания. Этот шаг позволит не только конкретизировать абстрактную философскую идею, но и подготовить почву для анализа тех трансформаций, которые претерпевает категория истины в современную эпоху.

Кроме того, постнеклассическую науку вряд ли может устраивать классическая и неклассическая гносеология истины не потому, что она ошибочна, а потому, что она недостаточна для описания и анализа познавательных процес-

сов в условиях технологической, социальной и культурной революции XXI века. Главная причина этого недовольства коренится в упрощенной («наивной») оппозиции «субъект – объект – знание», которая лежала в основе предшествующей философской традиции.

Современный эпистемологический вызов заключается в том, что, во-первых, субъект перестал быть исключительно индивидуальным и даже общественным. Познание все чаще осуществляется в гибридных системах: «человек – компьютер – база данных – алгоритм» (концепция «расширенного сознания» Э. Кларка и Д. Чалмерса). Авторы, иронизируя, заявляют, что «познание не ограничивается черепом; оно распределено между мозгом, телом и миром» [Clark, Chalmers 1998: 7–19]. Искусственный интеллект становится активным когнитивным агентом, что, по мнению критиков теории «расширенного сознания», размывает границы между внутренним и внешним, затрудняя определение субъекта и объекта познания [Adams, Aizawa 2010].

Во-вторых, в познавательном отношении исчезает «чистый» объект. В цифровую эпоху субъект чаще имеет дело не с «вещью в себе», а с цифровыми двойниками, моделями, большими данными (Big Data), симулякрами. Их онтологический статус, по мысли Л. Флориди, является гибридным [Floridi 2011]. Истинность алгоритма проверяется не соответствием миру, а внутренней непротиворечивостью и практической эффективностью. Постцифровая реальность стирает границу между субъектом и объектом; и люди, и не-люди (приборы, тексты, технологии) выступают, как показал Б. Латур, равноправными акторами в производстве знания [Latour 2005].

Несмотря на этот эпистемологический «сдвиг», классическая гносеология истины остается важной методологической координатой и историческим фундаментом. Знание о ней необходимо для современного студента и, особенно, аспиранта, осваивающего курс «История и философия науки». Разумеется, для навигации в современном мире нужна «расширенная» эпистемология, которая способна анализировать истину как сложный продукт взаимодействия человеческих, технических и социальных систем в условиях неопределенности, избытка информации и глубокой технологической опосредованности нашего опыта. Современная эпистемология – это гносеология в условиях «пост-»: постчеловека, постцифры, постправды, то есть в постклассическом пространстве и времени.

Цель настоящей главы – системный анализ трансформации гносеологического образа истины под влиянием цифровых технологий, направленный на выявление преемственности и разрывов между классическими философскими основаниями и современными эпистемологическими реалиями, а также на контурное определение принципов новой, гибридной эпистемологии.

В основной части главы для иллюстрации теоретических положений приводятся примеры из агрономических, зоотехнических, агроинженерных и ветеринарных наук, что позволяет конкретизировать философский анализ применительно к сфере профессиональных интересов читателей агротеха.

Ключевой тезис темы: истина в цифровую эпоху не отменяет свои классические координаты, но требует их радикального расширения и переосмысления, превращаясь из статичного соответствия в динамический процесс, производимый в сложных сетях взаимодействия людей, технологий и природной среды.

Классический каркас: субъект, объект и корреспондентная теория истины

Наиболее разработанной в философии является проблема функционирования истины в познавательной деятельности. Речь идет о том, как истина действует в познании, какова природа истинных знаний, пути и средства их достижения и обоснования. Обращение к этой проблеме не случайно: прежде чем говорить о трансформациях, необходимо зафиксировать исходное состояние. Истинное знание многогранно не только в силу множества воспроизводимых в нем объектов материальной и духовной реальности, но и в силу различных сторон, форм, исторических этапов, ступеней и конкретных результатов познания. В этом смысле говорят о многогранности истины в познавательной деятельности, проявлении ее в чувственном (эмпирическом) и логическом, содержательном и формальном, научном и обыденном, философском и религиозном, фундаментальном и прикладном знании.

Философское исследование проблемы истины применительно к познавательной деятельности осуществляется преимущественно в трех важнейших аспектах: эпистемологическом (логическом), праксиологическом и прагматическом (аксиологическом и интенциональном). Данное разделение аспектов позволяет провести детальный анализ как самого знания, так и процесса его получения.

На чем основано выделение этих аспектов? Во-первых, на предмете философии и ее основном вопросе – отношении человека к миру. Во-вторых, достижение истинности знания зависит от специфики познавательного отношения и его основных элементов: (1) объекта, воспроизводимого в знании и определяющего его содержание; (2) познавательной деятельности, в рамках которой формируются и обосновываются истинные знания; (3) субъекта, осуществляющего познавательную деятельность и отбирающего истинные знания на основе их ценностных характеристик и своих субъективных интенций. Отношения, возникающие между знанием и каждым из указанных элементов, формируют основу для постижения истинности этого знания, а применительно к философскому исследованию – определяют его направления.

В классическом измерении выясняется прежде всего истинность содержания знаний: откуда «взято» содержание – из субъекта или объекта; влияет ли природа объекта на истинность; всякое ли знание оценивается как истинное; в каких формах существует истинное знание и т.п. Основной вопрос гносеологического исследования истины состоит в том, соответствует ли содержание различных по форме знаний воспроизводимому в них объекту. Ответ на этот во-

прос возможен в процессе сопоставления содержания знания и субъектно-объектного отношения.

Для проведения сравнительного анализа традиционных и современных концепций субъекта и объекта познания обратимся к их классической трактовке, которая послужит отправной точкой для фиксации последующих изменений.

Субъект познания: от индивида к коллективу. В классической интерпретации субъект познания – это прежде всего человек, точнее, человеческий индивид, способный мыслить и воспроизводить в своих мыслях внутренний и внешний мир. Однако более глубокий анализ показывает, что это понимание требует развития. Сущность познающего индивида одни философы усматривают в сознании, уникальном духовном мире человека, сводя субъект познания к сознанию, свободному от телесности и общества. Другие видят ее в биологической (материальной, телесной) природе человека, из которой выводятся способности к созерцанию и мышлению. Безусловно, при характеристике индивида как субъекта познания следует учитывать его физиологические особенности – порог ощущений, информационные возможности мозга, память, а также уникальность индивидуального сознания. Но дело не только в этом. Субъект познания – не просто индивид с набором физиологических и психических свойств; он прежде всего общественное существо, чье сознание формируется в обществе через приобщение к духовной и материальной культуре предшествующих поколений. Всякое проявление индивида, даже если оно не выступает в непосредственно коллективной форме, является проявлением и утверждением общественного существа [Маркс, Энгельс, т. 42: 119].

Ведущая роль в формировании субъекта принадлежит обществу. Общество в известном смысле выступает подлинным субъектом практики и познания. Однако это не означает существование наряду с индивидом некоего самостоятельного субъекта-общества. Когда говорят об обществе как субъекте, имеют в виду общественный характер деятельности отдельных индивидов. Общество как субъект познания реализует себя через познавательную деятельность индивидуальных субъектов, которая, в свою очередь, носит общественный характер. Взаимодействие между обществом и индивидом подобно взаимодействию общего и отдельного. Общее существует лишь в отдельном и через отдельное. Всякое отдельное содержит в себе наряду с единичным, неповторимым также и общее.

Познавательная деятельность проявляется как в индивидуальной, так и в коллективной форме. Субъект-индивид включен в различные системы коллективной деятельности. Коллективный субъект – это организованная совокупность индивидов, объединенных общими социальными интересами, целями и задачами и осуществляющих согласованную деятельность, в том числе познавательную. В качестве коллективного субъекта могут выступать исторические общности, социальные, демографические и профессиональные группы, политические партии, общественные организации, церковь, научные и творческие коллективы, предприятия и учреждения и т.д. Коллективный субъект не сво-

дится к простой сумме индивидов; он представляет собой организованную систему социальных отношений между ними.

Познавательное взаимодействие индивидов в рамках этой системы предполагает существование особых закономерностей (стандартов, норм, правил, традиций) коллективного процесса приобретения, хранения и передачи знаний, отличных от закономерностей индивидуальной познавательной деятельности. Эти два уровня закономерностей – социальный (коллективный) и психологический (индивидуальный) – интегрируются в индивиде в устойчивую целостность, лежащую в основе важного качества субъекта-индивида, выраженного понятием *личность*. В этом понятии запечатлена общественная сущность индивида, сочетающая социально-значимые черты человека как представителя общества и индивидуальную форму бытия общественных отношений.

Коллектив как система социальных отношений определяет цели, задачи, способы познания объекта. Мировоззренческая и социальная позиция индивидуального субъекта детерминирована потребностями и интересами социальной группы, партии, организации, коллектива, к которым он принадлежит. Индивидуальные социальные характеристики индивида включают в переработанном виде многие компоненты коллективных характеристик. Поэтому индивид как субъект познания есть диалектическое единство общего (присущего обществу), особенного (коллективного) и единичного (индивидуального).

Дифференциация субъекта может производиться не только по линии «общее – особенное – единичное», но и по принадлежности к различным видам деятельности. Прежде всего, необходимо учитывать различие между субъектом практики и субъектом познания, возникшее в связи с разделением единой человеческой деятельности на практическую (материальную), направленную на преобразование природы, общества и человека, и теоретическую (научную), сосредоточенную на познании, воспроизведении этих сфер в формах научного знания.

Практика и научное познание взаимопроникают и взаимодополняют друг друга. Между субъектами, занятыми в сфере практики и познания, существует обмен деятельностью. Наука обслуживает производство материальных благ, изменение общественных отношений и формирование человека. Практика ставит перед наукой познавательные задачи, выступает основой и критерием истинности знаний.

Накопление опыта, навыков, практических знаний изначально происходит в практической деятельности, а затем осмысливается и изучается в прикладных и фундаментальных науках. Поэтому субъект практики выступает одновременно и субъектом познания. В свою очередь, люди, занимающиеся познавательной деятельностью, особенно в прикладных областях, так или иначе принимают участие в практической деятельности (эксперименты, испытания, преподавание и т.п.).

Разделение труда обнаруживается и внутри познавательной деятельности. В одном случае интерес субъекта заключается в производстве новых знаний,

идей, теорий. В другом – в репродуцировании, популяризации этих знаний с целью их распространения.

Таким образом, субъект познания – сложное общественное по своей сущности образование, включающее в качестве компонентов различные коллективы людей, научные сообщества, отдельных индивидов, осуществляющих познавательную деятельность. Это классическое понимание, как мы увидим далее, станет основой для анализа его современных трансформаций.

Объект и предмет познания: границы и конструирование. В философии под объектом познания понимают то, на что направлена познавательная деятельность субъекта. Сюда относят различные материальные и духовные образования: предметы и явления природы, общества, человека, его сознания и сам процесс познания.

Попытаемся развить это представление, обратившись к соотношению понятий объекта и объективной реальности, объекта и действительности. Понятие «объект» тесно связано с понятием «объективная реальность», но они не тождественны. Природа, вещи и явления приобретают статус объекта в отношении к субъекту. Понятие же объективной реальности обозначает предметы, вещи и явления в том отношении, в котором они существуют вне и независимо от сознания субъекта.

Методологически правильной и продуктивной представляется позиция философов, определяющих объект познания как часть действительности (бытия, реальности, мира), вовлеченную субъектом в сферу практической и познавательной деятельности. Под действительностью понимают всё, что реально существует, – объективную и духовную реальность, мир природы, общества, человека и его сознания.

В данном определении объект и действительность различаются как часть и целое. В практике и познании субъект осваивает не бесконечный мир, а лишь те его фрагменты, стороны, свойства и отношения, которые представляют социальную ценность и для освоения которых имеются необходимые практические и теоретические средства.

Субъект смотрит на мир сквозь призму своих потребностей, интересов, целей и выделяет в нем предметы, способные выполнять социально-значимые функции. В принципе, вся действительность может выступать потенциальным объектом. Но в каждый конкретный исторический период субъект ограничивается лишь той ее частью, которая наиболее значима и может быть подвергнута материальному и духовному освоению.

Основными объектами познания являются природа и общество. Природа как объект познания – это окружающий нас неорганический и органический мир во всем многообразии проявлений. Современная природа несет на себе печать человеческого труда. Предметы и явления обладают естественными свойствами, не зависящими от человека. Вовлекаясь в сферу практики и познания, они приобретают значение для человека, выраженное в способности выполнять определенные социальные функции. Поэтому природу как объект следует рассматривать в двух отношениях – в отношении к ее естественным свойствам и в

отношении к обществу, к познающему субъекту. Это сказывается на специфике бытия объекта: с одной стороны, природного по естеству, с другой – общественного по функциональному назначению.

Природное бытие объекта служит необходимой предпосылкой его функционирования в обществе. Общественное бытие включает функциональные характеристики, выражающие социальную значимость объекта для субъекта. Природное и общественное бытие представляют единство противоположностей, взаимопроникающих друг друга. Природа обнаруживает свои естественные свойства лишь во взаимодействии с субъектом. Вне деятельности субъекта она не выступает в качестве объекта.

Общественное бытие природы как объекта выражается в способности вещи удовлетворять потребности людей. Этой способностью обладают, как правило, предметы, преобразованные человеком. Способ общественного бытия объекта зависит от субъекта, его целей, планов, деятельности. Однако оно объективно, поскольку его функциональное назначение производно от материального производства.

Даже само производство, рассматриваемое с технической стороны, есть естественный процесс. Человек преобразует вещество природы в продукты, пригодные для удовлетворения своих потребностей, действуя в соответствии с природными закономерностями, опираясь на содействие природных сил [Маркс, Энгельс, т. 1: 51–52, 188].

Общественное бытие содержится не только в продуктах труда, но и в естественно-природном объекте, вовлеченном субъектом в познавательную деятельность. Интересные мысли по этому поводу высказывает К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Он пишет о том, как предметы природы становятся для человека его предметами, завися от природы предмета и соответствующей ей сущностной силы (органа чувств). «Удрученный заботами, нуждающийся человек нечувствителен даже к самому прекрасному зрелищу; торговец минералами видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства» [Маркс, Энгельс, т. 42: 121–122].

Природа, будучи «бытием для себя», проявляет бесконечное число связей. Вступая в отношение с субъектом, предмет природы ограничивает возможные состояния своего бытия конкретным бытием – бытием сферы приложения органов чувств и социальных потребностей, интересов, целей. Органы чувств и социальные установки не творят этот предмет, но помогают дифференцированно вычленивать из природной действительности те ее фрагменты, которые способны удовлетворять общественные потребности.

Из признания двойственности бытия природы как объекта не следует, что в каждой научной области должен всегда учитываться этот двойственный характер. Естествоиспытатель сосредоточивается главным образом на природном содержании объекта, отвлекаясь от его социального назначения. С точки зрения социального познания природное бытие менее существенно, чем общественное.

Философия же интегрирует в своем предмете как естественный, так и социальный интерес к природной действительности.

Общество как объект познания представляет собой деятельность преследующего свои цели человека (Маркс). Объективное в обществе, его законы реализуются не иначе как в деятельности людей, одаренных сознанием и волей. Поэтому общество есть сложная противоречивая система взаимопроявления объективной закономерности и сознательной деятельности людей.

В отличие от природных процессов, независимых от субъекта в своем естественном бытии, при познании общества субъект осваивает результаты своей собственной деятельности. В социальном познании общество одновременно выступает субъектом и объектом, осуществляет самопознание.

Исключительно важным моментом в социальной деятельности является субъективация объекта и объективация субъекта, то есть их взаимный переход друг в друга [Гиндев 1977: 207–216]. В философии этот процесс часто называют опредмечиванием и распредмечиванием. Определенное – переход деятельной способности субъекта (целеполагающих образов, проектов, замыслов) в материализованные формы бытия объекта (продукты труда, книги, произведения искусства, законодательные акты и т.п.). Распредмечивание – перевод объекта из форм материального бытия во внутреннюю способность субъекта. По существу, это процесс социализации субъекта, репродуцирования социального опыта, знаний, содержащихся в мире культуры.

Субъективация объекта предполагает превращение общественного бытия в факт общественного сознания. Поскольку познание осуществляется отдельными индивидами, субъективация есть процесс вычленения из социальной действительности конкретного фрагмента и включения его в систему познавательной деятельности с целью превращения в факт индивидуального сознания. Индивидуальность и корпоративность потребностей, интересов, целей субъекта влияет на механизм субъективации, на «видение» объекта сквозь призму индивидуальной практики и опыта. Разным субъектам один и тот же объект дан в различных системах общественных отношений, то есть по-разному.

Объективация субъекта осуществляется в процессе социальной практики; происходит изменение общества посредством воплощения идей, взглядов, норм, принципов в практику жизни. В процессе объективации субъективное «видение» превращается в материальное, общественное бытие. Идеальное становится материальным. Расширяются границы объекта социального познания. Вновь появившийся объект требует нового осмысления со стороны субъектов. Так снова возникает процесс субъективации.

Таким образом, пока существует человечество, в процессе объективации субъекта происходит воспроизводство социальной действительности как объекта, а в процессе субъективации объекта – его вычленение и воспроизведение в сознании субъектов с целью дальнейшего преобразования в практике. Такова диалектика субъекта и объекта в социальном познании.

Не всегда объект противостоит субъекту как материальное образование. Сознание, процесс познания и его продукты – не менее важный объект, идеаль-

ный по содержанию. В этом качестве объект выполняет по крайней мере две функции: 1) объекта, на который непосредственно направлено познавательное действие; 2) посредника между субъектом и материальным объектом, когда непосредственный контакт невозможен или не нужен. Такие ситуации возникают при изучении отдаленных во времени или пространстве объектов (например, социальных процессов прошлого). С помощью идеального объекта-посредника (ранее накопленных знаний, методов) субъект преодолевает временной «разрыв», соединяет настоящее с прошлым и раскрывает объект в целостности его временных состояний.

Отвлечение от материального объекта неизбежно и тогда, когда субъект ставит задачу проникновения в сущность познаваемого. Непосредственный контакт дает возможность воспроизвести внешние, являющиеся характеристиками, но недостаточные для сущностного исследования. В этой ситуации субъекту противостоит идеальный объект в виде логических конструкций – понятий, суждений, умозаключений, выполняющих функцию посредника для проникновения в сущность. Такой подход соответствует представлению о познании как процессе развития знания от явления к сущности.

Общая линия развития знания обуславливает последовательность смены форм объектов и их воспроизведения: от чувственной формы через эмпирический и теоретический уровень к практике.

Важное место занимает проблема вычленения и воспроизведения объекта в чувственном и рациональном познании. Человеческое познание выступает единством чувственного и рационального. Превращать их в самостоятельные, разделенные во времени ступени недопустимо. Однако это не означает отрицания их относительной самостоятельности как качественно отличающихся друг от друга моментов, уровней познания.

Чувственное познание есть познание материального объекта при помощи органов чувств. Чувственный объект является субъекту в форме одной или нескольких своих модификаций. В условиях чувственного познания невозможно заставить предмет раскрыть все свои свойства, связи и отношения. Субъект не в состоянии представить предмет в его целостности. Кроме того, в чувственном познании все свойства объекта – являющиеся и сущностные, внешние и внутренние, случайные и необходимые – даны субъекту в нерасчлененном виде, причем сущностные свойства «смазываются» являющимися.

Благодаря рациональной форме познания субъект проникает в сущность предметов, открывает законы, создает теории. При помощи понятий, суждений и умозаключений субъект отвлекается от конкретных проявлений чувственного объекта, абстрагируется от случайных и несущественных признаков. В результате он получает общие необходимые сущностные признаки изучаемых объектов.

В рациональном познании субъекту противостоит объект, качественно отличный от чувственного. Чувственный объект – это материальная система, соотнесенная с органами чувств. Рациональный (логический) объект – это иде-

альный, абстрактный объект, в чистом виде не имеющий аналога в действительности.

В вовлечении рационального объекта активная роль принадлежит субъекту. Решающее значение имеют способы и средства мыслительной деятельности. Вычленение рационального объекта связано с такими операциями, как абстрагирование и обобщение. Чтобы вычленить рациональный объект, выражающий реальный материальный объект со стороны его сущностных свойств, субъект должен абстрагироваться от являющегося, второстепенного, случайного. Ему необходимо выделить в обобщенном виде лишь свойства, связи и отношения, составляющие качественную определенность реального объекта.

Таким образом, рациональный объект представляет собой идеализированную, абстрактную систему знаний в виде понятий, суждений и умозаключений, являющуюся сущностной основой всех форм чувственной данности материального объекта.

Для обозначения данности чувственного объекта в науке используют понятие эмпирического объекта. Использование этого понятия уместно там, где ставятся специальные познавательные задачи и применяются специальные средства и методы. В качестве эмпирического объекта выступают объективные свойства, связи и отношения природного и социального объектов, обнаруженные в практической деятельности, эксперименте, наблюдении. Характерным признаком эмпирического объекта, как и чувственного, является его непосредственная или опосредованная (через приборы) соотнесенность с органами чувств. Познавательные операции с ним осуществляются преимущественно в чувственно-предметной форме.

В научной деятельности на уровне теоретического познания субъекту противостоит особый идеализированный объект – теоретический объект. Он отличается глубокой степенью проникновения в сущность, особыми методами воспроизведения (восхождение от абстрактного к конкретному, метод исторического и логического, формализации и т.д.), а также специальными формами знаний – проблемой, гипотезой, теорией.

Между эмпирическим и теоретическим уровнями существует тесная связь. Эмпирическое познание составляет основу формирования теоретического знания. На базе эмпирической информации осуществляется теоретический анализ, формулируются проблемы, выдвигаются гипотезы, создаются теории. В свою очередь, эмпирическое познание всегда опирается на теорию. На основе теоретического знания формируются задачи эмпирического исследования, определяются направления анализа, обосновываются методы. Связь обнаруживается и в том, что воспроизведение эмпирического объекта в знании происходит в формах абстрагирования, хотя его глубина на эмпирическом уровне ниже, чем на теоретическом.

Таким образом, объект познания в процессе смены познавательного отношения на различных его ступенях приобретает относительно самостоятельную качественную определенность, не исчерпывающуюся лишь материальными характеристиками. В качестве объекта могут выступать и идеальные образо-

вания, отличающиеся друг от друга разной степенью проникновения в сущность всех возможных форм чувственной, эмпирической данности субъекту. Данный вывод подводит нас к необходимости различения понятий «объект» и «предмет» познания.

Познание субъектом предметно: имеет объект, направление исследования, круг проблем, методы, средства и приемы. В познании, особенно научном, фундаментальном и прикладном, беспредметность не допускается.

Прежде чем воспроизвести объект в знании, субъекту необходимо вычлени из многообразия действительности то, что подлежит познанию, причем так, чтобы оно предстало перед ним в аспекте его познавательного интереса. Иными словами, субъект должен вовлечь определенные фрагменты действительности в сферу познавательного отношения, превратить их в объект познания.

Первоначальное вычленение объекта происходит в практике. Объект познания очерчивается практикой; практические потребности и интересы определяют круг предметов, с которыми субъект должен вступить в познавательное отношение, чтобы, познав их, преобразовать в полезные продукты. Обыденное познание, непосредственно вплетенное в практику, не нуждается в особой познавательной конструкции типа предмета познания; жизненный опыт и практика справляются с функциями вычленения и воспроизведения объекта.

В научном, фундаментальном или прикладном научном познании вычленение и воспроизведение объекта приобретает самостоятельность и качественное своеобразие. Здесь решающую роль играет предмет познания. Он опосредует познавательное отношение субъекта к объекту. Сквозь призму предмета познания субъект формулирует направление исследования, ставит цель и задачи освоения объекта, выбирает необходимые методы.

В гносеологии понятие «предмет познания» имеет очерченный категориальный статус, отличный от понятия «объект познания». Предмет познания, как представляется, есть идеальная логическая модель функционирования и развития объекта, методов и приемов его духовного освоения, истории развития знаний о нем. В предмете познания как логически оформленном знании фиксируются социально-значимые для конкретной области свойства, стороны, связи и отношения объекта. Будучи идеальным воспроизведением, предмет познания не совпадает с объектом. Один и тот же реальный объект может изучаться различными науками, следовательно, вычленяться и воспроизводиться сквозь призму разных предметов научного познания.

По вопросу о предмете познания существуют различные мнения. Одни считают, что предмет составляет содержание науки, комплекс разрешаемых ею проблем. Другие включают в него также логический аппарат и методы науки. При определении предмета следует учитывать деятельную активность субъекта. В этой связи предмет познания целесообразно рассматривать как особую форму познавательной, главным образом научной и прикладной деятельности субъекта, выступающую способом существования, выражения и преобразования знаний.

Соотношение объекта и предмета часто рассматривают в плане односторонней детерминации последнего первым. А именно, считают, что объект познания, будучи объективным образованием, обуславливает структуру и содержание предмета, в то время как обратное влияние либо исключается, либо недооценивается. Разумеется, объективное содержание и структура объекта не могут быть изменены предметом познания. Речь идет не о субстанциальном, а о функциональном влиянии, не претендующем на изменение субстратных характеристик объекта. Оно заключается прежде всего в том, что предмет познания опосредует субъектно-объектное отношение; сквозь призму предмета вычленяется противостоящий субъекту объект и воспроизводится в знании. В этом состоит основная гносеологическая функция предмета познания.

Там, где объект отождествляется с объективной реальностью «самой по себе», ограничивается лишь материальными вещами, свойствами и отношениями вне функциональной связи с субъектом и из него исключаются идеальные объекты, вряд ли можно признать убедительным утверждение о возможном соотнесении мысли и понимаемого подобным образом объекта. Субъект не сможет вступить в познавательное отношение с независимым от него миром. Он не может отвлечься от своего присутствия в этом мире и «очистить» мир от своих собственных представлений о нем. Следовательно, знания субъекта в каждом конкретном познавательном акте соотносятся не с объективным миром «самим по себе», а с объектом, заданным через ощущения (в практике), понятия, идеи, научные принципы, законы, методы (в науке), то есть через предмет познания.

Гносеологический конструкт «предмет познания» не всегда рассматривается в познавательном отношении «субъект – объект», чаще в классической гносеологии и для репродуцирования знаний конкретной дисциплины (предмет изучения физики, истории общества). Идея о том, что научные объекты не даны исследователю непосредственно, а конструируются через призму дисциплинарных категорий, восходит к конструктивистской эпистемологии XX века, анализ которой позволяет перекинуть мост от классических представлений к современным теориям конструирования реальности.

Г. Башляр в работе «Новый научный дух» ввел в научный оборот понятие «эпистемологического препятствия» и «феноменотехники». Он утверждал, что научный объект – это не природный феномен, а результат технического и концептуального конструирования: «Ничто не дано, всё сконструировано» [Башляр 1987: 31]. Аппаратура и теоретические схемы не просто обнаруживают объекты, а производят их как измеримые сущности.

Л. Флек в книге «Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива» показал на примере открытия сифилиса, что научный факт формируется в рамках «стиля мышления» (Denkstil) научного коллектива. Разные научные сообщества видят одни и те же эмпирические данные по-разному, выделяя в них различные аспекты как значимые [Флек 1999].

Каково влияние научного сообщества на формирование объекта и предмета познания? Объект в науке – это не «вещь в себе», а конструкция, выделен-

ная из действительности в соответствии с концептуальным аппаратом и техническими возможностями эпохи. Научное сообщество играет ключевую роль в этом конструировании объекта. Селекция объектов осуществляется через дисциплинарную оптику. Разные научные сообщества «видят» в одном и том же феномене разные объекты. Рассмотрим, к примеру, феномен «дерево». Этот междисциплинарный анализ наглядно демонстрирует, как один и тот же фрагмент реальности конструируется в разные предметы познания.

Дерево – идеальный объект для междисциплинарного анализа, так как оно существует на стыке природы, культуры и технологий. Рассмотрим его с позиций разных наук.

Естественные науки.

Биология / Ботаника: Дерево – это многолетнее растение с одревесневшим стеблем (стволом). Изучаются его жизненные процессы: фотосинтез (преобразование солнечной энергии в химическую), дыхание, рост, размножение (семена, споры). Анализируется структура: корни, ствол (древесина, кора, камбий), крона.

Экология: Дерево – ключевой компонент экосистемы. Это продуцент (основа пищевых цепей), место обитания (ниши для птиц, насекомых, грибов, лишайников), стабилизатор климата (производит кислород, поглощает CO₂, регулирует температуру и влажность). Леса – «легкие планеты» и хранилища биоразнообразия.

Химия: Дерево – сырье для химической переработки. Основные компоненты: целлюлоза (каркас), лигнин (придает жесткость), дубильные вещества, смолы, алкалоиды. Химия изучает процессы гниения (разложение лигнина грибами), горения, а также методы получения из древесины бумаги, канифоли, скипидара, лекарств.

Технические и прикладные науки:

Материаловедение / Инженерия: Древесина – это природный композитный материал с уникальными свойствами: прочность на растяжение/сжатие, упругость, низкая теплопроводность, обрабатываемость. Изучаются разные породы (мягкие/твердые), их применение в строительстве, производстве мебели, инструментов, музыкальных инструментов.

Архитектура и дизайн: Дерево – строительный и отделочный материал, создающий эстетику и уют. Изучаются несущие конструкции, акустические свойства, взаимодействие с другими материалами. В дизайне ценится текстура, цвет, пластичность древесины.

Технология и промышленность: Анализируются процессы заготовки, транспортировки, обработки (распил, сушка, пропитка), производства производных материалов (фанера, ДСП, МДФ, бумага).

Гуманитарные и социальные науки:

Культурология и мифология: Дерево – один из самых распространенных архетипов и символов. «Мировое дерево» (Дерево жизни) – axis mundi, соединяющее небо, землю и подземный мир (Иггдрасиль в скандинавской мифологии,

древо сефирот в каббале). Символизирует жизнь, мудрость, родовую связь, бессмертие.

Литература и искусство: Дерево – многозначный образ. Может олицетворять природу (у романтиков), родину («белая береза» в русской поэзии), одиночество, стойкость, связь времен. Является объектом и фоном в живописи, символом в геральдике.

История и антропология: Дерево – свидетель и материал истории. По годичным кольцам ведется дендрохронология (точная датировка археологических находок). Использование дерева показывает уровень технологического развития общества (от лука и колеса до кораблей и домов).

Экономика: Дерево – возобновляемый ресурс (при грамотном управлении). Объект лесной промышленности, международной торговли. Важен баланс между экономической выгодой и экологической устойчивостью.

Философия и психология:

Философия: Дерево – метафора, модель для размышлений о бытии (корни как основа, ствол как стабильность, крона как устремленность). Живой пример единства формы и содержания, роста и упадка. У Делеза и Гваттари («Тысяча плато») есть оппозиция «дерево-ризома», где дерево символизирует иерархическую, централизованную структуру.

Психология (экологическая, эко-психология): Деревья важны для психического здоровья человека. Контакт с ними снижает стресс (теория восстановления внимания). Дерево может быть символом личности в проективных методах («Нарисуй дерево»).

Какой можно сделать вывод? Междисциплинарный анализ показывает, что дерево – не просто биологический объект. Это сложный феномен, существующий одновременно как: биофизическая система (обмен веществ, рост); экологический актор (влияющий на среду и зависящий от нее); ресурс и материал для человеческой деятельности; мощный культурный символ и ментальный конструкт.

Такой анализ демонстрирует, как один объект раскрывает свои бесконечные грани при взгляде через призму разных систем знания, подчеркивая единство и взаимосвязь научного, технологического и гуманитарного подходов к миру.

Дисциплинарность является решающей формой организации знания. Ключевую роль в концептуализации дисциплинарной оптики сыграла работа М. Фуко «Археология знания». Фуко вводит понятие «дискурсивной формации» – системы правил, которая в определенную эпоху определяет: какие объекты могут быть высказаны и стать предметом изучения (объекты); какая позиция и авторитет требуются от говорящего (субъекты); какие концептуальные стратегии и таксономии допустимы (концепты) [Фуко 1996].

Таким образом, дисциплина – это не просто область знаний, а машина по производству «видимого» и «говоримого», фильтр, который структурирует реальность, делая одни ее аспекты объектами исследования, а другие – невидимыми.

Следует учитывать парадигмальную природу дисциплинарного видения. Т. Кун в «Структуре научных революций» показал, что в период «нормальной науки» сообщество ученых работает в рамках парадигмы – признанных всеми достижений, которые задают: модельные проблемы и их решения (образцовые случаи); фундаментальные онтологические допущения (из чего состоит мир); критерии выбора проблем и стандарты научного объяснения. Ученый, воспитанный в парадигме, не просто интерпретирует мир, а буквально видит его по-другому. Т. Кун приводит пример: для астронома, принявшего коперниканскую систему, небо и движение планет выглядят иначе, чем для сторонника Птолемея. Парадигма учит видеть, а не просто знать [Кун 2009].

Нельзя обойти вниманием критику и пределы дисциплинарной селекции. Так, дисциплинарная оптика может сводить сложный целостный феномен к одному измерению, упуская его суть. Например, попытка объяснить сознание только через нейронные корреляты (редукция к нейробиологии) или только через вычислительные алгоритмы (редукция к когнитивистике).

Как быть с тем, что не укладывается в дисциплинарную матрицу? Не исключен риск быть проигнорированным, что влечет за собой образование «слепых зон». Междисциплинарность и трансдисциплинарность возникают как попытка преодолеть эти ограничения, создавая новые объекты на стыке оптик (например, биоэтика, нейроэстетика, экологическая экономика).

Следует учитывать социально-историческую обусловленность дисциплинарной селекции, ведь набор самих дисциплин историчен. Появление новых дисциплин (кибернетика, гендерные исследования) создает новые объекты (информация, гендерная перформативность), которые ранее не существовали в научном дискурсе.

И все же, селекция объектов через дисциплинарную оптику – фундаментальный эпистемологический процесс, показывающий, что научный объект активно конструируется. Он детерминирован теоретически – через системы категорий и парадигмальные установки, методически – через доступные и легитимные в дисциплине методы, технически – через артефакты, порождаемые аппаратурой, социально – через цели, ценности и коммуникативные практики научного сообщества.

Понимание этого механизма позволяет критически осмыслить границы и возможности научного знания, а также продуктивно работать на стыке дисциплин, где встреча и синтез разных оптик порождает принципиально новые объекты и исследовательские перспективы.

Процесс трансформации фрагмента объективной реальности в научный объект проходит две ключевые стадии: концептуализацию (перевод чувственного многообразия в систему теоретических понятий) и операционализацию (определение процедур измерения и эмпирической работы с концептами). Как отмечал И. Кант, «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [Кант 1994: 90]. Научный объект возникает именно на пересечении эмпирической данности и концептуального аппарата.

Концептуализация представляет собой построение смыслового каркаса, процесс дисциплинарной селекции объекта через систему абстрактных понятий, устанавливающих его существенные свойства, отношения с другими объектами и место в теоретической системе. М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский в книге «Символ и сознание» рассматривали концептуализацию как символическое опосредование: объект предстает не как физическая вещь, а как носитель смысла в определенной концептуальной системе [Мамардашвили, Пятигорский 2009].

П. Бергер и Т. Лукман в «Социальном конструировании реальности» продемонстрировали, что в социальных науках объекты буквально создаются через дискурс: такие понятия, как «государство», «рынок», «социальный класс», не существуют вне языковых практик и теоретических конструкций, которые их учреждают [Бергер, Лукман 2021].

Основными механизмами концептуализации выступают: абстрагирование – выделение существенных свойств при игнорировании несущественных; идеализация – создание идеальных моделей (материальная точка, абсолютно черное тело); типологизация – отнесение объекта к определенному классу или типу; определение через отношение – задание объекта через его связи в системе. Например, электрон концептуализируется как элементарная частица с отрицательным зарядом, носитель определенных квантовых чисел и объект, описываемый волновой функцией в уравнении Шрёдингера.

Операционализация – это переход от смысла к измерению, процесс перевода теоретических понятий в совокупность измеримых показателей и процедур, позволяющих эмпирически работать с объектом. Американский физик П. Бриджмен в книге «Логика современной физики» сформулировал основной принцип операционализма: «Понятие тождественно соответствующему ему набору операций». Согласно П. Бриджмену, длина – это не абстрактное свойство, а результат операции измерения линейкой; интеллект – не сущность, а то, что измеряется IQ-тестом; температура – показания термометра определенной конструкции [Bridgman 1927].

В социологии и психологии операционализация стала методологическим императивом. Э. Дюркгейм в «Метод социологии» требовал рассматривать социальные факты как «вещи», которые можно наблюдать и измерять. Его исследование самоубийств стало классическим примером операционализации абстрактного понятия через статистические показатели [Дюркгейм 1991].

П. Лазарсфельд разработал детальную методологию операционализации, выделив последовательные этапы: образ концепта (the imagery); уточнение понятия (specification); выбор индикаторов (selection of indicators); формирование шкал (formation of indices) [Lazarsfeld 1958].

Современные подходы к операционализации были продемонстрированы В. Лефевром. В работах по рефлексивному управлению он показал, что операционализация всегда предполагает выбор системы отсчета и принятие конвенций о том, что считать измерением [Лефевр 2003].

Природа взаимосвязи концептуализации и операционализации носит циклический характер; процесс нелинеен и представляет собой герменевтический круг: эмпирические данные → концептуализация → операционализация → новые данные → уточнение концепции и так далее.

Какие альтернативные подходы можно противопоставить критикуемому операционализму особенно в гуманитарных областях знания? Гуманистическая психология в лице А. Маслоу и К. Роджерса выступила против редукции человеческого опыта к операционально определяемым переменным, характерной для бихевиоризма и позитивистски ориентированной психологии. К. Роджерс прямо противопоставлял «объективной тенденции» с ее операциональными определениями «экзистенциальную тенденцию», изучающую человека во всей полноте его переживаний [Rogers 1961].

Н. Хэнсон и Т. Кун подвергли критике операционализм за излишнюю теоретическую нагруженность наблюдений, подчеркивая, что любая операция уже предполагает теоретическую интерпретацию. Измеряемые показатели могут не отражать суть явления и утрачивать смысл [Hanson 1958; Кун 2009]. Проблема неадекватной операционализации сложных концептов подробно обсуждается в современной литературе на примере измерения счастья, когда измеряемые показатели утрачивают связь с сущностным содержанием явления [Алексеева 2019: 59].

В эпистемологии были предложены альтернативные подходы. К. Гирц в «Интерпретации культур» предложил метод «плотного описания» (thick description) для антропологии, где объект понимается через контекст смыслов, а не через операционализацию [Geertz 1973]. П. Фейерабенд в работе «Против метода» критиковал стандартизацию всех научных процедур, утверждая, что методологический анархизм более продуктивен для развития науки [Фейерабенд 1986].

В современных исследованиях операционализация часто происходит через создание компьютерных моделей: концепт формализуется в виде алгоритма, а «измерением» становится сравнение поведения модели с эмпирическими данными. В эпоху больших данных (Big Data) возникает обратная проблема: огромные массивы данных требуют постфактумной концептуализации – выявления в них закономерностей и приписывания им теоретического смысла.

Итак, концептуализация и операционализация представляют собой два взаимосвязанных полюса научного познания. Концептуализация задает смысловые горизонты объекта, а операционализация обеспечивает эмпирический доступ к нему. Этот процесс никогда не бывает нейтральным – он всегда осуществляется в рамках определенной теоретической парадигмы, доступных технологических возможностей и социокультурного контекста научного сообщества. Вся эта сложная конструкция, создаваемая субъектом, служит основой для главного вопроса гносеологии – вопроса об истинности получаемого знания.

Корреспондентная теория истины: содержание, критерии, ограничение. В классической интерпретации познавательного отношения субъект приобретает знания во взаимодействии с объектом. Объект определяет содержание

знаний, а их истинность выявляется прежде всего в соотношении между содержанием и объектом. Требование к истинности знаний наиболее адекватно формулируется в классической теории истины, или теории соответствия (корреспонденции), возникшей в античной философии. У ее истоков стояли Платон и Аристотель. Платон писал: «...Кто говорит о вещах такими, каковы они есть, говорит истину; кто говорит иначе – лжет» [Платон 1990: 615]. Истинное знание есть мысль, соответствующая действительному положению вещей, ложное – не соответствующая. Аналогичную позицию занимал Аристотель: «...Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [Аристотель 1975: 141]. Истинная мысль логически воспроизводит реальные свойства объекта. «Истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное – связанным, а ложное – тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами...» [Аристотель 1975: 250]. В теории соответствия дается содержательная характеристика истинным знаниям, рассматривается истинность объектного содержания.

Античное понимание получило развитие в формуле «*adaequatio rei et intellectus*» (соответствие вещи и интеллекта) [Левин 1973: 184]. Смысл формулы в том, что основой истинности мысли является не субъект, а сама вещь как объект. Вещь детерминирует содержание мысли. Истинная мысль адекватна вещи, находится с ней в соответствии.

Классическую теорию отличают от других по следующим признакам. Во-первых, объект истинных знаний находится вне этих знаний о нем. Во-вторых, между объектом и знанием обнаруживается отношение соответствия независимо от того, используется ли само понятие «соответствие» [Курсанов 1977: 257; Левин 1973: 181]. Истинным считается знание, содержание которого соответствует воспроизведенному в нем объекту.

Классическая теория неоднородна, получила различные интерпретации. Эти интерпретации различаются прежде всего пониманием «соответствия» и «объекта». Большинство вариантов можно классифицировать по ряду оснований: а) в зависимости от источника истинностного значения (рационалистическая и сенсуалистическая разновидности); б) в зависимости от понимания характера соответствия (теория образов в подобии с объектом, теория изоморфных образов, теория образов-репрезентантов и др.); в) в зависимости от критерия истинности (очевидность, общепринятость, практика и др.); г) в зависимости от мировоззренческой позиции философа (материалистическая, идеалистическая концепции и их варианты) [Левин 1973: 183].

Критические замечания в адрес материалистической концепции часто связаны с толкованием соответствия как познавательного отражения. Разумеется, не может быть речи о копировании мыслями объекта. Вряд ли серьезно можно принять мысль о том, что отношение между высказыванием и объектом строится по типу «зеркального», «механического» отражения. Высказывания не могут быть копиями вещей. Язык мысли не похож на вещи, и между ними от-

существует соответствие, понимаемое вульгарно как досоциальное отражение, исключающее присутствие мыслящего субъекта.

Однако вряд ли уместно в классической теории отказываться вообще от соответствия между мыслью об объекте и самим объектом только потому, что кто-то понимал его механистически. Данное соответствие имеет место. Весь вопрос в том, как его истолковать. Наиболее приемлемый вариант – признание наличия определенного рода функционального сходства между содержанием знания и объектом на основе выявления общих социально-значимых черт, признаков, свойств. Такое сходство возможно благодаря истине как идее-норме, через которую объект приобретает понятийное оформление, а мысль наполняется конкретным объектным содержанием. Истина как идея-норма является субъекту в форме истинных знаний, которые соответствуют вещам именно потому, что последние, будучи объектами, предстают перед субъектом в концептуализированном виде, то есть сквозь призму той же идеи [Корнев 2006, 2025].

Предположим, мы воспроизводим в идеальном образе реального человека, к которому питаем симпатию. Образ и объект принадлежат к различным реальностям: первый – к субъективной, второй – к объективной. Говорить о соответствии как материальном или идеальном механическом отражении не приходится, ибо очевидно, что материальное не может быть отражено подобным образом в идеальном. Тем не менее соответствие можно установить, если мы, исходя из представлений о симпатии как идее-норме, обнаружим сходство между содержанием этой нормы и социальными качествами, проявляющимися у реального человека в общении с нами. Соответствие устанавливается, с одной стороны, между идеей-нормой как представлением о «симпатии» и функциональными индивидуально-значимыми качествами человека, которые приобрели для нас выражение в качестве признака «симпатичности».

Соответствие между идеальным образом и реальным человеком устанавливается посредством идеи-нормы, функционирующей в сознании в качестве идеальной модели «симпатии» и одновременно присутствующей в материализованном виде (как поведение) в отношениях этого человека к нам. Мы и данный человек руководствуемся одной и той же идеей, с той разницей, что мы руководствуемся ею в акте оценки, а он – в акте практического отношения. Именно подобное совпадение функционального характера, имеющее общее основание в регулятивной идее, и выступает конкретным соответствием, отличающимся от простого отражения-копии.

Очевидно, что знание может быть соотнесено с познаваемым объектом и что данное соотнесение может носить характер функционального отображения как познавательного образа, результата познания.

При этом возникает скептицизм по поводу широкого использования в гносеологии понятия «отражение», которое в большей мере приложимо к характеристике досознательных и даже допсихических форм отношений между системами. Вряд ли из «родственной» связи между отражением как свойством материи и ощущением с необходимостью вытекает, что всему человеческому познанию присущ отражательный характер.

Однако если использовать понятие «отражение» для определения истинности знаний, то нужно кое-что уточнить. Во-первых, важно отказаться от упрощенного взгляда на определяющую роль материального бытия по отношению к сознанию и однонаправленное отражение первого во втором. Отношение между материальным и идеальным настолько неоднозначно, что «жесткая» определенность одного другим не дает возможности выявить их реальную многофункциональную взаимозависимость, а следовательно, и истинность знаний. Во-вторых, понятие «отражение» неоправданно распространять на характеристику всех результатов и всех процессуальных форм познания. Подобное расширительное применение вызывает резкое неприятие. По справедливому мнению Л. А. Микешиной, «тенденциозность и неоправданность такого расширения проявлялись уже в том, что в него одновременно включались и представления о структурном соответствии образа и объекта, достигаемом "непосредственным" воспроизведением, и в то же время представления и понятия, получаемые с помощью выдвигания объект-гипотез, категоризации, репрезентации, интерпретации, введения конвенций, процедуры понимания и других познавательных приемов». И далее: «Парадокс состоит в том, что познание, имеющее своим результатом образы предметного мира, осуществляется преимущественно не-отражательными по природе операциями» [Микешина 1991: 79].

Вероятно, нужно согласиться с тем, что отражение как гносеологическое понятие имеет отношение лишь к характеристике содержательной истинности знаний, да и то не всех, а имеющих отношение к эмпирическим объектам. Понятие «отражение» не следует распространять на процессуальные формы познания, которым в большинстве своем чужд отражательный характер.

Таким образом, понимание соответствия исключительно через соотнесение с принципом отражения не раскрывает подлинный смысл истинности знаний и требует более глубокого анализа с привлечением других гносеологических, логических, социокультурных, индивидуально-психологических детерминант. Этот вывод подводит нас к необходимости рассмотрения оценочной функции истины, которая в классической теории часто оставалась в тени.

Во многих вариантах теории соответствия возникают трудности в связи с отстаиванием дескриптивного подхода к содержательной истинности и игнорированием ее оценочной функции. Вопрос об истинности встает, когда субъект начинает сомневаться в истинностном значении знаний либо когда необходимо его обосновать. В том и другом случаях он подвергает содержание знаний оценке на предмет истинности. Для этого он использует истину как идею-норму, направленную на оценивание знаний, то есть на формирование в сознании комплексной оценки – многогранной, объектно-направленной и субъектно-переживаемой. Именно истинности как оценке соответствия между содержанием знания и объектом отводится особое место в структуре этой оценки.

Во многих случаях сознательной постановке вопроса об оценке предшествует констатация соответствия (либо несоответствия) между знанием и объектом. Здесь соответствие устанавливается как бы без его осознания, оценивания. Но это – лишь кажущееся впечатление. В неявной форме оценка всегда

присутствует в соответствии, ибо должно быть основание (критерий) для решения вопроса, какое содержание считать соответствующим объекту, а какое – нет. Отсюда порой возникает иллюзия, что истинность существует независимо от того, осознает или оценивает субъект данное соответствие. Истинность представляется чисто описательной (дескриптивной) характеристикой содержания. Не случайно понятия истинности как безоценочного соответствия и объективности нередко отождествляются.

Разумеется, соответствие может иметь место и без оценки субъектом. Вполне можно утверждать соответствие, не задумываясь, сомневаясь или даже отрицая его. Как и наоборот, можем признавать соответствие при его отсутствии. Спор здесь вовсе не о соответствии, а об истинности, которую отождествляют с соответствием, в то время как она выступает оценкой этого соответствия. Именно понимание истины как простого безоценочного соответствия привело классическую теорию к логическому противоречию, которое обнаруживается, в частности, в самореферентных высказываниях типа парадокса «лжеца» (Эпименид, Евбулид).

Суть парадокса: человек утверждает, что высказывание, которое он произносит в данный момент, является ложным. Если высказывание ложно, то человек сказал истину, и сказанное им не является ложью. Если же высказывание не является ложным, а человек утверждает, что оно ложно, то он говорит ложь. В итоге оказывается, что говорящий ложь говорит истину, а говорящий истину – лжец.

Парадокс «лжеца» оказался неразрешимым для классической теории, ибо столкнулся с трудностями, возникающими при смешении двух языков – объектного языка и метаязыка. Объектный язык – тот, который выступает предметом исследования. Метаязык – язык, употребляемый для выражения объектного языка.

В повседневности не проводится различие между этими языками, не оценивается соответствие между содержанием высказывания и его объектом (в виде другого высказывания), то есть по существу не ставится вопрос об истинности самореферентного высказывания.

При разграничении языка и метаязыка преодолевается данный парадокс, о чем свидетельствует семантическая концепция истины, разработанная А. Тарским. Данная концепция посвящена содержательной истинности знаний. Тарский использует пример высказывания «Снег бел». В нем проводится соответствие (связка) между «снегом» и «белизной». Это соответствие появляется вместе с высказыванием. Логически связанные в правильном высказывании слова всегда находятся в каком-либо соответствии. Логическое соответствие зависит от субъекта; оно конструируется субъектом по правилам логики, грамматики. Но зависимость этого соответствия от субъекта очень кратковременна. Это – момент авторского «исполнения» суждения. Мысль после письменного или устного оформления как бы отчуждается от субъекта, становится внешней по отношению к нему. В таком виде она оценивается субъектом на предмет истинности содержания и логической правильности формы.

Рассуждающий вопрошает: может ли белизна быть присуща снегу, а снег быть белым? В сознании субъекта происходит удвоение соответствия, возникающего в высказывании между понятиями, – на логическое и содержательное. Последнее осознается, оценивается с точки зрения реального или мнимого положения дел. Вот тут-то и возникает вопрос об истинности содержания высказывания: действительно ли высказывание «снег бел» соответствует реальному положению дел?

Ответить на этот вопрос субъект может, если прибегнет к другому, оценочному высказыванию (метавысказыванию): «"Снег бел" – истинно, если и только если снег бел». Для этого субъект вынужден воспользоваться высказыванием-двойником, выходящим за рамки исходного безоценочного высказывания. Исходное высказывание не содержит в себе ни истинности, ни лжи; оно может быть логически правильным или неправильным. В нем не оценивается содержательное соответствие между понятиями. Например, высказывание «Храбрый угол». Бессмысленно говорить об истинности подобного высказывания, внутри которого не обращается внимание на содержательное соответствие.

Истинность – не просто соответствие, а оценка высказывания на предмет соответствия между его содержанием и воспроизведенным в нем объектом. Вот почему: «Снег бел» – истинно, если и только если снег бел. Истина, по мнению Тарского, обнаруживается в высказываниях типа: «Р» – истинно, если и только если Р [Тарский 1972: 136–145]. Он доказывает, что любая логическая форма понятия истинности должна иметь такой вид.

Семантическая концепция способствовала преодолению трудностей теории соответствия. Решающим является обоснование положения о том, что для безусловного признания соответствия мысли фактам исследователь должен использовать метаязык, при помощи которого можно говорить и о высказываниях, и о фактах. Именно такой язык Тарский называет семантическим и отличает его от синтаксического языка, в рамках которого можно говорить об объектном языке, но не о фактах, к которым он относится [Поппер 1983: 337–338].

Благодаря семантическому языку (метаязыку) формулируется классическое понятие истинности для объектного языка. Для любого предложения Р объектного языка L_0 можно подобрать метаязыковую дефиницию: «Р» истинно в объектном языке L_0 , если и только если Р. По аналогии Тарский формулирует общее определение истины: «Р является истинным предложением, если и только если оно выполняется каждой бесконечной последовательностью классов» [Чудинов 1977: 31–32].

Учитывая разграничение языка и метаязыка, нетрудно прийти к мысли, что признак истинности должен вытекать не только из объекта, но и из смыслового и оценочного отношения к нему. Если принять, что объект дан субъекту в концептуализированной форме и в форме смыслового (языкового) значения, то проблема истинности распространяется на область поиска соответствия высказываний со смысловым значением объекта.

Так, Р. Карнап вслед за Ч. Моррисом различает три области логического исследования языка: прагматику (отношения высказываний к субъекту), семан-

тику (отношения высказывания к объекту) и синтаксис (взаимные отношения между высказываниями). При семантическом анализе отвлекаются от того, кто и с какой целью употребляет язык. Здесь интерес представляет содержательная истинность высказываний. В прагматическом исследовании, напротив, внимание приковывается к субъекту. При анализе отношений между знаками внутри высказывания имеют дело с логическим синтаксисом. Вся наука о языке, состоящая из трех частей, называется семиотикой [Carnap 1934: 9].

Классической теории в «чистом виде» не хватает семантической, синтаксической и прагматической (аксиологической) характеристик. Отсюда понятно, почему ее сторонники ограничиваются анализом безоценочного соответствия, в то время как истина обнаруживает себя тогда, когда субъект сознательно оценивает соответствия между знаниями и объектами, в том числе между высказываниями. Истинность – не просто соответствие, а гносеологическая оценка (норма), указывающая на соответствие между содержанием знания и воспроизводимым в нем объектом. Причем оценку осуществляет субъект. Им оценивается соответствие высказывания и с объектом (гносеология), и с самим собой как субъектом (аксиология), и с системой высказываний (праксиология, логика).

Проблемные трудности концепции соответствия имеют прямое отношение к вопросу о практике как критерии содержательной истинности знаний. Соответствует или не соответствует знание объекту – вопрос крайне важный для субъекта. Завершая анализ корреспондентной теории, необходимо рассмотреть, как на практике решается проблема обоснования истинности.

Истинность знаний обосновывается путем сопоставления их содержания с объектом. Знание истинно, когда его объектное содержание соответствует самому объекту. Но как это проверить? Что является критерием?

Термин «критерий» греческого происхождения, означает «мерило», «знак». В практике субъект совершает сравнение знаний об объекте с самим объектом, подтверждает их соответствие, выясняет, «обладает ли человеческое мышление предметной истинностью» [Маркс, Энгельс т. 3: 4]. Если хотим сравнить, какое знание приобретаем – истинное или ложное, следует обращаться к практике. Положительный результат опредмеченных в практике знаний свидетельствует об их содержательной истинности, отрицательный – о ложности. Таков вкратце механизм практической проверки.

Очевидность практики как безусловного критерия была бы неоспоримой, если бы субъект всегда имел дело с эмпирическим объектом и во всех ситуациях мог обратиться к его чувственному репрезентанту для выявления соответствия. К сожалению, далеко не всегда можно воспользоваться данным критерием. Там, где субъект имеет дело с теоретическими объектами, логическими конструктами (в математике, логике, философии), практическая проверка содержательной истинности невозможна.

Трудно проверить на практике знания о прошлом и будущем. В случае с будущим не всегда удастся обосновать достоверность предположения путем непосредственного сопоставления с фактами, поскольку эти факты относятся к

настоящему, а не к будущему. Продуктивность предположения может быть проверена опосредованно, через анализ наличной действительности, но она не может заменить будущие факты.

Критериальная функция практики сводится к минимуму и при проверке знаний о прошлом. Такой подход характерен для исторического исследования, где прошлое, которое уже ушло, не может быть объектом прямого наблюдения. В этом случае знания о прошлом сопоставляют с остатками, следами или источниками, сохранившимися в настоящем. Это связано с тем, что прошлое не исчезает бесследно: следы, которые оно оставляет после себя, называются историческими источниками. Они содержат разнообразные свидетельства о прошлом, и на их основе восстанавливают прошлое в его существенных чертах и проявлениях.

Многие теории, особенно социальные, вообще не проверяемы на практике; они могут быть эффективными в плане воплощения заданного результата. В таком случае и ложные знания могут приводить к заданному результату, если они имеют организующий, нормативный характер (мифологические, религиозные и т.п. идеи).

Выход из критериальных трудностей практики пытаются обнаружить в связи с обсуждением вопроса об абсолютности и относительности ее критерия. Абсолютность обычно связывают с уникальной способностью человека к объективации сознания и знаний исключительно в практике. Порой выделяют основание, связанное с проверкой так называемых «абсолютных истин» (типа: «Все птицы имеют крылья»). Но такой подход несостоятелен, поскольку абсолютных истин, истин вне временных и пространственных границ, просто нет. Знание всегда конкретно, релятивно. Следовательно, и практика как критерий должна быть конкретной, относительной времени и места.

Более убедительным представляется обоснование практики как относительного критерия, обусловленного ее социально-исторической ограниченностью: а) конкретно-историческим уровнем развития производственно-технических, экспериментальных средств; б) временным фактором, незавершенностью проверки знаний в практике отдельных людей, коллективов, поколений; в) особенностью конкретизации практики при проверке истинности знаний различных видов и уровней познания. Процедура обоснования и проверки настолько различна в каждом виде деятельности, что относительность критериальной функции практики очевидна.

Важным доводом в пользу относительности критерия является то, что механизм практической проверки связан с преобразованием объекта на основе конкретных знаний о нем. Объект в прежнем качестве отличается от вновь преобразованного в ходе проверки. Последний создается субъектом на основе новых, более совершенных знаний. Субъект осуществляет сравнения, выявляет соответствие уже не с прежним объектом, а с вновь созданным.

Но и это еще не всё. Относительность практики связана также с тем, что даже в ней субъект не имеет выхода в «чистую» действительность, предметный мир «сам по себе». Не иначе как в практике формируется объект для субъекта,

вычленяется из действительности, приобретает чувственную, понятийно-концептуальную, социокультурную данность. В этом качестве объект воспроизводится в знаниях, а затем эти знания в практике объективируются и превращаются в новые, более совершенные объекты. И так до бесконечности происходит приращение истинных знаний и истинных вещей.

Несмотря на относительность, других критериев содержательной истинности, превосходящих практику, фактически нет. Обоснование истинности в опыте, экспериментах, наблюдениях носит практический характер. Все другие критерии относятся к проверке истинных характеристик знаний, связанных с их логической обоснованностью, подтверждаемостью, научностью, рациональностью, общепризнанностью, полезностью; они не имеют отношения к содержательной истинности.

Не только материалисты столкнулись с ограниченностью критерия содержательной истинности. В проблематичной ситуации оказались и те приверженцы позитивистской философии, которые принимают корреспондентную теорию, правда, в преобразованном виде. Большинство из них исходят из признания двух моментов: 1) объекта (факта, опыта, знания), с которым сопоставляется вновь открываемое знание, и 2) самого сопоставления – как необходимого оценочного соответствия.

Для позитивистов присуща абсолютизация объектной стороны познавательного отношения и поиска на ее основе содержательной истинности. Для обоснования истинности они используют принцип эмпирического редукционизма – сведения знаний к данным чувственного опыта. В позитивизме происходит трансформирование реального объекта в феноменальную данность и сопоставление знаний именно с этой субъективной данностью. В эмпирическом позитивизме истинным считается знание, соответствующее объекту, под которым подразумевается чувственный опыт, феноменальная действительность. Данная разновидность позитивизма растворяет объект в субъекте, превращает его в ощущение, восприятие, эмпирическую данность.

Здесь, как и в некоторых разновидностях материализма, недооценивается понятийно-концептуальный характер чувственных данных, с которыми сопоставляется знание. Конечно, недостаточно ограничиваться признанием факта данности объекта в чувственном опыте. Объекты, с которыми сопоставляется содержание знаний, являются не только элементами объективного мира «самого по себе» и не просто феноменальной данностью, но прежде всего элементами концептуально осмысленного человеком мира.

Чтобы избежать психологизации и индивидуализации познавательного процесса, позитивистская философия обращается к различным вариантам критериев, способных отвлечься от феноменальной непроницаемости чувственного опыта индивидуальных субъектов и придать их мыслям качество достоверности. К этим критериям относят, в частности, принцип «экономии мышления», выдвинутый Э. Махом. Поскольку субъект не может выйти за рамки своего индивидуального опыта, но должен соизмерять его с опытом других, истиной, по мнению Э. Маха, следует считать ту мысль, которая «экономно» и достаточно

«просто» описывает, упорядочивает эмпирический материал. Истина – мысль, экономно описывающая опыт [Мах 2005].

Другой вариант критерия истины – принцип «конвенционализма», предложенный А. Пуанкаре. Он считает, что истина, выводимая исключительно из индивидуальных мироощущений, не способна объединять людей. Напротив, она есть фактор раздора. Однако от истины нельзя отказаться. «...Чтобы отыскивать истину, – пишет Пуанкаре, – нужно быть независимым, вполне независимым. Напротив того, если мы хотим действовать, если хотим быть сильными, нам бывает нужно *соединиться*... Многие из нас пугаются истины; они видят в ней причину слабости; и всё же не надо бояться истины, потому что только она прекрасна» [Пуанкаре 1983: 155].

Неверно принцип конвенционализма распространять лишь на знания, не имеющие опытного происхождения. Речь идет также о научных знаниях, истинность которых проверяется на одной и той же эмпирической базе. Таких знаний много, в том числе в социальных науках. Они равноправны в фактуальном отношении и при всей альтернативности обладают истинностным значением. Однако должен быть осуществлен выбор: какому из знаний отдать первенство и каким критерием руководствоваться. По мнению Пуанкаре, такой выбор осуществляют ученые посредством соглашений, конвенций, основываясь на принципе «экономии мышления», соображениях наибольшей простоты, удобства, целесообразности.

Взятые в «чистом» виде, принципы «экономии мышления», «конвенционализма» вряд ли могут выступать критериями содержательной истинности, ибо в основание их положены не объект и не чувственные данные, а условия конструирования мыслей, организации научной деятельности – простота, общезначимость, договоренность, разумная очевидность и прочее. Эти принципы можно признать критериями, но критериями не содержательной, а формальной и процессуальной оценки истинных знаний. Поэтому, несмотря на свою относительность, практика выступает основным критерием содержательной истинности знаний. И лишь верификация и фальсификация, доведенные до их эмпирической завершенности, также являются критериями содержательной истинности, но, в отличие от практики, не выходящими за рамки познавательного процесса.

Таким образом, корреспондентная теория не обладает универсальностью, не исчерпывает все характеристики истины в познавательной деятельности. Приоритетной ее стороной является анализ содержательной истинности, причем истинности преимущественно фактуального (эмпирического) знания. Конечно, классическую теорию, в частности семантический вариант, можно использовать для определения истинности формализованных знаний. Там она приобретает по существу нейтральный характер по отношению к различным мировоззренческим концепциям истины. Но такая индифферентность возникает в силу того, что соответствие между содержанием и объектом устанавливается в рамках только логического подхода, без выхода в сферу материального, эмпирического объекта.

Таким образом, классическое понимание субъекта и объекта познания, а также существующая в его поле зрения корреспондентная теория истины, образуют ту теоретическую призму, через которую становится возможным зафиксировать глубину современных эпистемологических трансформаций. Вопрос о природе субъекта и объекта в постнеклассической науке, об их новых, гибридных формах и отношениях, становится предметом дальнейшего изложения во втором разделе данной главы.

Современные вызовы: распад классической оппозиции «субъект – объект»

В предыдущем разделе был подробно рассмотрен классический каркас гносеологии, базирующийся на взаимодействии субъекта и объекта. Однако, как было отмечено во введении, современная эпистемология сталкивается с вызовами, которые ставят под сомнение незыблемость этой оппозиции. Центральным элементом этой трансформации становится изменение самого субъекта познания. Если классическая традиция двигалась от индивида к коллективу, то современность требует признания качественно новых, гибридных форм субъектности. В современной эпистемологии главным действующим субъектом по-прежнему во многом остается научное сообщество, однако теперь оно функционирует в принципиально иной, технологически насыщенной среде.

Как коллективный субъект познания, научное сообщество обладает свойствами, которые нельзя свести к простой сумме индивидуальных познавательных способностей. Научное сообщество – это социально-организованная система ученых, объединенных общими нормами, ценностями, традициями и целью производства нового знания.

Какие признаки характерны для научного сообщества? Во-первых, самоорганизация и регуляция. Сообщество функционирует на основе норм науки, сформулированных Р. Мертоном: универсализм, коллективизм, бескорыстность, организованный скептицизм.

Во-вторых, совместная когнитивная деятельность. Познание становится распределенным процессом, где гипотезы, методы, данные и критика циркулируют и развиваются в коммуникативном пространстве сообщества.

В-третьих, формирование «парадигмы». Т. Кун показал, что научное сообщество объединено общей парадигмой – системой фундаментальных теорий, стандартов, методов и образцов решений. Парадигма задает общее видение мира, проблемного поля и критериев научности.

В-четвертых, интерсубъективность. Знание, чтобы стать научным, должно пройти, согласно К. Попперу, процедуры верификации и фальсификации внутри сообщества. Истина утверждается не индивидуальным опытом, а коллективным соглашением, основанным на воспроизводимости и логической обоснованности.

Научное сообщество выступает как активный, конструирующий коллективный субъект, который не просто «открывает» готовые объекты, но форми-

рует их в соответствии со своими теоретическими, методологическими и социальными установками.

Сообщество вырабатывает язык (термины, категории) и методы для работы с объектом. Например, понятие «электрический заряд» или «социальный капитал» не существуют вне теоретических систем, которые их определяют и наделяют свойствами. Объект становится доступным для изучения только будучи операционализированным – переведенным в измеримые параметры.

Научное сообщество через систему публикаций, грантов, конференций формирует исследовательскую повестку. Объекты познания, не вписываемые в актуальные парадигмальные установки или не поддающиеся имеющимся методам исследования, часто остаются за рамками научного рассмотрения или маркируются как «маргинальные».

Сообщество развивает и стандартизирует аппаратуру и методики. Сам объект часто является артефактом взаимодействия с приборами (например, элементарные частицы в коллайдере). Сообщество решает, какие инструментальные данные считать релевантными и достоверными.

Однако в эпоху цифровизации и развития искусственного интеллекта классическое научное сообщество как совокупность людей-ученых дополняется, а иногда и замещается новыми элементами.

Гибридизация субъекта: человек, ИИ, сетевые акторы. Особым структурным элементом современного субъекта познания является искусственный интеллект. Современные ИИ-системы не просто инструменты, а активные агенты в производстве знаний (предсказания, генерация текстов, анализ данных). Это ставит вопросы: может ли не-человеческий агент быть носителем истины? Как оценивать истинность выводов «черного ящика» (например, алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ), логика которого не интерпретируема человеком)? Истина здесь начинает ассоциироваться с предсказательной точностью, робастностью модели (устойчивостью) и ее успешной интеграцией в человеческие практики.

Классическое понимание субъекта обогащается за счет сетевых и распределенных моделей познания. Если традиционная гносеология рассматривала познание как деятельность преимущественно человеческого субъекта (индивидуального, коллективного), то современные подходы акцентируют роль нечеловеческих акторов – технических систем, алгоритмов, баз данных – в формировании познавательных ситуаций [Latour 2005; Haraway 2016]. Это приводит к переосмыслению самой оппозиции субъекта и объекта: в цифровых средах они часто оказываются взаимопроникающими элементами единой когнитивно-технической системы, где познание распределено между человеком и артефактом [Clark, Chalmers 1998].

Для демонстрации можно привести примеры из сельскохозяйственных наук. Мониторинг здоровья животных представляют собой яркий пример гибридного субъекта. Так, исследователи используют анализ иммунных систем летучих мышей для поиска новых способов борьбы с возникающими заболеваниями, работая на стыке ветеринарной микробиологии, геномики и биоинфор-

матики. Здесь познание распределено между ученым, высокотехнологичным оборудованием (лаборатории уровня BSL-2 и BSL-3) и вычислительными алгоритмами, обрабатывающими генетические данные [Irving 2021: 363–370; Lorusso 2022]. Агентность в производстве знания принадлежит не только человеку, но и всей этой сложной, технологически опосредованной системе.

Другой пример из современной селекции растений, которая перестает быть исключительно прерогативой человека-ученого, превращаясь в поле деятельности гибридных субъектов. Примером служит разработка архитектуры коллаборативных селекционных систем на основе «консорциума гетерогенных интеллектуальных агентов». В таких системах познание и принятие решений распределены между человеком-селекционером, программными агентами с элементами искусственного интеллекта и киберфизическими устройствами (роботами, сенсорными сетями). Эти агенты совместно выполняют имитационное моделирование, синтезируют кооперативное управление процессами и обеспечивают коллективное принятие решений в агротехнических циклах. Агентность в производстве нового знания (например, о наиболее перспективных линиях для скрещивания) принадлежит здесь не только человеку, но и всей этой распределенной человеко-машинной системе, где ИИ выступает не просто инструментом, а полноправным участником когнитивного процесса [Анчёков 2022: 25–37].

Ответом на антропогенный вызов и осознание связности всего живого (природного) стало развитие подходов, выходящих за рамки человеческого субъекта как единственного познающего. Авторы данных подходов Д. Харауэй и Б. Латур подчеркивают, что знание рождается не из дистанционного наблюдения субъекта за объектом, а из материально-семиотического взаимодействия, «сплетения» различных акторов (людей и не-людей) в сетях. Истина здесь – это оценка знания, возникающая в устойчивых, воспроизводимых коллективах, включающих людей, приборы, организмы, институты.

Эпистемологические исследования показывают, что познавательный процесс субъекта распределен между мозгом, телом, внешними артефактами (блокноты, компьютеры) и социальным окружением. Следовательно, истина оказывается свойством не просто индивидуального сознания, а всей когнитивной системы в ее взаимодействии со средой.

Таким образом, современный субъект познания осуществляет познавательную деятельность в особых цифровых средах с использованием единой когнитивно-технической системы, где познание распределено между мозгом, телом индивида, внешними артефактами (блокнотами, приборы, компьютеры) и экологическим окружением, представляющим комплекс физических, географических, биологических, социальных, культурных и политических условий.

Параллельно с трансформацией субъекта столь же радикальные изменения претерпевает и объект познания. Он утрачивает свою «естественность» и все чаще предстает как конструкт, созданный с помощью цифровых технологий.

Цифровой объект: от вещи к данным и алгоритмам. Понимание механизмов концептуализации и операционализации позволяет осознать, что научные объекты – это не просто «данности», а сложные конструкты, существующие на пересечении теории, метода и практики научного исследования.

В научном осмыслении объекта происходит эпистемологический и онтологический поворот, вызванный цифровизацией. Реальность всё больше оказывается не «данной», а сконструированной в процессе наших измерений, вычислений и коммуникаций. Это ставит новые глубокие философские вопросы о природе реальности, истины и человеческого агента в мире, где алгоритмы становятся соавторами нашего опыта.

Классический тезис о том, что объекты существуют независимо от нашего восприятия и практик, ставится под сомнение. В цифровую эпоху мы имеем дело не с «сырой» реальностью, а с данными (data), которые являются уже результатом измерения, фильтрации и обработки. Объекты всё чаще предстают как артефакты взаимодействия с измерительными приборами и вычислительными системами. Так, в работе Д. Айди «Техника и практика: философия технологии и действие» исследуется вопрос, как технологии «опосредуют» наше восприятие и само существование объектов. Объект проявляется только в конкретных отношениях «человек-техника» [Ihde 1979]. В книге Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» утверждается, что объекты (нечеловеческие актанты) являются полноправными участниками создания реальности [Latour 2005].

Современная цифровая трансформация создает новый класс объектов – цифровые сущности (алгоритмы, виртуальные среды, большие данные), которые фундаментально меняют наши представления о реальности, истине и природе объекта как такового. Цифровые сущности, например, алгоритм рекомендаций, криптовалютный кошелек, профиль в социальной сети, облачный документ, не являются ни чисто материальными (как вещь), ни чисто ментальными (как идея). Эти сущности – онтологически гибридные; представляют синтез материального и идеального, человеческого и машинного. Цифровой объект всё чаще предстает не как предзаданная «вещь», а как артефакт взаимодействия с измерительными приборами и вычислительными системами. Он состоит как бы из нескольких слоев. Физический слой существует как состояния материи (заряды в микросхемах, магнитные домены на дисках). Информационный слой определяется структурой данных, логикой кода, семантикой. Социальный слой обретает значение и функцию только в рамках человеческих практик и институтов (например, деньги).

Данная концепция, в частности, изложена Л. Флориди – одним из ведущих философов информации в работе «Философия информации» и более позднем труде «Четвертая революция: как инфосфера трансформирует человеческую реальность». Он утверждает, что мы живем в «инфосфере» – новой экологической сфере, состоящей из информационных сущностей. Их онтология требует пересмотра классических категорий [Floridi 2011].

Приведем пример из агрономии и биогеоценологии. Концепция «аграрной биогеоценологии» демонстрирует, как переосмысливается онтологический статус, казалось бы, «искусственного» объекта – агроценоза. Долгое время агроценозы считались искусственными образованиями, лишенными естественных механизмов саморегуляции, что оправдывало массированное применение пестицидов. Однако современные исследования показывают, что агроценозы – это не искусственные, а антропогенно-трансформированные природные биогеоценозы. Они обладают способностью восстанавливать свой биотический потенциал и обеспечивать устойчивое существование всех трофических групп при снижении химической нагрузки [Миркин, Наумова 2017; Gliessman 2015]. Приставка «агро-» указывает не на искусственность, а на степень антропогенной нагрузки, превращая объект познания в гибридное образование, сочетающее природные и социально-техногенные факторы.

Продемонстрируем онтологический статус сельскохозяйственного животного в аспекте трансформации в научный объект по мере их вписывания в цифровые инфраструктуры. Показательным примером является создание систем идентификации и учета животных на основе видеоаналитики. Для идентификации лошади на ферме используется не только и не столько ее физическая уникальность, сколько «цифровой двойник» – набор данных, собранных нейросетью. Система анализирует фото- и видеоматериалы, выделяя ключевые точки морды животного и формируя уникальный цифровой профиль (аналог биометрической базы данных). В этом контексте объект познания и управления («цифровой табун») существует одновременно как физическое животное и как совокупность данных – векторов признаков, которые алгоритмы используют для отслеживания, учета и анализа, не допуская смешивания стад [Галимзянов, Вышегородцев, Неживых 2025].

Следует подчеркнуть особую роль научного сообщества в формировании научной картины мира как мета-объекта. Научная картина мира (НКМ) – целостный образ Вселенной, человека и общества, синтезирующий знания из различных наук на определенном историческом этапе. Научное сообщество является главным субъектом построения и трансляции. В чем его предназначение? Во-первых, научное сообщество осуществляет интеграцию знаний. НКМ – результат коллективного согласования данных и теорий из разных дисциплин. Междисциплинарные контакты, общие журналы, форумы ученых способствуют синтезу научных знаний (например, синтез эволюционной биологии и генетики в синтетическую теорию эволюции).

Во-вторых, научным сообществом осуществляется легитимация и институционализация картины мира. НКМ становится общепринятой не автоматически, а после длительной дискуссии, проверки и консенсуса внутри ведущих научных школ и авторитетных организаций (академий наук, Нобелевских комитетов). Пример: долгое неприятие теории дрейфа материков А. Вегенера сообществом геологов.

В-третьих, в рамках и по инициативе научного сообщества осуществляется смена парадигм и революции в НКМ. По Т. Куну, смена научной картины

мира происходит в ходе научной революции, когда накопленные аномалии разрушают старую парадигму. Этот процесс носит не только логический, но и социально-психологический характер: это смена поколений в научном сообществе, борьба школ, изменение систем ценностей и образовательных стандартов. Переход от ньютоновской к эйнштейновской картине мира – яркий пример.

В-четвертых, научное сообщество тесным образом коммуницирует с обществом. Через популяризаторов, образование, СМИ сообщество транслирует НКМ в общественное сознание, формирует мировоззренческий фон современной эпохи. Однако эта трансляция всегда сопровождается упрощением и адаптацией, порождая иногда «наивные» версии научных представлений.

Таким образом, классическая оппозиция «субъект – объект» не отменяется, но требует существенного расширения и переосмысления в условиях технологической, сетевой и информационной революции. Это порождает потребность в новой эпистемологии, которая способна учитывать радикально усложнившуюся структуру познавательного отношения. В ней субъект перестает быть исключительно человеческим, индивидуальным или коллективным. Он становится сетевым, гибридным, распределенным, включающим в себя не только людей, но и технические системы, алгоритмы и базы больших данных, функционирующие как активные когнитивные агенты. Объект познания конструируется научным сообществом (субъектом) через дисциплинарную оптику и операционализацию (в классическом измерении – предмет познания), а в цифровой среде представляет гибридную сущность (алгоритм, большие данные, виртуальные модели), чья истинность – результат внутренней непротиворечивости, практической эффективности и согласованности протоколов. Изменение субъекта и объекта закономерно влечет за собой трансформацию представлений об истине, которая теперь не может пониматься лишь как корреспонденция.

Эпистемология доверия и социальные практики: от научного сообщества к «постправде». Классическая корреспондентная теория истины, восходящая к Платону и Аристотелю и вновь актуализированная в прагматизме XIX в. и в аналитической философии XX в. (Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др.), традиционно определяет истину как соответствие утверждения (*adequatio intellectus et rei*) объективному положению дел. Несмотря на свою логическую ясность и эвристическую ценность для многих областей научного познания, в современном сложном, технологически насыщенном и коммуникативно плотном мире эта теория сталкивается с рядом фундаментальных вызовов. Эти вызовы требуют не отказа от нее, но значительного расширения аналитического горизонта и включения новых измерений – социального, технологического, экологического – в понимание того, как производится, обосновывается и признается истинное знание.

В связи с этим остановимся на некоторых наиболее признанных в современной философии науках группах концепций, претендующих на расширение аналитического горизонта представлений об истине.

Авторы, условно относимые к направлению «эпистемологии доверия и социальных практик», давно не рассматривают производство знаний как сугубо индивидуальный акт гносеологического субъекта. Социальная эпистемология последовательно доказывает, что познание по своей сути коллективно, а признание утверждения истинным – это сложный социально-коммуникативный процесс. Э. Голдман, отстаивая подход, ориентированный на истину (truth-oriented), утверждает, что «основная цель социальных практик... – максимизация истинных убеждений и минимизация ложных в данном сообществе» [Goldman 1999]. С. Фуллер, в свою очередь, смещает акцент на историческую и социальную обусловленность самих критериев рациональности, рассматривая социальную эпистемологию как «нормативную дисциплину, целью которой является оценка... социальных институтов с точки зрения их вклада в производство и распространение знания» [Fuller 1988]. Таким образом, истина оказывается неразрывно связана с практиками доверия, авторитета и коммуникации внутри научных сообществ и общества в целом.

В этом контексте особенно рельефно выступает феномен «постправды» (англ. post-truth). Он описывает коммуникативную ситуацию, в которой эмоциональная убедительность, идеологическая ангажированность и нарративная когерентность начинают доминировать над фактологическим соответствием и рациональной аргументацией. В этом контексте мифологизированные нарративы вытесняют объективные факты, а сама категория истины подвергается размыванию. Для значительной части аудитории валидация информации происходит не через верификацию фактов, а через ее резонанс с системой предустановленных убеждений и коллективных эмоций. Следовательно, степень воспринимаемой истинности сообщения оказывается прямо пропорциональна его эмоциональной заряженности и согласованности с существующей картиной мира реципиента. Особенность постправды заключается в том, что наличие опровержения не исключает доносимую информацию из публичного поля, и она продолжает оказывать влияние на мнение людей. Как пишет Л. МакИнтайр, «пост-правда – это не просто ложь... Это подчинение истины политической целесообразности... Когда мы отказываемся от идеала объективности, мы оказываемся в мире, где истина... становится субъективной» [McIntyre 2018]. Это ставит перед эпистемологией острую задачу разработки прагматических и аксиологических критериев, учитывающих социальную укорененность истины.

Данный анализ перекликается с более ранними идеями М. Фуко о «режимах истины»: «Каждое общество имеет свой режим истины... то есть типы дискурса, которые оно принимает и делает функционирующими как истинные» [Фуко 2002]. Он развивает концепцию «режимов истины» (regimes of truth), согласно которой производство и признание истины в обществе неразрывно связано с властными отношениями, институтами и социальными практиками. Таким образом, проблема истины трансформируется в проблему доверия к источникам и институтам, ее производящим.

Вопрос доверия к результатам научных исследований в аграрной сфере все чаще решается не только внутри академического сообщества, но и через

публичную верификацию и вовлечение общества. Создание наборов данных (датасетов) для обучения нейросетей, призванных выполнять функции «цифрового агронома», является примером такой социально-технической практики. Ученые Бурятской ГСХА не просто собирают фотографии полей, но и выстраивают сложную процедуру валидации знания. Первичная разметка изображений (указание на наличие сорняков, болезней, вредителей) выполняется студентами, однако эта работа в обязательном порядке проверяется опытными агрономами из Россельхозцентра. Требуемая точность разметки в 95% достигается за счет этого двойного контура верификации, где доверие к алгоритму будущего «цифрового агронома» обеспечивается авторитетом и опытом признанных экспертов-практиков.

Или другой пример. Яркой иллюстрацией столкновения различных «режимов истины» является дискуссия о внедрении генетически модифицированных культур в сельском хозяйстве Мали. Решения о технологическом развитии здесь часто принимались в рамках колониальных иерархических схем под влиянием западных фондов и многосторонних организаций, которые обладали эпистемическим авторитетом. В ответ на это в 2006 году фермеры, представители правительства и приглашенные научные эксперты организовали «суд присяжных» для обсуждения рисков и преимуществ внедрения ГМ-хлопка [Dowd-Uribe 2014]. Этот случай демонстрирует, как производство и признание истины становится полем переговоров и конфликтов между локальным знанием, экономическими интересами и институционализированной наукой.

Следующим важнейшим вызовом для классической теории истины является появление принципиально нового когнитивного агента – искусственного интеллекта, чья «познавательная» деятельность требует пересмотра устоявшихся критериев.

Искусственный интеллект как когнитивный партнер поиска истинности знаний. Современные системы искусственного интеллекта, в особенности основанные на глубоком обучении, трансформировались из пассивных инструментов в активных когнитивных агентов, участвующих в генерации гипотез, паттернов и прогнозов. Эта трансформация способствует постановке радикальных эпистемологических вопросов о природе производимого ими знания. Дженна Беррелл (J. Burrell) точно фиксирует ключевую проблему: логика машинного обучения создает «алгоритмическую тайну», которая «возникает не обязательно из-за злого умысла, а из-за технической сложности и непрозрачности» самих моделей [Burrell 2016]. Феномен «черного ящика» – неотъемлемое свойство сложных нейронных сетей – делает внутренние процессы принятия решений недоступными для прямой интерпретации человеком.

В результате «истинность» выводов ИИ оценивается преимущественно через операциональные, прагматические критерии: точность предсказаний, эффективность решения задач, успешность в симуляциях. Это формирует мощную инструменталистскую или прагматистскую концепцию истины в цифровую эпоху, где «истинно то, что успешно работает» в заданных параметрах. Данный подход, однако, игнорирует классические корреспондентные требова-

ния соответствия реальности и семантической осмысленности. Философ Д. Вайнбергер развивает эту мысль, утверждая, что в эпоху больших данных и машинного обучения «мы вынуждены отказаться от идеи, что знание должно быть человеко-понятным по своей природе» [Weinberger 2012]. Знание перестает быть отражением причинно-следственных связей и становится корреляционным паттерном, ценным своей предсказательной силой, а не объяснительной глубиной.

Проблема усугубляется с появлением генеративных ИИ-моделей (таких как GPT, DALL-E), которые создают правдоподобные тексты, изображения и выводы, не имея доступа к «реальности» в человеческом понимании. Их «знание» – это статистическое моделирование вероятностных распределений в данных. Философ-когнитивист Э. Кларк предупреждает, что такие системы представляют собой «иллюзию смысла» – они мастерски оперируют символами, лишены для них интенционального содержания. Это выдвигает проблему эпистемического доверия: можно ли доверять системе, которая не «понимает» свои выводы?

Критики алгоритмической непрозрачности видят в этом не только техническую, но и социально-политическую угрозу. Философ технологии Ш. Валлор указывает на риск формирования «эпистемического неравенства», когда владельцы и разработчики непрозрачных систем обладают исключительным доступом к логике, формирующей социально значимые решения (например, в кредитовании, правосудии, найме) [Vallor 2016]. Значит, «алгоритмическая тайна» становится инструментом власти.

В ответ на эти вызовы формируются новые исследовательские направления, сосредоточенные на этико-эпистемологическом измерении технологий. Так, Б. Киттредж (Б. Кристиан) и его коллеги развивают концепцию «ответственного ИИ» (Responsible AI), требующую внедрения этических и эпистемических принципов – справедливости, подотчетности, прозрачности – на этапе проектирования систем [Kittredge (Christian) 2021; Floridi 2018]. Авторы этого подхода настаивают на том, что техническая эффективность алгоритма не может быть единственным критерием его ценности; не менее важны социальные последствия его применения и возможность общественного аудита логики его решений.

Параллельно развивается область «объяснимого ИИ» (XAI – Explainable Artificial Intelligence), целью которой является создание методов интерпретации решений «черных ящиков» [Gunning 2019]. Исследователи в этой области, такие как Д. Ганнинг, стремятся разработать техники, позволяющие понять, *почему* сложная нейронная сеть пришла к тому или иному выводу, даже если ее внутренняя работа не сводима к простым правилам. Это направление напрямую связано с проблемой эпистемического доверия: объяснимость выступает необходимым условием для критической оценки, делегирования полномочий и, в конечном счете, интеграции машинных выводов в человеческие практики обоснования знания.

Таким образом, ответственные и объяснимые системы ИИ представляют собой практическую попытку синтеза. Они стремятся соединить прагматическую мощь машинного обучения с классическими эпистемологическими требованиями к знанию – такими как обоснованность, интерсубъективная проверяемость и когерентность. Эта позиция находит теоретическую поддержку в рамках теории «расширенного познания» (*extended cognition*), первоначально предложенной Э. Кларком и Д. Чалмерсом, применяемой сегодня к анализу распределенных когнитивных систем, включающих искусственных агентов [Clark, Chalmers 1998]. В рамках этой перспективы ИИ рассматривается не как заменяющий человеческое мышление, а как новый тип когнитивного партнера, совместно с которым формируются гибридные познавательные практики и новые, адаптированные к технологической среде, критерии истинности.

Наконец, одним из самых фундаментальных вызовов классической гносеологии становится требование выйти за пределы человекоцентричной картины мира и включить в орбиту эпистемологического анализа нечеловеческих агентов и экологические контексты.

Нечеловекоцентричные эпистемологии и экологический поворот. Ответом на вызовы эпохи антропоцена и экологического кризиса стало формирование нечеловекоцентричных эпистемологий, которые принципиально децентрируют человеческое «Я», отвергая его как единственный источник и высшую меру познания. Чтобы понять истоки этого подхода, необходимо обратиться к концепции антропоцена. Антропоцен – это предлагаемая геологическая эпоха, в которой человеческая деятельность стала доминирующей силой, определяющей глобальные изменения в геологических, климатических и экологических системах планеты [Crutzen, Stoermer 2000: 17–18]. Признание антропоцена ставит под сомнение традиционное разделение «природы» и «культуры». Человек более не внешний наблюдатель, а сила, вплетенная в самую ткань планетарных процессов, что требует радикального переосмысления этики, политики и, что особенно важно для нашего рассмотрения, эпистемологии. Возникшие на фоне антропоцена концепции «экологической этики» [Leopold 1949], «климатической справедливости» [Gardiner 2011] и «межвидовой солидарности» направлены на необходимость учета не только человеческой деятельности, но и реакции сложных нечеловеческих систем – океанов, атмосферы, биоты – того, что философ Т. Мортон называет гиперобъектами [Morton 2013].

Вместо модели «субъект – объект», унаследованной от классической философии, нечеловекоцентричные концепции предлагают рассматривать знание как продукт сложных сетей взаимодействия – динамических сплетений, куда включены люди, животные, растения, технологии, ландшафты и даже климатические системы. В рамках этого парадигмального сдвига истина перестает быть статичным соответствием утверждения и реальности, превращаясь в процесс, укорененный в материальных практиках, экологических контекстах и коллективных взаимодействиях.

Пример из агрономии. Эволюция технологий земледелия от «серых» к «зеленым» демонстрирует этот поворот на практике. Традиционные «серые»

технологии были жестко ориентированы на сиюминутную экономическую выгоду, игнорируя долгосрочные последствия для почвы, воды и климата. Переход к «зеленому земледелию», включающему системы нулевой обработки почвы (No-Till) и мульчирования, основан на принципиально иной эпистемологии [Montgomery 2017]. Здесь критерием истинности становится не только урожайность, но и способность агросистемы к самоподдержанию, рационализация использования ресурсов в соответствии с принципом минимума производства энтропии И. Пригожина. Истина об эффективности технологии раскрывается через ее адаптивность и устойчивость в долгосрочной перспективе, а не через соответствие узким экономическим показателям.

Разработка систем мониторинга почвы на основе ИИ демонстрирует сдвиг от антропоцентричного взгляда на агроценозы к системному, экоцентричному подходу. В Тюмени создан комплекс, где истина о состоянии поля раскрывается не только через сиюминутные отчеты, но через непрерывный анализ множества параметров (влажность, температура и др.) с помощью ИИ, работающего 24/7. Здесь критерием эффективности и «правильности» становится не просто выполнение плана человеком, а способность системы автономно поддерживать оптимальный режим, минимизируя экологический след и сокращая издержки. Разработчики планируют объединить данные с наземных сенсоров, метеосистем и спутников в единую модель, что позволит агросистеме «говорить» на языке своих потребностей, а человеку – лишь следовать этим рекомендациям, децентрируя свою роль единственного субъекта принятия решений.

Странники нечеловекоцентричного подхода развивают его по нескольким ключевым направлениям. Так, Д. Харауэй в своей концепции «ситуационных знаний» настаивает на отказе от иллюзии объективного, «видения из ниоткуда» (view from nowhere). Она утверждает, что рациональное знание – это «всегда частичная, жизненная, критическая связь», возникающая из конкретного, телесного и ответственного участия в мире [Haraway 1988: 590]. Эпистемология участия подчеркивает, что познание рождается в материально-семиотических сплетениях разнородных акторов, образующих коллективный процесс мироброзования.

Сходным образом Г. Гигеренцер противопоставляет абстрактную логическую рациональность экологической рациональности, которая оценивает знание не по универсальным логическим критериям, а по его адаптивности и эффективности в конкретной среде. По его мнению, разум использует инструменты, «адаптивно рациональные для конкретных целей», что смещает фокус с поиска универсальных истин на анализ контекстуальной уместности знания [Gigerenzer 2008: 22].

Эти идеи получают радикальное развитие в рамках нового материализма и объектно-ориентированной онтологии. К. Барад, вводя понятие агенциального реализма, стирает онтологическую границу между познающим и познаваемым. Она утверждает, что знание – это не репрезентация, а процесс интраактивности, в ходе которого «разрезы» реальности производятся внутри кон-

кретных материальных практик. Агентность, таким образом, не является атрибутом отдельных существ, а представляет собой «динамические переконфигурации мира» [Barad 2007: 141]. В свою очередь, Г. Харман и Т. Мортон развивают идею радикальной демократии объектов, где нечеловеческие сущности – от молотка до планетарного климата – обладают собственной нередуцируемой реальностью, ускользающей от полного человеческого понимания [Harman 2018]. Мортон, в частности, детально разрабатывает концепцию гиперобъектов – масштабных, распределенных во времени и пространстве феноменов (таких как глобальное потепление или пластиковое загрязнение), которые принудительно вовлекают человечество в осознание своей глубокой взаимосвязи с нечеловеческими мирами [Morton 2013].

Однако нечеловекоцентричные эпистемологии сталкиваются с содержательной критикой, выявляющей их внутренние противоречия и потенциальные риски. Прежде всего, критики указывают на проблему расплывчатости и метафоричности ключевых понятий. Аналитические философы, такие как Дж. Серль, возражают против некритического расширения понятий «агентность» или «знание» на не-людей, видя в этом категориальную ошибку, которая затемняет специфику человеческого сознания и интенциональности [Searle 1980: 417–424]. Другим серьезным возражением является угроза размывания ответственности. Если агентность распределена в гибридных сетях, становится неясным, как атрибутировать моральную и эпистемическую ответственность за действия или открытия. Эта проблема ставит под вопрос саму возможность этического суждения и социального регулирования в рамках новой парадигмы.

С политической точки зрения, некоторые теоретики (например, С. Жижек) предостерегают против опасности квиетизма. Акцент на «плоской онтологии», где все акторы формально равны, может затушевать, по мнению С. Жижека, реальные структуры власти, эксплуатации и социального неравенства, которые остаются антропогенными по своей природе и требуют целенаправленного политического действия для их преодоления [Žižek 2014: 128]. Наконец, с точки зрения научной методологии, возникает проблема проверяемости. Многие постулаты нечеловекоцентричной эпистемологии (например, о «глубине» объектов или их внутренней коммуникации) оказываются трудными, если не невозможными, для эмпирической верификации, что ставит вопрос об их статусе – являются ли они научными теориями или философско-поэтическими нарративами.

Таким образом, современная трансформация проблемы истины носит глубокий и противоречивый характер. Она знаменует собой отказ от монолитного идеала «единственно верного соответствия» в пользу понимания истины как динамического, плюралистического и реляционного процесса. Этот процесс разворачивается одновременно в нескольких плоскостях: социальной (где истина укоренена в практиках доверия и авторитета), технологической (где она производится гибридными человеко-машинными системами) и экологической (где она состоит из материальных взаимодействий в сетях живого и неживого). Новое расширенное понимание истинности требует не замены одних критериев

другими, но интеграции множественных параметров: прагматической эффективности, социальной обоснованности, этической ответственности и экологической уместности. Это формирует более комплексную, но и более сложную картину познания, в которой человек, утратив статус эпистемического центра, обретает новую роль – роль ответственного участника в многоголосом, межвидовом и межматериальном диалоге о мире, который он больше не может считать исключительно своим.

Если содержательный аспект истины претерпевает столь значительные изменения, то не менее радикальные трансформации происходят и в понимании ее формальной стороны. Традиционное представление о логической правильности также подвергается пересмотру под влиянием вычислительных технологий и когнитивных наук.

Формальная истинность в классическом измерении и условиях вычислительного поворота

Формальная истинность знаний и логическая правильность: классический вариант и современные исследования. Для разрешения проблемы истинности недостаточно дать характеристику содержания истинности, требуется не менее тщательный анализ формы, которая является способом существования, выражения и преобразования данного содержания. Содержательная истинность возможна лишь при условии правильной формы, формальной истинности. Специально форма знаний исследуется в логике. При этом логика отвлекается от содержательной истинности конкретных знаний и концентрирует внимание на их логической форме.

Однако следует пояснить, что логическая форма не может быть абсолютно бессодержательной даже в логике. В качестве содержания логической формы выступает не конкретное содержание какого-либо знания, а абстрактное, формальное содержание самой логической формы. Например, форма «Все S есть P» предполагает содержание: у всякого предмета, обозначаемого S, есть признак, обозначаемый P. Поэтому уместно говорить о содержательной истинности логической формы.

Логика имеет прямое отношение к гносеологии, позволяя выявить связь между содержательной и формальной истинностью.

Форма и содержание любого явления, в том числе знаний, органически связаны и не существуют друг без друга. Форма всегда содержательна, содержание всегда оформлено. Выделить в отдельном образовании форму и содержание можно только при помощи мысли. При этом мысленно выделенная форма и мысленно выделенное содержание вновь обретают соответственно свои форму и содержание.

В реальном процессе познания содержание и форма не существуют порознь – они органически связаны между собой. Это следует из философского учения о единстве содержания и формы, которое предполагает, что эти категории – неотъемлемые стороны вещей, процессов и явлений. При этом содержа-

ние играет определяющую роль, а форма – скорее ведомая, поскольку зависит от того, что организуется.

Смысл термина «форма» многозначен. Применительно к информационному процессу, в том числе познанию, форма представляет собой средство (способ) существования, выражения и преобразования информации.

Можно выделить три основные характеристики форм. Во-первых, любая информация существует лишь будучи воплощенной в материальных носителях – вещах и процессах. Эти материальные агенты обеспечивают существование информации, с их помощью производится прием, передача, хранение и переработка. Так, способом материального существования сознания выступают нейродинамические процессы в коре головного мозга. Речь как деятельность человека также является одной из материальных форм сознания.

Во-вторых, в зависимости от природы материального носителя можно получить различные способы выражения и передачи информации. Содержание знаний индивид может выражать при помощи устной и письменной речи, «ручной речи», азбуки Морзе. В радиотехнике используется звуковая форма, в телевидении – изобразительная и звуковая. Цифровая форма используется в интернете, мобильной связи (например, IP-телефония, пакетная передача данных). Все это говорит о множественности способов выражения и передачи одной и той же информации. Поскольку эти способы индифферентны к содержанию, они рассматриваются в качестве внешней формы.

В-третьих, наиболее эффективной по познавательной функции и главной в отношении содержания является его внутренняя форма. Она непосредственно связана с содержанием информационных процессов, знаний и выступает не только способом их существования, выражения и передачи, но и способом преобразования этого содержания. Таким способом существования, выражения и преобразования содержания всех знаний выступает мышление (мысль) как логическая форма.

Что такое логическая форма знания? Это способ построения, выражения и связи различного конкретного содержания знаний. Существует целый ряд логических форм: понятия, суждения, умозаключения, доказательства, определения и т.п. Любая мысль и ее часть имеют вербальное или словесное (знаковое) оформление. Понятие выражается в слове, логические константы – в союзе и слове, суждения и рассуждения – в предложениях. В своем единстве мысль и предложение образуют вербально-логическую форму содержания знаний.

Трудно согласиться с тем, что чувственное знание может существовать вне вербально-логической формы. Все знания содержат в себе чувственное и логическое, ибо только из синтеза чувств и мысли формируются знания. Кант был прав, утверждая, что «рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить». Только из соединения их может возникнуть знание [Кант 1994: 90].

Чувственное и логическое есть внутренне связанные стороны не только всякого знания, но и всякого познания. При этом в отдельных разновидностях познания допустимо преобладание одной из сторон (например, в обыденном и

эмпирическом – чувственного, в теоретическом – логического). Отрицание некоторыми философами вербально-логической формы в чувственном познании можно объяснить тем, что чувственность подвергается излишней психологизации, сводится к психическим формам, не выходящим за рамки приспособительно-ориентационной функции.

Вряд ли разумно недооценивать чувственность как явление психической жизни. Благодаря чувственности человек и животные «целесообразно» реагируют на воздействия среды. Правомерно говорить об адекватности чувственности животных, подразумевая соответствие между психической реакцией и изменяющейся внешней средой. При этом психическую реакцию животных не следует толковать как истинную или ложную; она может быть «целесообразной» или «нецелесообразной». Истинное – характеристика сознания, познания и деятельности человека.

Не следует всю человеческую чувственность относить исключительно к сфере познания. Ощущения могут не выходить за рамки рефлекторной реакции. Восприятия и представления могут протекать неосознанно, автоматически.

Итак, признание чувственности как психического явления не означает отрицания ее в качестве важной стороны всякого познания. Отсутствие вербально-логической формы в чувственности, имеющей исключительно психическую природу, не может служить основанием для утверждения, что в познавательной деятельности чувственные знания должны быть лишены вербально-логического оформления. Вряд ли оправдано механически переносить форму существования чувственности из области психики на область познания.

Действительно, отнесение вербально-логической формы к чувственности недопустимо, но к чувственному познанию (знанию) крайне важно. Там, где разговор идет о познании, даже чувственном, процесс его протекает и результат его существует в вербально-логической форме. В этом заключается проникновение логического в чувственное.

Не только чувственное познание включает в себя рациональное, но и рациональное внутренне связано с чувственным благодаря вербализации – языковому и знаковому оформлению. Язык как знаковая система воспринимается субъектом через деятельность органов чувств. Поэтому включенность чувственности в процесс языкового оформления является обязательным условием для всякого познания. Вне вербально-логической формы не может быть никаких знаний.

Если знания имеют разные формы, то к каким из них приложима истинностная оценка? Можно ли оценивать как истинные ощущения, восприятия, представления, понятия, или только высказывания (суждения), или, быть может, только теории? Этот вопрос – предмет дискуссий.

Одни полагают, что истинностная оценка распространяется на все знания человека независимо от их формы [Копнин 1973]. Другие ограничивают сферу приложения единственной формой – высказыванием (суждением) [Айдиян 1991: 195–197]. Третьи считают, что в научной деятельности признаком истин-

ности обладают теории и теоретические системы [Курсанов 1977; Чудинов 1977].

Ограничение действия истинностной оценки областью высказываний возникает из-за забывания того, что сопоставление наших ощущений, восприятий, представлений и понятий с действительностью можно произвести не иначе как через образование определенных высказываний. Как верно отмечено И. С. Нарским, в зависимости от истинности или ложности высказываний оказываются истинными или ложными и наши ощущения, восприятия, представления и понятия [Нарский 1973: 286]. От истинности высказываний зависит также статус научных знаний – быть им теорией или гипотезой. Теория состоит из истинных высказываний. Ложные высказывания могут входить в состав гипотезы.

Предполагается, что теория тождественна системе истинного научного знания. Истинностная оценка приложима к теории благодаря истинностной оценке входящих в нее высказываний. Поэтому и здесь об истинности знаний судят в зависимости от истинности высказываний как элементов этих знаний.

Высказывание – элементарная логическая форма всякого знания. Посредством установления истинности высказываний субъект определяет истинное в самых различных формах знаний.

Истинностная оценка может быть приложима и к различным психическим состояниям человека, но не прямо, а через их вовлечение в познавательное отношение, осмысление и оформление в высказывания. В этой ситуации мерилom истинного являются представления о нормальности психических состояний. По существу здесь решается гносеологический вопрос о соответствии этих состояний индивидуальному и общепринятому представлению о них.

К примеру, я оцениваю свое состояние боли и констатирую: «Мне больно». Если содержание высказывания соответствует моему эмоционально-физическому состоянию, то оно истинно. Через истинность высказывания будет истинным и ощущение боли, если оно соответствует моему чувственному опыту о том, что такое боль.

Конечно, не всегда продукты психической деятельности становятся объектами познания. Вне познавательного отношения их можно оценивать по-другому, в эмоционально-психических характеристиках.

Вербально-логическая форма необходима также при выявлении истинных значений предметов объективного мира. Бытие материальных вещей в познавательной деятельности воспроизводится в форме высказываний, которые репрезентируют реальный объект. Истина как нормативно-регулятивная идея в каждом акте познания «задает» объект в концептуально-осмысленном виде. С этим «вербализованным объектом» субъект и совершает познавательные-логические действия.

Именно идеей, предваряющей и сопровождающей познавательный процесс, руководствуется субъект при определении истинных характеристик вещей. Будучи оформленная в высказывании, она как бы экстраполируется на познаваемый объект и придает ему значение истинного.

Известно, что знания носят прикладной характер; они реализуются в деятельности. В практике они превращаются в вещи, в познании – в новые знания. На основании чего человек судит о совершенном, истинном во вновь созданных вещах? Этим основанием является соответствие вещей и знаний. Соответствующая истинному знанию вещь, созданная на его основе, является также истинной. Следовательно, вопрос об истинном бытии возникает и разрешается после постановки и решения гносеологического вопроса об истинности содержания знаний об этом бытии.

Прежде должно иметь место истинное знание, выраженное в вербально-логической форме, а уж потом материализованное на его основе истинное бытие. Таким образом, понятие «истинное» применимо ко всем предметам духовного и материального мира при условии, если они выражены в сознании субъекта в вербально-логической форме, в форме высказываний.

Анализом высказываний философы и логики занимались с давних времен. В прошлом высказывание изучалось преимущественно для установления в умозаключениях логической зависимости между истинностью посылок и истинностью заключений. В современной логике сфера использования высказывания значительно расширилась в связи с анализом языка.

Очевидно, что суждение не может рассматриваться вне предложения, посредством которого человек высказывает истинную или ложную мысль. Высказывание выражает смысл содержащегося в предложении суждения. Подобное понимание соответствует принципу диалектической взаимосвязи мышления и языка. Поэтому под высказыванием подразумевают грамматически правильное, обычно повествовательное предложение, выражающее определенное суждение (мысль) о принадлежности или непринадлежности признака предмету, о наличии или отсутствии отношений между предметами.

Было бы просто, если бы все различия между высказыванием и суждением ставились в прямую зависимость от связи с предложением. Классическое высказывание (суждение) абстрагировалось не только от предложений, но и от других свойств, которые не влияли на логическую зависимость. В результате классическая логика не включала в предмет исследования все те признаки высказываний, которые фактически образовывали содержание понятия «суждение». В действительности суждение представляет собой такой интеллектуальный акт, в котором не просто что-либо утверждается или отрицается и которое может быть истинным или ложным, но и выражается личностное отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли.

Когда в гносеологии говорят о высказывании, то подразумевают мысль, высказанную конкретным субъектом в конкретных обстоятельствах, выраженную в конкретном предложении, которому присущи определенные синтаксические особенности. Следовательно, нельзя обойти вниманием личностно-интенциональную характеристику высказывания, его прагматический смысл.

В философских и логических исследованиях понятие «суждение» часто используется для акцентирования внимания на личностном отношении субъекта к содержанию мысли, в частности, посредством применения модальных по-

нятий и сопряженности их с состояниями субъекта – сомнением, убежденностью, верой и т.п.

Справедливо отмечать в суждении личностно-интенциональную форму его существования, особенно в процессе коммуникации, где наряду с передачей информации предполагается реализация оценочных и прагматических целей отправителя.

Высказывание, таким образом, наряду с общими признаками мысли, может включать в себя субъективно-оценочное отношение к содержанию, то есть личностное суждение о значимости этой мысли для субъекта.

Признавая неразрывную связь между суждением и предложением, нельзя сводить их к жесткой однозначной зависимости. Всякое суждение должно быть оформлено в грамматически правильное повествовательное предложение. Однако повествовательные предложения, произнесенные, например, с иронической интонацией, могут и не быть суждениями. Например, высказывание «Всё вы наперед знаете!» может и не содержать утверждения. Как впрочем, нельзя не признать суждением мысль, выраженную риторическим вопросом или восклицательным предложением. Например, риторический вопрос «Кто из агрономов не знает, что растение живет благодаря фотосинтезу?» равнозначен суждению «Все агрономы знают, что растение живет благодаря фотосинтезу». Следовательно, в некоторых ситуациях логический строй суждений может не совпадать с грамматическим строем предложения.

Нередко одно и то же суждение может быть выражено с помощью различных предложений. Такая связь называется синтаксической синонимией. Например, предложение «Снег белый» можно заменить предложениями «Свойство белизны принадлежит снегу» или «Снег относится к числу предметов, обладающих белизной». С другой стороны, одно и то же предложение в различных контекстах может иметь разные смыслы, выражать разные суждения. Это явление называется синтаксической омонимией. Чтобы избежать неоднозначности, необходимо точно зафиксировать в конкретном предложении определенный смысл. В этом случае получаем высказывание-предложение, выражающее определенное суждение.

Таким образом, высказывание, суждение и предложение как взаимодополняющие характеристики представляют в своем единстве всякую законченную мысль, выраженную обычно в форме грамматически правильного повествовательного предложения.

В классической логике допускается, что каждое простое высказывание является либо истинным, либо ложным, то есть обладает одним из двух значений – «истинности» или «лжи». Данное допущение основано на принципе двузначности (бивалентности). Это означает, что истинность находится в антонимическом (дихотомическом) отношении с понятием «ложь». Ложь, как и истинность, рассматривается здесь как исключительно гносео-логическое понятие.

Подверженность оценкам с помощью терминов «истинность» и «ложь» – характерная особенность высказываний. Другие формы познания могут быть

подвергнуты этим оценкам только при условии их выражения в высказывании. Чтобы знание обладало истинностью или ложностью, оно должно что-либо утверждать или отрицать, а это возможно только в форме высказываний. Все другие знания складываются из высказываний.

Истинностное значение знаний выявляется при помощи логических операций с высказываниями – их сопоставлении, установлении истинности сложного высказывания при анализе истинностного значения входящих в него простых высказываний. Например, в операции сравнения двух противоположных по смыслу высказываний, опираясь на закон противоречия, можно прийти к заключению, что истинным является такое высказывание, содержание которого соответствует описываемой в нем действительности.

Многие новые знания получаются на основе интеллектуальных процедур над высказываниями: определение, доказательство, научное объяснение, выдвижение и проверка гипотез, постановка и решение проблем и т. п. Среди них решающее место занимает рассуждение. С его помощью достигается логическое обоснование истинности или ложности, достоверности или вероятности той части знаний, которые невозможно получить эмпирическим путем. Рассуждение представляет процедуру обоснования некоторого высказывания путем поэтапного выведения его из других высказываний.

Центральным элементом рассуждения выступает умозаключение – процессуальная форма мышления, посредством которой из одного или нескольких высказываний-посылок выводится новое высказывание-заключение. Истинность заключения в дедуктивном умозаключении гарантируется истинностью посылок при соблюдении правил логики. В индуктивных (недедуктивных) умозаключениях из истинных посылок и при соблюдении логических процедур не обязательно логически следует истинность заключения. Заключение индуктивных умозаключений может быть принято за истинное лишь как вероятностное.

Таким образом, высказывание непосредственно участвует в формировании новых знаний, и от его истинности во многом зависит истинность новых высказываний, полученных в процессе использования различных интеллектуальных процедур, при условии их логической правильности.

При определении истинности высказываний исходят из различных систем понятий и принципов гносеологии. Интересный вариант предлагается Р. М. Айдиняном [Айдинян 1991: 211–215]. Он дает последовательный ряд уточняющих дефиниций истины, начиная с аристотелевского определения как соответствия содержания знаний действительности.

Поскольку истинным может быть не всякое знание, определение принимает форму: «истина – это соответствие содержания суждения (высказывания) объективной действительности».

Далее идут уточнения: «содержание *правильного* (для данного языка) суждения»; «правильного дескриптивного суждения»; «правильного дескриптивного конкретного суждения»; «правильного дескриптивного конкретного суждения, в котором термины имеют установленные референты» и, наконец, «истина – это соответствующее объективной действительности (выясняемое в

конечном счете через практику) содержание правильного дескриптивного конкретного суждения, в котором термины имеют установленные референты» [Айдинян 1991: 212].

Разумеется, автор достиг цели – конкретности истины в логическом аспекте.

Возникает вопрос: какое место отводится творческому субъекту, который пытается выйти из наличной ситуации знаний и действительности? Новые знания не могут опираться только на отображения наличной действительности, ибо они удовлетворяют лишь в приспособительно-ориентационном плане, но не в плане преобразования. Чтобы осуществлять преобразования, необходимо выйти в другую систему отсчета истинности высказываний. Эта система должна находиться в субъекте, осуществляющем творческий акт в субъектно-оценочном отношении, не исключающем описание наличного состояния и одновременно им не ограничивающемся.

Роль субъекта в становлении истинного высказывания не меньшая, чем объективной действительности. Не слишком ли много ограничительных требований налагается порой на истинное высказывание? Подобного рода высказывания кроме «вечных истин» (истин факта) ничего другого не дают. Для обыденного и эмпирического познания, быть может, они играют позитивную роль. Но вряд ли они могут стимулировать развитие науки в целом. Об этом говорил еще Энгельс в «Анти-Дюринге» [Энгельс, т. 20].

Поскольку субъект принимает активное участие в вычленении объекта и воспроизведении его в высказывании, постольку высказывание явно или неявно носит не только описательный, но и оценочный характер. Более того, в содержательной структуре многих высказываний могут находиться модальные понятия, оценки. Позиция субъекта, присутствующая в высказывании, способствует конкретизации и индивидуализации высказывания, то есть превращению его в суждение.

Высказывание, главной функцией которого является описание действительного положения дел, принято называть дескриптивным или описательным. Оценка соответствия содержания данного типа высказывания объекту производится в истинностных значениях. Если описание соответствует действительному положению дел, оно считается истинным, если не соответствует – ложным. Дескриптивное высказывание чаще всего имеет форму повествовательного предложения.

В содержательно-гносеологическом отношении всякое описание как высказывание предполагает наличие компонентов: 1) субъект высказывания; 2) описываемый объект; 3) основание описания (точка зрения); 4) характер оценки описания на предмет истинности.

Основание описания указывает на присутствие в дескриптивном высказывании субъектно-оценочного отношения. Оно предполагает максимальную приближенность субъектного выбора основания к интерсубъективной позиции. Характер оценки, производимый в терминах «истинность» и «ложь», также указывает на наличие оценочного отношения.

Высказывание, включающее при описании модальное понятие, которое оценивает содержание с той или иной точки зрения, принято называть модальным. Подобного рода высказывания имеют компоненты: 1) субъект высказывания; 2) оцениваемый объект; 3) основание оценки (модальные понятия); 4) характер оценки (абсолютный, сравнительный).

В современной модальной логике выделяются группы модальностей: логические, физические, эпистемические (теоретико-познавательные), деонтические (нормативные), аксиологические (оценочные), временные.

Оценивание осуществляется либо в абсолютных модальных понятиях (необходимо, возможно, истинно, ложно, обязательно, хорошо, плохо и т.п.), либо в сравнительных (вероятнее, лучше, раньше и т.п.). Чаще всего в предложениях модальных высказываний входят логические константы, выражаемые наречиями, формами глагола и другими модальными понятиями.

Противоположным дескриптивному является разновидность модального высказывания, называемого оценочным (аксиологическим). Оценка соответствия содержания этих высказываний объекту производится сквозь призму субъектно-оценочного отношения, опирающегося на общепринятые стандарты, нормы. Если оценка соответствует действительному положению дел и основание оценки не противоречит общепринятым стандартам, то высказывание считается истинным, если происходит нарушение хотя бы одного из требований – ложным.

Присутствие модальных понятий и трудности различения между дескриптивным и оценочным высказываниями обусловлены тем, что многие высказывания естественного языка носят смешанный, описательно-оценочный характер. Это подтверждает, что естественное развитие языка шло в направлении интеграции познавательного и оценочного отношений.

Не менее важным является вопрос о формальной истинности высказывания. Данный вопрос имеет отношение к логическому анализу, но комплексное его разрешение возможно лишь в рамках единой проблематики гносеологии и логики.

Чтобы разобраться в понятии «формальная истинность», нужно отличать его от термина, которым часто обозначают истинность высказываний, выводимых чисто логическим путем. С этой целью используются также термины «логическая истинность», «логическая истина» (L-истина). Фактическая истинность (F-истина) или истинность эмпирически выводимых высказываний рассматривается как противоположность логической истинности.

Особый статус логическая истинность обрела в «истинах разума» Г. В. Лейбница. «Истины разума», по мнению Лейбница, вытекают из законов логики и обладают безусловным, необходимым характером, истинны во всех возможных «мирах». Напротив, «истины факта» носят случайный характер. Их истинность следует из соответствия фактическому положению дел. «Различие между истинами необходимыми и случайными, – указывал Лейбниц, – поистине не то же самое, что и между соизмеримыми и несоизмеримыми числами...» [Лейбниц 1984: 496].

В дальнейшем это различие развивал И. Кант в русле своей *transcendental philosophy*, но в ином ключе. Он не противопоставляет форму знаний их объектному содержанию напрямую, а связывает проблему истинности с условиями возможности самого познания.

Кант разграничивает *аналитические* и *синтетические* суждения. Аналитические суждения (например, «все тела протяжены») истинны в силу логической формы и непротиворечивости предиката субъекту; их истинность может быть установлена априори, независимо от опыта. Синтетические суждения (например, «это тело тяжелое») требуют обращения к опыту, к чувственному созерцанию, чтобы установить их истинность или ложность. Таким образом, для Канта формальная (логическая) правильность суждения является необходимым, но недостаточным условием его истинности, особенно когда речь идет о содержательном знании о мире [Кант 1994].

Данное различие высказываний вполне можно принять, ибо в познавательной деятельности имеют место и эмпирические высказывания, истинность которых выводится опытным путем, и логические высказывания, выводимые логическим путем. Тот и другой тип состоит из взаимосвязанных содержания и формы. Причем форма существования всех типов одна и та же: должна быть логически и грамматически правильной. Если высказывание обладает содержательной истинностью и получило выражение в логически правильной форме, то оно является истинным. Однако вряд ли высказывание можно назвать истинным, если внутри него отсутствует согласованность между содержательной истинностью и логической правильностью.

Получается, что смысл понятий «логическая истинность» и «фактическая истинность» несколько иной, чем смысл понятий «формальная истинность» и «содержательная истинность».

Первой группой понятий обозначаются основные типы истинных высказываний – высказывания о фактах и выводные высказывания. Вторая группа характеризует внутреннюю структуру всех истинных высказываний, различая внутри них истинность, связанную с объектным содержанием, и истинность, указывающую на их вербально-логическую форму.

На путаницу вокруг разных понятий обращали внимание многие философы. Так, Ф. Brentano отмечал, что «материальная» (содержательная) и «формальная» истинности, если их так понимать, необязательно должны быть присущи разным типам суждений – они обе могли бы относиться к одному и тому же суждению, причем одно и то же суждение могло бы быть, например, «материально ложным», но «формально истинным», или наоборот» [Brentano 1996: 28].

Из этого следует, что не допустимо смешивать термины, употребляемые для обозначения различных типов суждений, с аналогичными терминами, которые выражают форму и содержание одного и того же высказывания.

Однако далеко не всеми проводится это различие. Более того, нередко встречается сведение истинности высказывания только к его формальной ис-

тинности и игнорирование содержательной. Особенно это касается логического позитивизма.

Из эпистемологической проблематики неопозитивизма по существу выпадает рассмотрение содержательной истинности. Правда, в начальный период считалось, что в области эмпирического знания под истиной понимается соответствие содержания предложения чувственно воспринимаемому факту и что проверку логических высказываний можно осуществить путем верификации – сопоставления с чувственными знаниями. Однако далеко не каждое высказывание может быть непосредственно соотнесено с фактами, ибо большая часть научных высказываний имеет своим содержанием идеальные объекты. Такие высказывания могут верифицироваться косвенно, через выводимые из них следствия. Классическую точку зрения можно встретить у Л. Витгенштейна и Морица Шлика.

Позже неопозитивизм отказался от анализа содержательной истинности и обратился к анализу истинности логической формы. Понятие фактической истинности трактовалось как выходящее за пределы логического языка науки. Философа и логика якобы не должно интересовать отношение высказывания к реальному объекту, ибо это – предмет конкретных наук.

Предмет логики научного исследования был сведен к анализу совокупности логических правил, регламентирующих последовательность операций с предложениями. Проблема истинности была ограничена рамками выявления взаимной согласованности предложений, входящих в систему научных знаний. Результатом явилась деобъективация содержания высказываний. В этой ситуации классическая теория истины отвергалась и заменялась теорией когеренции (Р. Отто, О. Нейрат, Р. Карнап), согласно которой единственным формальным критерием истинности предложения выступала его непротиворечивость, согласованность с другими предложениями.

Высказывание, лишенное объектного содержания, превращается у логических позитивистов в предложение чистого синтаксиса, которое становится предметом логического анализа. Р. Карнап пишет о цели логики: «Развитие логики в последнем десятилетии... обнаружило, что она лишь тогда может претендовать на точность, если она будет иметь дело не с суждениями (мыслями или содержанием мысли), но с языковыми выражениями, в особенности с предложениями. Только в отношении последних могут быть установлены строгие правила» [Carnap 1934: 138].

В соответствии с этой задачей Р. Карнап предложил перевести предложения из материального модуса, где решается вопрос об источниках высказываний, в формальный модус, где предложение принимает вид чисто синтаксического образования. Именно с этим образованием, по его мнению, и должна иметь дело логика.

В дальнейшем Р. Карнап не ограничивается синтаксическим анализом. Он вслед за Тарским интересуется семантическим пониманием истинности. В качестве предмета семантики рассматривает взаимоотношение языковых форм и значений, выраженных в предложениях. Однако им по-прежнему игнорирует-

ся отношение предложения к реальному объекту. Проблема истинности превращается в проблему значения предложений, но значения не объектного, а смыслового содержания.

Р. Карнап различает фактическую истинность (F-истинность) и логическую истинность (L-истинность). F-истинность низводится им до атрибута случайного значения единичного факта. Она зависит от наблюдений субъекта, его чувственного опыта. F-истинность настолько индивидуальна, что не может быть основанием для объективности языковых выражений. Ее необходимо включить в семантическую систему, в которой она приобрела бы объективное значение.

Во «Введении в семантику» Р. Карнап использует понятие семантической системы. «Под семантической системой, – пишет он, – мы понимаем систему правил, сформулированную на метаязыке и относящуюся к предметному языку; эта система такова, что ее правила определяют условия истинности каждого предложения предметного языка... Это можно сформулировать еще другим способом: *правила определяют значение или смысл предложений*. Истинность и ложность называются логической значимостью предложения» [Carnap 1942: 22].

Из взглядов Р. Карнапа следует, что логическая истинность (L-истинность) не связана с объектным содержанием высказываний, не выводится из опыта. Она представляет собой систему логических правил, определяющих смысловое значение предложений, их истинность. Не объект определяет содержание высказываний, их истинность. Главным условием истинности являются логические правила.

Развитие неопозитивизма шло от анализа синтаксических форм предложений к лингвистическому исследованию значения. Существенным недостатком была абсолютизация логической формы предложения и игнорирование содержательной его стороны, выступающей связующим звеном мысли с объектом. При всей важности различия содержательной и формальной истинности недопустимо их противопоставление, а на деле – «сращивание» в одну логическую истинность.

В действительности, речь идет об одной истинности, которая в зависимости от аспекта исследования – гносеологического или логического – принимает соответственно содержательный или формальный смысл. Отсюда вывод. Высказывание со стороны содержания является истинным тогда и только тогда, когда оно соответствует реальному положению дел. Но содержание не может существовать вне логической формы. Поэтому требуется придать ему логически правильную форму, соответствующую общепринятым стандартам и правилам.

Итак, формальная истинность тесно связана с понятием «логическая правильность». Мысли считаются правильными, если при их выражении и выведении соблюдены все необходимые правила формальной логики.

Вместе с тем, логическая правильность высказывания еще не гарантирует его истинности. Можно соблюсти все логические правила построения суждения

и выразить его в правильном предложении. Тем не менее истинным оно будет только в том случае, если его содержание соответствует объекту.

Можно привести множество примеров, в которых логическая правильность не является достаточным основанием содержательной истинности. Высказывание будет истинным только тогда, когда грамматически правильное предложение обладает содержательной истинностью. В противном случае оно будет ложным.

Формальная истинность и логическая правильность – не одно и то же. Не всякое логически правильное высказывание будет формально истинным, а только такое, которое обладает также и содержательной истинностью. В случаях, когда соблюдается логическая правильность, но отсутствует соответствие между содержанием и объектом, нельзя применять признак формальной истинности. Правда, в данной ситуации можно говорить о логической правильности.

Исходя из принципа единства содержания и формы можно предположить, что содержательная истинность занимает ведущее положение по отношению к формальной. При этом важно констатировать связь между логической правильностью и формальной истинностью. Логическая правильность совпадает с формальной истинностью при условии, если высказывание обладает истинным содержанием. Напротив, логически правильное высказывание может и не быть формально-истинным, если его содержание ложно.

Таким образом, содержательная истинность и логическая правильность, взятые в отдельности, составляют необходимые, но недостаточные условия существования истинных знаний. Быть истинным знанием – значит иметь одновременно содержание, соответствующее объекту, и форму, соответствующую законам и правилам логики.

Вышеприведенные рассуждения о формальной истинности знания и логической правильности работают в классической и в известной мере неклассической системе гносеологических координат. Современные исследования в области формальных теорий истины существенно углубляют классическую проблематику. Ключевой вызов для любой формальной системы, претендующей на описание истины, представляют собой семантические парадоксы, и прежде всего – известный нам из предыдущего раздела главы парадокс лжеца.

Напомним этот древний парадокс, сформулировав с помощью простого предложения: *«Данное высказывание ложно»*. Если мы попытаемся определить, истинно оно или ложно, мы попадем в логический тупик. Если оно истинно, то оно должно быть ложно (так как оно само утверждает свою ложность). Если оно ложно, то оно должно быть истинно (так как оно верно утверждает свою ложность).

Как отмечают ведущие специалисты в области логики Дж. Билл, М. Гланцберг и Д. Рипли, этот парадокс демонстрирует фундаментальную проблему так называемой *«наивной» теории истины* [Beall, Glanzberg, Ripley 2018]. «Наивная» теория опирается на два интуитивно очевидных принципа: а) принцип «захвата» (Capture) – если утверждение *A* имеет место (истинно), то истин-

но и то, что «А» истинно; б) принцип «освобождения» (Release) – если истинно, что «А» истинно, то утверждение А имеет место (истинно).

В обычных ситуациях эти принципы работают безупречно. Однако в сочетании с классической логикой и возможностью языка говорить сам о себе (как в предложении «*Данное высказывание ложно*») они ведут к неразрешимому противоречию. Парадокс лжеца показывает, что наша интуиция об истине (выраженная в принципах захвата и освобождения) несовместима с некоторыми другими базовыми логическими допущениями.

Какое отношение древний парадокс имеет к нашей теме? Это напрямую связано с проблемой формальной истинности и логической правильности. Парадокс лжеца ставит под сомнение саму возможность построения формально непротиворечивой системы, которая могла бы полностью описать понятие истины для языка, включающего семантические понятия (такие как «истинно» и «ложно»). Он показывает, что требование логической непротиворечивости (когерентности) может вступать в конфликт с другими важными свойствами, которые мы ожидаем от теории истины (например, ее способностью охватывать все предложения языка).

Именно поэтому современная логика предлагает различные пути выхода из этой ситуации, каждый из которых по-своему переопределяет соотношение между содержательной идеей истины и формальными требованиями логической правильности:

1. Отказ от классической логики: Сохранение принципов «захвата» и «освобождения» в полном объеме, но отказ от некоторых законов классической логики (например, закона исключенного третьего) в пользу неклассических логик (например, трехзначной логики, предложенной Солом Крипке, где высказывания могут быть истинными, ложными или не иметь истинностного значения).
2. Ограничение принципов истины: Сохранение классической логики, но ограничение сферы действия принципов «захвата» и «освобождения». Это подход, восходящий к иерархии языков Альфреда Тарского: мы не можем говорить об истинности предложения на том же самом языке, для этого нужен «метаязык» более высокого уровня.
3. Субструктуральные подходы: Модификация самого понятия логического вывода – то есть того, как мы переходим от одних высказываний к другим.

Таким образом, современные исследования не отвергают классическую проблему формальной истинности, а показывают, что требование логической правильности (непротиворечивости) может быть реализовано разными способами. Выбор конкретного формального аппарата (классическая или неклассическая логика, иерархический подход и т.д.) определяет, как именно будет пониматься соотношение между содержанием высказывания и его формальной структурой, и, в конечном счете, – что значит быть «формально истинным» в рамках той или иной теории.

Какой обобщенный вывод можно сделать по этому вопросу? Формальная истинность знаний в классическом понимании представляет собой единство со-

держательной истинности (соответствия объекту) и логической правильности (соответствия законам и правилам логики). Высказывание выступает той фундаментальной единицей, в которой это единство реализуется и через которую только и может быть установлена истинность любого знания – от простейшего ощущения до сложнейшей теоретической системы. Современные формальные теории истины, сохраняя это базовое понимание, существенно расширяют представления о возможных логических основаниях истинности, рассматривая различные модификации как принципов истины, так и самого отношения логического следования. При этом сохраняется фундаментальный принцип: истинное знание требует одновременного выполнения требований содержательной адекватности и формальной правильности.

Однако классическое представление о том, как именно человек приходит к формально правильным выводам, было поставлено под сомнение когнитивной наукой, предложившей альтернативную модель – теорию ментальных моделей.

От логических правил к ментальным моделям: когнитивный сдвиг. Классическая гносеология, как показано выше, тесно связывала формальную истинность с соблюдением правил дедуктивной логики, что прослеживается, например, у Лейбница и Канта. Долгое время в философии, а позже в когнитивной науке и искусственном интеллекте, господствовала идея, согласно которой человеческое мышление представляет собой по сути применение внутренних, хотя и не всегда осознаваемых, логических правил к утверждениям. Правильность рассуждения в такой парадигме оценивалась исключительно по стандартам математической логики. Если человек делал вывод, не соответствующий этим стандартам, его обвиняли в «когнитивной ошибке» или «иррациональности».

Однако теория ментальных моделей (Mental Models Theory), разработанная британским психологом Ф. Джонсон-Лэрдом, предложила принципиально иной механизм мышления. Ученый развил идею К. Крэйка в полноценную теорию, работы по которой в 1980-х годах стали настоящим прорывом. Они дали экспериментальное и теоретическое обоснование тому, что дедуктивное рассуждение основано не на применении логических правил, а на построении и проверке мысленных моделей.

В чем же суть этой теории? Согласно ей, люди понимают утверждения и рассуждают, конструируя в сознании динамические модели возможных ситуаций или сценариев, соответствующих полученной информации. Эти модели представляют собой не слова и не символы, а аналоги мысленных симуляций [Johnson-Laird 1983].

Проиллюстрируем, как это работает на примере. Услышав фразу «Если идет дождь, то крыша мокрая», мы не просто запоминаем логическую связь. Мы мысленно представляем себе сценарий: темные тучи, капли дождя, падающие на крышу, мокрую черепицу... Одновременно мы можем построить альтернативную модель для случая, когда дождь не идет, учитывая, что крыша может быть как сухой, так и мокрой по другой причине. Рассуждение происхо-

дит путем верификации – мы инспектируем эти модели и делаем вывод. Если нам добавляют информацию: «Крыша сухая», мы ищем модель, совместимую с этим фактом. Модель с дождем не подходит, поскольку в ней крыша мокрая. Остается модель, в которой дождя нет. Следовательно, мы приходим к выводу: «Значит, дождь не идет». Это логически правильный вывод (отрицание следствия), однако достигнут он был не применением формального правила, а через отбрасывание несовместимой модели.

Что демонстрирует и почему важна теория ментальных моделей? Во-первых, она показывает, что логическая правильность зачастую обеспечивается не применением формальных правил. Люди, особенно в бытовых ситуациях, успешно рассуждают, не зная логических формализмов. Их успех основан на способности смоделировать ситуацию и непосредственно увидеть в ней противоречие или необходимость.

Во-вторых, эта теория ставит под сомнение прямую проекцию норм формальной логики на человеческое мышление. Она объясняет, почему люди систематически ошибаются в классических абстрактных логических задачах, таких как задача Уэйсона на проверку правил, требующих оторванного от контекста применения формализмов. При этом те же люди блестяще справляются с логически идентичными задачами, если их содержание позволяет построить знакомую или осмысленную ментальную модель, например, связанную с нарушением социальных правил. Следовательно, ошибка кроется не в «нелогичности» мышления, а в неадекватности формально-логического подхода для его описания.

В-третьих, и это главное, теория указывает на необходимость создания более когнитивно реалистичных моделей для понимания человеческого мышления и создания искусственного интеллекта, способного рассуждать по-человечески. Такие модели должны учитывать: а) ограничения рабочей памяти (мы можем построить лишь несколько моделей одновременно, отсюда сложность с дизъюнкциями «или-или»); б) роль знаний и контекста (они помогают сразу строить релевантные модели); в) процессуальную природу мышления (построение, обновление, сравнение моделей); г) семантику, а не только синтаксис (значение высказываний важнее их формальной структуры).

Значение и влияние теории ментальных моделей трудно переоценить. Она стала одной из основ современной когнитивной науки, повлияв на психологию мышления и принятия решений, изучение языка и понимания текста (где читатели строят «ситуационные модели» повествования), обучение и педагогику (подчеркивая важность визуализаций, примеров, аналогий – всего, что помогает построить правильную ментальную модель), а также на дизайн интерфейсов и информирование о рисках (указывая, как представить информацию, чтобы человек мог легко построить точную модель последствий).

Ключевой фигурой в разработке теории, безусловно, был Ф. Джонсон-Лэрд. Однако взгляд «от формальных правил к ментальным моделям» сформировался в полемике и на фоне более ранних концепций. Так, в рамках генетиче-

ской психологии Ж. Пиаже рассматривал развитие логического мышления у детей как интериоризацию (усвоение) формальных операциональных схем.

Теория «логического мышления как манипуляции символами» и компьютерная модель General Problem Solver (GPS), разработанная А. Ньюэллом и Г. Саймоном, стали прямым воплощением идеи о том, что мышление есть применение формальных правил вывода к символьным репрезентациям. Их исследования заложили основы когнитивной науки как таковой.

Гипотеза «языка мысли» (Language of Thought, Mentalese) Дж. Фодора предполагала, что мышление происходит на внутреннем формальном языке с синтаксисом и семантикой, где вычисления, то есть применение правил, осуществляются над символами.

В трудах по формальной семантике Дж. МакКинси, А. Чёрча и Р. Монтегю предпринимались попытки описать значение естественного языка методами математической логики, что косвенно поддерживало идею проекции формальной логики на мышление.

Эксперименты Р. Шепарда с ментальным вращением (mental rotation) наглядно показали, что люди манипулируют не символами, а аналоговыми образами в уме, что стало сильным аргументом против чисто пропозициональных (символьных) теорий [Shepard, Metzler 1971].

Исследования С. Косслина с ментальными образами (mental imagery) доказали, что при решении задач люди задействуют квази-перцептивные репрезентации, обладающие пространственными свойствами, а не только формально-логическими [Kosslyn 1980].

Идея о том, что мозг строит внутренние репрезентации мира для решения задач, была развита и Д. Марром. Хотя он работал в области зрения, его концепция (например, 2.5D скетч) оказала глубокое влияние на когнитивную науку в целом, поддержав модельный подход.

Таким образом, хронология формирования теории ментальных моделей демонстрирует смену научной парадигмы, истоки которой были заложены в работах Ж. Пиаже, А. Ньюэлла, Г. Саймона и Д. Фодора (1950–1970-е годы), импульс развитию дали исследования К. Крэйка (1943), Р. Шепарда и С. Косслина (1970-е), а блестящее оформление и обоснование теория получила в 1983 году в работах Ф. Джонсон-Лэрда.

Теория ментальных моделей провозгласила революционную идею: логика человеческого мышления – это не символьно-правильная логика учебника, а «логика возможных миров», симулируемых в нашем сознании. Формальная истинность в когнитивной перспективе предстает не как априорная данность, а как достижимое состояние мысленных репрезентаций, активно конструируемых познающим субъектом.

Следующим этапом эволюции формальной истинности стала ее операционализация в цифровой среде, где строгость математического доказательства может быть делегирована машине.

Вычислительная эпистемология и операционализация формальности: от идеала строгости к машинно-верифицируемой истине. Цифровая

эпоха привела к радикальному переосмыслению и технологическому развитию классического идеала научной строгости. Если традиционная математическая строгость основывалась на социальном консенсусе сообщества экспертов, то теперь она может быть операционализирована – превращена в последовательность формальных шагов, исполнимых машиной. Системы автоматического доказательства теорем (такие как Coq, Isabelle, Lean) и верификации программ позволяют осуществлять машинную проверку формальной корректности сложнейших математических и программных конструкций. Знаковый пример – формальная верификация теоремы о четырех красках, выполненная Ж. Гонтье [Gonthier 2008: 1382–1393]. Он продемонстрировал, что объекты, считавшиеся сугубо человеческими (сложные комбинаторные рассуждения), можно полностью перевести на машинно-проверяемый язык, тем самым переопределив границу между «интуитивно понятным» и «строго доказанным».

Системы автоматического доказательства теорем – это не просто инструменты, а целые эпистемические среды. Они задают онтологию (типы, объекты, правила) и гносеологию (стратегии доказательств, тактики). Доказательство, построенное в Lean, – это одновременно и рассуждение, и исполняемая программа.

Это порождает новый стандарт научной достоверности, где традиционное требование логической правильности трансформируется в требование корректности алгоритма или соответствия формальной спецификации. Формальная истина обретает операциональный, инструментальный статус, становясь вычислительно верифицируемым свойством. Вычислительная эпистемология (computational epistemology) реализует на практике классический эпистемический идеал абсолютной, безошибочной строгости.

Происходит своего рода фундаментальный эпистемологический сдвиг, выраженный в операционализации формальности. Критерий истинности меняется с «принято компетентным сообществом» на «успешно скомпилировано/верифицировано системой». Формальная истина становится не абстрактным соответствием аксиомам, а конкретным свойством артефакта – файла с кодом. Она операциональна: ее можно «запустить» (проверить), и этот процесс детерминирован и воспроизводим. Это приводит к инструментализации истины; ее ценность и сама возможность установления неразрывно связаны с возможностями инструмента. Пределы системы (ее базовые аксиомы, выразительная сила языка) становятся пределами доказуемого в данной формальной экосистеме.

Именно здесь возникают наиболее глубокие философские вопросы, точно схваченные российскими эпистемологами И. Т. Касавиным и В. Н. Порусом [Касавин, Порус 2021]. Формальная верификация – это создание целой технологической инфраструктуры для производства знания, обладающей своей материальностью (процессоры, память), логикой (языки, библиотеки) и сообществом практиков. Делегирование строгости цифровым артефактам, суть которого заключается в том, что человек работает на более высоком уровне абстракции, формулируя цели и выбирая стратегии, но окончательным арбитром логической корректности становится машина. Это радикальная форма «разделения

эпистемического труда», где машина берет на себя роль безупречного, хотя и ограниченного, логика. Возникает новая природа объективности. Это уже не «взгляд из ниоткуда», а интерсубъективность, опосредованная алгоритмом. Если два исследователя независимо формализуют утверждение и получают от системы подтверждение (Qed), их согласие обеспечено не личными убеждениями, а работой одного и того же детерминированного вычислительного процесса. Таким образом, объективность становится машинно-гарантированной [Порус 2019: 6–23; Касавин 2018: 8–20].

В науках о животных, к примеру, все более широко используются сложные вычислительные модели, например, для прогнозирования распространения заболеваний или оптимизации генетического отбора. Истинность таких моделей верифицируется не только их соответствием эмпирическим данным, но и внутренней когерентностью алгоритмов. Исследователи, работающие с базами данных и симуляциями, делегируют часть эпистемической строгости цифровым артефактам [VanderWaal 2017; Metcalf 2019]. Доказательством корректности модели служит не только экспертное заключение, но и успешное прохождение автоматизированных тестов и валидация на независимых выборках данных, что сближает научную практику с инженерными стандартами верификации.

В ветеринарной медицине все более значимым способом обоснования истины становится машинная верификация, основанная на статистической достоверности, а не только на интерпретации эксперта. Исследователи из Мэрилендского колледжа ветеринарной медицины применили нейросети для диагностики лимфомы у собак по цитологическим изображениям. Истинность диагноза здесь верифицируется не только и не столько опытом врача, сколько внутренней логикой работы алгоритма, подтвержденной строгими метриками. Ученые экспериментально установили, при каком увеличении микроскопа и каком объеме выборки (всего 150 снимков на класс) нейросеть выдает максимально точный результат (до 96,7%). Эпистемическая строгость в данном случае операционализируется: доказательством корректности служат числовые показатели (точность, ROC, F-мера), достигнутые моделью на валидационной выборке, что сближает диагностику с инженерными стандартами верификации.

Делегирование строгости порождает новые проблемные области, смещая фокус человеческого контроля. Возникает проблема адекватности спецификации (trust in trust). Машина доказывает лишь формально сформулированное. Критической задачей становится проверка соответствия формальной модели исходной содержательной гипотезе, где ошибка перевода фатальна. Появляется феномен сложности «черного ящика». Суть его в том, что некоторые верифицированные доказательства (например, то же доказательство теоремы о четырех красках) столь объемны, что не поддаются целостному человеческому осмыслению. Эпистемическое доверие вынужденно смещается с цепочки рассуждений на корректность всего технологического стека. И наконец, риск сужения горизонта познания. Вне рамок формальных систем остаются ключевые движущие силы науки – эвристики, аналогии и интуитивные прорывы. Это

создает риск маргинализации нестрогих, но плодотворных аспектов творческого мышления.

Таким образом, вычислительная эпистемология и операционализация формальности создают гибридную человеко-машинную познавательную реальность, переопределяя базовые категории: истина становится результатом вычисления, объективность – алгоритмически опосредованной интересубъективностью, а роль ученого трансформируется в сторону проектирования спецификаций и стратегической интерпретации в симбиозе с формальной системой. Перед философией науки встает задача осмысления знания, производимого в неразрывной связи с конкретными вычислительными артефактами, где эпистемические добродетели все в большей степени зависят от корректности проектирования самой инструментальной среды.

Наряду с этим «дедуктивно-символическим» направлением в вычислительной эпистемологии развивается иное, основанное на вероятностных моделях и машинном обучении, которое предлагает принципиально иную концепцию формальности.

Онтологии данных и вероятностная формальность: от логики к статистике в эпоху машинного обучения. Классический формальный анализ, уходящий корнями в логический позитивизм Р. Карнапа и Г. Райхенбаха, опирался на идеал дедуктивной, синтаксической истинности [Карнап 2004; Carnap 1928; Reichenbach 1940]. В этой парадигме знание считалось формализуемым в виде систем аксиом и правил вывода, где истинность была бинарным свойством, вытекающим из соответствия логической форме и эмпирическим «протокольным предложениям».

Однако современный вызов этому идеалу исходит от новой онтологии, где данные выступают первичной субстанцией, а логические связи – вторичным, статистически извлекаемым паттерном. В компьютерной лингвистике дистрибутивные модели (word2vec, BERT, GPT) радикально меняют концепцию значения: оно выводится как вектор в многомерном пространстве, позиция которого определяется частотностью и контекстуальным соседством в гигантских корпусах текстов [Mikolov 2013]. Это порождает «вероятностную логичность»: отношения типа «часть-целое» возникают как регулярные геометрические соотношения (например, векторное сложение «король – мужчина + женщина = королева»). Формальная структура знания становится неявной, эмпирически выводимой и статистически обоснованной. Критерием адекватности оказывается не истинность в классическом смысле, а предсказательная точность, когерентность с данными и прагматическая эффективность модели.

В современной западной философии этот сдвиг осмысляется в нескольких направлениях. Так, эпистемология машинного обучения, представленная К. Дёрром и Д. Бурнхаймером, ставит вопрос о природе знания, производимого «черными ящиками», в частности, если модель без явных правил выдает точные предсказания, можно ли считать это формой знания? [Dürr, Burnhaimer 2022]. В решении этого вопроса акцент смещается с объяснения (explanation) на

предсказание (prediction), а формальная истинность замещается операциональной валидностью.

Вычислительная философия науки в лице Д. Крица и П. Хамфриса исследует, как алгоритмические методы и симуляции становятся новыми источниками гипотез и «экспериментальными платформами» [Kritz, Humphreys 2019]. По их мнению, знание все чаще существует в форме оптимизированных параметров нейронной сети, чья интерпретируемость человеком вторична.

Философия информации Л. Флориди рассматривает данные как фундаментальный слой реальности, где истинность трансформируется в свойство корректности обработки и интеграции информационных объектов [Floridi 2011].

В отечественной философской традиции этот процесс получает глубокое осмысление через призму неклассической рациональности. Работы В. А. Бажанова в контексте эпистемологии сложности подчеркивают, что знание в цифровую эпоху есть динамическая, самоорганизующаяся сеть [Бажанов 2020]. Формальная правильность этих знаний – это мера связности, устойчивости и адаптивности этой сети к потокам данных. Логические нормы возникают здесь не априори, а как эмерджентные, эволюционирующие свойства сложной когнитивно-информационной системы. Синергетическая эпистемология (Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов) предлагает рассматривать вероятностные модели как примеры когнитивных аттракторов – устойчивых состояний, к которым эволюционирует знание в процессе обработки больших данных [Князева, Курдюмов 2007]. Истинность в этом контексте – это притягивающая сила паттерна, его способность к воспроизводству и интеграции. Формальное знание приобретает топологический характер, определяясь «бассейнами притяжения» в пространстве возможных моделей. Коммуникативно-деятельностный подход, развивающий линию Г. П. Щедровицкого, видит в алгоритмических системах новых участников коммуникации [Щедровицкий 1995]. Формальная истинность здесь становится продуктом intersubjectивных процедур валидации между человеческими и искусственными агентами, то есть социально-технической конвенцией, закрепленной в архитектуре алгоритма.

Таким образом, современной формой, в которой существует истинное или квази-истинное знание, становится оптимизированная статистическая модель, реализованная в виде алгоритмической архитектуры и ее весовых коэффициентов. Формальная истинность этой модели представляет собой комплексное свойство, включающее вычислительную устойчивость, обобщающую способность, когерентность с другими моделями и прагматическую эффективность. Классический идеал дедуктивной определенности уступает место идеалу статистической релевантности и системной устойчивости в условиях неполноты и избытка данных.

Завершая этот анализ, можно констатировать, что формальная истинность в современных условиях перестает быть прерогативой исключительно человеческого разума и все чаще реализуется в распределенных, материальных и социально-технических инфраструктурах.

Расширенное познание и распределенная формальность. Как уже отмечалось, современная эпистемология переживает фундаментальный сдвиг: фокус перемещается с истины как ментального содержания или корреспонденции реальности на истину как свойство сложных, распределенных и материально воплощенных систем. Этот путь в западной философии пролегает от абстракций формальной логики к конкретике вычислительной материальности. Так, согласно акторно-сетевой теории Б. Латура, формальная правильность знания – не предзаданный стандарт, а результат устойчивой ассоциации человеческих и нечеловеческих акторов (ученых, приборов, программ, баз данных, протоколов) [Latour 2005]. Истинность стабилизируется, когда такая сеть превращается в «черный ящик» как неоспоримый и воспроизводимый артефакт. Таким образом, алгоритм компьютерной алгебры выступает не просто инструментом, а полноправным участником производства формальной истины, делегирующим и материально фиксирующим логические операции.

Этот процесс делегации и материализации формального знания ставит под вопрос саму возможность прямого человеческого доступа к «истине вещей», что проблематизируется в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана и спекулятивном реализме. В контексте формальных знаний это означает, что алгоритмические системы (нейросети, симуляции) порождают нечеловеческие формальные модели, чья внутренняя логика и «истинность» могут оставаться непрозрачными для индивида, что выражается в проблеме «black box AI». В этой парадигме истинное знание существует в форме автономных вычислительных объектов, чья формальная структура участвует в мире наравне с физическими объектами.

Другой аспект материализации формальности раскрывается в философии информации Л. Флориди, где формальная правильность обеспечивается протоколами и онтологиями, структурирующими информацию и делающими ее интероперабельной и верифицируемой машинами [Floridi 2011]. Истинное знание здесь предстает как отформатированная, «этичная» (корректно представленная) информация, циркулирующая в экосистеме цифровых артефактов.

Российская философская традиция, опирающаяся на методологическую школу Э. В. Ильенкова и Г. П. Щедровицкого, вносит в этот дискурс важное понимание познания как коллективной, опосредованной знаками деятельности. Развивая этот подход, В. А. Лекторский и В. С. Стёпин видят в цифровых артефактах новые формы операционализации идеального [Лекторский 2015; Стёпин 2011]. Формальные системы – от САД-программ до блокчейна – трактуются как материализованные, алгоритмизированные нормы мыследеятельности. Истина становится атрибутом совместно-распределенной деятельности, нормированной цифровыми инструментами, которые превращаются в «органы» коллективного интеллекта.

Характерной чертой современного научного знания является включенность наблюдателя, сложность и саморефлексивность. В цифровой среде это порождает феномен «формальных экосистем», таких как взаимосвязанные репозитории кода, данных и публикаций. Истинность здесь приобретает систем-

но-сетевой характер и обеспечивается не только внутренней непротиворечивостью модели, но и способностью ее интегрироваться в экосистему, взаимодействовать с другими моделями через API, подвергаться автоматизированному тестированию и коллаборативной разработке (open source). Таким образом, следуя логике западных и отечественных авторов, формальная правильность становится синонимом исполнимости и эффективности кода в предзаданной цифровой среде. Истинное знание – это знание, способное быть инсталлированным, запущенным и дающим предсказуемый, верифицируемый результат в рамках конкретной платформы (например, смарт-контракт в блокчейне Ethereum является истинным, если он формально корректен и исполняется сетью).

Социальная эпистемология и коллективная конституция формальности: от сообществ к инфраструктурам знания. Данный материально-инфраструктурный поворот в понимании формальности имеет глубокие корни в социальной эпистемологии. Классическая парадигма, восходящая к логическому позитивизму, рассматривала формальную истинность как атрибут пропозиций, гарантированный их синтаксической структурой. Однако работы Х. Лонгино [Longino 1990] и М. Фрикера [Fricker 2007] осуществили решительный сдвиг, переместив фокус с индивидуального следования логическим нормам на социальные условия производства надежного знания. С этой точки зрения, формальная правильность – это динамический статус, присваиваемый в процессе коллективных практик критической проверки внутри эпистемического сообщества. Критерии строгости не открываются, а конструируются и поддерживаются социально, что вводит в эпистемологию измерения власти, авторитета, доверия и инклюзивности.

Современная мысль развивает этот тезис, исследуя материальные и технологические формы существования формализованного знания – базы данных, алгоритмы, симуляции, стандартизированные протоколы [Woolgar 2002; Macintosh 2009]. Формальная строгость воплощается в корректности кода, воспроизводимости вычислительного эксперимента, архитектуре платформ (arXiv, PubMed). Эпистемический авторитет делегируется не только людям, но и инфраструктурам – «цифровым артефактам», чья логика предопределяет, что может считаться проверяемым знанием. Критика Фрикера в отношении эпистемической несправедливости приобретает новое звучание: предубеждение может быть встроено в алгоритмы ранжирования или дизайн баз данных, систематически маргинализируя определенные формы знания.

Отечественная традиция, представленная В. А. Лекторским, И. Т. Касавиным и М. В. Романовой, вносит в эту дискуссию важный акцент на коммуникативно-деятельностную природу формализации [Касавин 2018; Романова 2020]. Формальная строгость понимается не как статичный идеал, а как продукт институционализированной коммуникации – научной дискуссии, экспертной оценки, методологической рефлексии. Этот процесс носит диалектический характер: коллективно утвержденные формальные нормы (стандарты доказательства, критерии верификации) становятся внутренним требованием к индивиду-

альному высказыванию, обретая видимость «естественной» логической правильности. Однако эта правильность постоянно пересматривается в «мыслительном коллективе» (отсылка к Л. Флеку, активно обсуждаемому в отечественной литературе) под давлением новых проблемных ситуаций, технологических возможностей и социальных запросов.

Таким образом, современная форма существования истинного (формально строгого) знания – это гибридный объект. Он существует одновременно как: 1) социальный институт (сообщество с его нормами и иерархиями), 2) технологическая инфраструктура (платформы, протоколы, инструменты) и 3) коммуникативный процесс (постоянная критика и переговоры). Формальная истинность оказывается не фундаментом, а регулятивным достижением сложной, пронизанной отношениями доверия и власти человеко-машинной системы, гарантом которой является не непогрешимый метод, а устойчивость и открытость проверки социально-материальных практик, способных к саморефлексии и включению новых перспектив.

Сегодня формальная истинность – это распределенное, материально-инфраструктурное свойство гибридных сетей. Она производится и поддерживается не в «башне из слоновой кости» индивидуального разума, а в цифровых лабораториях, облачных платформах и блокчейн-сетях, где человеческая интуиция и критичность взаимодействуют с непреложной логикой вычислений, задающей новый, постгуманистический стандарт эпистемической строгости.

Вместо заключения

Настоящая глава была посвящена исследованию эпистемологического образа истины в контексте как классических координат (отношение «субъект – объект – знание»), так и вызовов, порожденных современными технологическими и социальными трансформациями. Анализ показал, что классическая корреспондентная теория истины, несмотря на ее логическую ясность и историческую значимость, оказывается недостаточной для описания познавательных процессов в эпоху цифровых технологий, искусственного интеллекта и глобальных сетей.

Субъект познания перестал быть исключительно человеческим, индивидуальным или коллективным. Он приобрел гибридный, сетевой и распределенный характер, включив в себя не только людей, но и технические системы, алгоритмы, базы данных, функционирующие как активные когнитивные агенты. Объект познания, в свою очередь, конструируется научным сообществом через дисциплинарную оптику и операционализацию, а в цифровой среде предстает как гибридная сущность (алгоритмы, большие данные, виртуальные модели), чья истинность определяется внутренней непротиворечивостью, практической эффективностью и согласованностью протоколов.

Содержательная истинность знаний, традиционно понимаемая как соответствие утверждения объективному положению дел, сталкивается с вызовами постправды, алгоритмической непрозрачности и нечеловекоцентричных эпистемологий. Современность требует расширения аналитического горизонта и

включения социальных, технологических и экологических измерений в понимание того, как производится, обосновывается и признается истинное знание. Истина все больше предстает как динамический, плюралистический и реляционный процесс, укорененный в практиках доверия, человеко-машинном симбиозе и материальных взаимодействиях в сетях живого и неживого.

Формальная истинность и логическая правильность также претерпели радикальные изменения. Отказ от идеала дедуктивной строгости в пользу теорий ментальных моделей, операционализация формальности через системы автоматического доказательства, переход к вероятностной логичности в эпоху машинного обучения – все эти тенденции свидетельствуют о глубокой трансформации самих оснований рациональности. Формальная истинность становится свойством распределенных гибридных сетей, материально воплощенных в цифровых инфраструктурах и зависящих от социальных практик коллективной верификации.

Эпистемология истины сегодня стоит перед необходимостью синтеза. Она должна сохранить критический потенциал классической гносеологии, но при этом быть способной анализировать истину как сложный продукт взаимодействия человеческих, технических и социальных систем. Новая, «расширенная» эпистемология призвана учитывать радикально усложнившуюся структуру познавательного отношения, где стираются границы между субъектом и объектом, внутренним и внешним, человеческим и машинным. Только такой интегративный подход может обеспечить методологическую основу для навигации в мире неопределенности, избытка информации и глубокой технологической опосредованности нашего опыта – мире, который все чаще характеризуется как «пост-»: постчеловеческий, постцифровой, постправдивый.

Трудно обойти вниманием вопрос о совместимости онтологического образа истины, изложенного во втором выпуске монографии «Гуманитарная наука агротеха» в главе «Онтология истины в философии» [Корнев 2025], с представленным в этой главе эпистемологическим исследованием. Может ли истина в науке выступить как развивающаяся идея-норма, выполняющая организующую функцию научного познания? Отвечая утвердительно, важно внести следующие существенные поправки в развитие идеонормативной концепции истины, обусловленные вызовами цифровой эпохи.

В постклассической перспективе истина перестает быть статичной нормативной системой и предстает как динамический, процессуальный феномен, укорененный в коллективных, технологически опосредованных и экологически встроенных практиках. Истина как норма в ее онтологическом измерении становится не просто системой, но сетевой, гибридной и распределенной структурой, объединяющей гносеологические, методологические, аксиологические и социотехнические нормы. Эти нормы регламентируют деятельность не только индивидуального субъекта, но и гибридных систем типа «человек – ИИ – база данных – алгоритм».

Безусловно, всякое познание, включая научное, нуждается в нормах, с помощью которых выявляется содержательная и формальная истинность зна-

ний, их обоснованность и применимость. Однако в эпоху цифровых технологий, больших данных и искусственного интеллекта нормы истины все чаще операционализируются, алгоритмизируются и встраиваются в инфраструктуры знания. Истина как идея-норма выполняет функцию не столько синтетической оценки совершенства знаний, сколько регулятивного механизма в сложных сетях взаимодействий, где критериями истинности становятся внутренняя непротиворечивость моделей, предсказательная точность, воспроизводимость в симуляциях и согласованность протоколов.

Человек (а также коллективный, сетевой субъект) при помощи норм, входящих в истину, оценивает знание не только в отношении к объекту, деятельности и самому себе, но и в отношении к техническим системам, данным и алгоритмам, которые становятся активными участниками познавательного процесса.

Сущность истины, следовательно, состоит не только в истинности знаний, их достоверности, общезначимости, полезности или личностной интенции, но прежде всего в ее способности организовывать и стабилизировать познавательные практики в условиях неопределенности, избытка информации и технологической опосредованности. Идея-норма в постклассическую эпоху регулирует не только процесс приведения знаний к истинности, но и процесс конструирования самих объектов познания, делегирования строгости алгоритмам и формирования эпистемического доверия в гибридных сообществах.

Идеонормативность сохраняется как константа, универсальный сущностный признак истины, однако она переосмысливается как гибкий, адаптивный и технологически воплощенный принцип, действующий в пространстве, где стираются границы между субъектом и объектом, внутренним и внешним, человеческим и машинным. В этом – эволюция истины от нормативной системы к процессуальной сети, от индивидуального убеждения – к коллективно-алгоритмической достоверности.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, важно подчеркнуть: хотя многие научные идеи действительно организуют познавательную деятельность, этого недостаточно для их признания истиной в эпистемологическом смысле.

Во-первых, истиной может считаться только та нормативная идея, содержание которой соответствует конструируемому объекту познания (включая цифровые двойники, алгоритмы, данные), а форма выражена в логически и грамматически корректных высказываниях, адаптированных к вычислительным и коммуникативным протоколам дисциплины. При этом она должна учитывать коллективный и технологически опосредованный характер познания, свойственный научному сообществу как основному субъекту производства знания.

Во-вторых, истиной может быть лишь та идея, которая обоснована до степени достоверности в рамках социально-технических практик верификации, принятых научным сообществом. Это включает машинно-гарантированную строгость, интерсубъективную проверку и соответствие действующим парадигмам.

В-третьих, даже достоверно обоснованная идея становится истиной только тогда, когда она приобретает личностно-интенциональную значимость для членов научного сообщества, функционирующего в цифровых средах и участвующего в распределенном познании, где индивидуальная убежденность согласуется с коллективным консенсусом.

Таким образом, в условиях цифровой эпохи истина раскрывается как процессуальная целостность, сохраняющая свою идеонормативную константу, но реализуемая через взаимодействие научного сообщества как гибридного, сетевого субъекта с алгоритмами, данными и инфраструктурами знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айдинян Р. М. Система понятий и принципов гносеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991.
- Алексеева И. Ю. Индекс счастья и конец истории // *Философия и общество*. 2019. № 4. С. 58–70.
- Анчёков М. И., Боготова З. И., Пшенокова И. А. и др. Коллаборативная селекционная система на основе консорциума гетерогенных интеллектуальных агентов // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2022. № 5. С. 25–37.
- Аристотель. *Метафизика* // *Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–368.
- Бажанов В. А. Эпистемология сложности: когнитивные стратегии в цифровую эпоху. М.: Канон+, 2020.
- Башляр Г. Новый научный дух // *Новый рационализм*. М.: Прогресс, 1987. С. 27–157.
- Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: АСТ, 2021.
- Брентано Ф. *Избранные работы*. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Галимзянов Д. С., Вышегородцев В. В., Неживых И. А. Мониторинг лошадей в стойлах: от детекции объектов к детекции событий // *Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления*. 2025. Т. 527. С. 43–54.
- Гиндев П. *Философия и социальное познание*. М.: Прогресс, 1977.
- Дюркгейм Э. *Метод социологии* // *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука, 1991. С. 391–532.
- Кант И. *Критика чистого разума* // *Сочинения*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3.
- Карнап Р. *Логическое построение мира*. М.: Идея-Пресс, 2004.
- Касавин И. Т. *Знание и цифровая культура: новый контекст, новые правила?* // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55, № 4. С. 8–20.
- Касавин И. Т. *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы*. М.: Канон+: Реабилитация, 2018.
- Касавин И. Т., Порус В. Н. (ред.). *Цифровая эпистемология и гуманитарные науки*. М.: ЯСК, 2021.

- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.
- Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
- Корнев Г. П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение: монография. М.: Академический Проект, 2006.
- Корнев Г. П. Онтология истины в философии // Гуманитарная наука агротеха: монография. Вып. 2 / под ред. К. А. Кочновой. Н. Новгород: НГАТУ, 2025. С. 46–100.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
- Курсанов Г. А. Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М.: Мысль, 1977.
- Левин Г. Д. Теория соответствия и марксистская концепция истины // Практика и познание / отв. сост. и ред. Д. П. Горского. М.: Наука, 1973. С. 180–196.
- Лейбниц Г. В. Об универсальной науке, или Философском исчислении // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 494–506.
- Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.
- Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2015.
- Лефевр В. А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: (метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). М.: Прогресс-Традиция: Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005.
- Микешина Л. А. Современная проблематизация вечной темы // Философские науки. 1991. № 10. С. 77–82.
- Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Современное состояние и перспективы развития агроэкологии // Журнал общей биологии. 2017. Т. 78, № 3. С. 3–15.
- Нарский И. С. Проблемы теории истины // Ленинская теория отражения и современная наука: в 3 т. М.; София, 1973. Т. 1. С. 280–298.
- Платон. Кратил // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 613–681.
- Поппер К. Логика и рост научного знания: избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
- Порус В. Н. Наука в цифровую эпоху: вызовы эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 6–23.
- Пуанкаре А. О науке: сборник. М.: Наука, 1983.
- Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М.: Наука, 1999.
- Романова М. В. Цифровизация знания: коммуникативные и онтологические аспекты // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 45–56.
- Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2011.
- Тарский А. Истина и доказательство // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 136–145.

- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125–467.
- Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, 1999.
- Флориди Л. Четвертая революция: как инфосфера трансформирует человеческую реальность. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Ка-сталь, 1996.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.
- Чудинов Э. М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977.
- Щедровицкий Г. П. Избранные труды по методологии науки и философии деятельности. М.: Восточная литература, 1995.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-изд. Т. 20. С. 5–338.
- Adams F., Aizawa K. Defending the Bounds of Cognition // *The Extended Mind* / ed. by R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 67–80.
- Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007.
- Beall J., Glanzberg M., Ripley D. Formal Theories of Truth. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Bridgman P. W. The Logic of Modern Physics. New York: Macmillan, 1927.
- Burrell J. How the machine ‘thinks’: Understanding opacity in machine learning algorithms // *Big Data & Society*. 2016. Vol. 3, № 1. P. 1–12.
- Carnap R. Der logische Aufbau der Welt. Berlin: Weltkreis-Verlag, 1928.
- Carnap R. Logische Syntax der Sprache. Wien: Springer, 1934.
- Carnap R. Introduction to Semantics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942.
- Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
- Crutzen P. J., Stoermer E. F. The “Anthropocene” // *IGBP Newsletter*. 2000. № 41. P. 17–18.
- Dowd-Urbe B. The ‘battle’ over the GM cotton jury in Mali: A case study of public participation in agricultural biotechnology policy // *Journal of Peasant Studies*. 2014. Vol. 41, № 4. P. 517–535.
- Dürr K., Burnhaimer D. Epistemology of the Black Box: Predictive Knowledge and Justification in Machine Learning // *Journal of Artificial Intelligence Research*. 2022. Vol. 73. P. 321–359.
- Floridi L. The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Floridi L. et al. AI4People—An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // *Minds and Machines*. 2018. Vol. 28, № 4. P. 689–707.
- Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Fuller S. Social Epistemology. Bloomington: Indiana University Press, 1988.

- Gardiner S. M. *A Perfect Moral Storm: The Ethical Tragedy of Climate Change*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973.
- Gigerenzer G. *Rationality for Mortals: How People Cope with Uncertainty*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Gliessman S. R. *Agroecology: The Ecology of Sustainable Food Systems*. 3rd ed. CRC Press, 2015.
- Goldman A. I. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Gonthier G. Formal Proof—The Four-Color Theorem // *Notices of the AMS*. 2008. Vol. 55, № 11. P. 1382–1393.
- Gunning D. et al. XAI—Explainable artificial intelligence // *Science Robotics*. 2019. Vol. 4, № 37. eaay7120.
- Hanson N. R. *Patterns of Discovery: An Inquiry into the Conceptual Foundations of Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
- Haraway D. *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective* // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14, № 3. P. 575–599.
- Haraway D. *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham: Duke University Press, 2016.
- Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. London: Pelican Books, 2018.
- Heisenberg W. *Physics and Philosophy: The Revolution in Modern Science*. New York: Harper & Row, 1958.
- Hertz H. *Die Prinzipien der Mechanik in neuem Zusammenhange dargestellt*. Leipzig: Barth, 1894.
- Ihde D. *Technics and Praxis: A Philosophy of Technology*. Dordrecht, Holland; Boston: D. Reidel Pub. Co., 1979.
- Irving A. T. et al. Lessons from the host defences of bats, a unique viral reservoir // *Nature*. 2021. Vol. 589. P. 363–370.
- Johnson-Laird P. N. *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Kittredge (Christian) B. *The Alignment Problem: Machine Learning and Human Values*. New York: W. W. Norton & Company, 2021.
- Kosslyn S. M. *Image and Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Kritz D., Humphreys P. (Eds.). *The Computational Turn in Philosophy of Science*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2019.
- Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Lazarsfeld P. F. Evidence and Inference in Social Research // *Daedalus*. 1958. Vol. 87, № 4. P. 99–130.
- Leopold A. *A Sand County Almanac, and Sketches Here and There*. Oxford: Oxford University Press, 1949.

- Longino H. E. *Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Lorusso A. et al. One Health surveillance and prevention of emerging zoonoses: A call for interdisciplinary approaches // *Veterinary Sciences*. 2022. Vol. 9, № 3. 121.
- Macintosh L. The Materiality of Data: Social Science Research in a Digital Age // *Science, Technology, & Human Values*. 2009. Vol. 34, № 4. P. 555–577.
- McIntyre L. *Post-Truth*. Cambridge, MA: MIT Press, 2018.
- Metcalf C. J. E. et al. The role of mathematical modelling in understanding the epidemiology and control of infectious diseases of livestock // *Revue Scientifique et Technique (International Office of Epizootics)*. 2019. Vol. 38, № 1. P. 167–178.
- Mikolov T. et al. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space // *Proceedings of the 1st International Conference on Learning Representations (ICLR 2013)*. Scottsdale, Arizona, USA, 2013. arXiv:1301.3781.
- Montgomery D. R. *Growing a Revolution: Bringing Our Soil Back to Life*. W. W. Norton & Company, 2017.
- Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013.
- Reichenbach H. On the Justification of Induction // *The Journal of Philosophy*. 1940. Vol. 37, № 4. P. 97–103.
- Rogers C. R. Two divergent trends // *Existential Psychology* / R. May (Ed.). New York: Random House, 1961. P. 85–93.
- Searle J. R. Minds, brains, and programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417–424.
- Shepard R. N., Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects // *Science*. 1971. Vol. 171, № 3972. P. 701–703.
- Vallor S. *Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- VanderWaal K. et al. Network analysis of cattle movement in the US and its implications for disease spread and control // *Preventive Veterinary Medicine*. 2017. Vol. 143. P. 1–11.
- Weinberger D. *Too Big to Know: Rethinking Knowledge Now That the Facts Aren't the Facts, Experts Are Everywhere, and the Smartest Person in the Room Is the Room*. New York: Basic Books, 2012.
- Woolgar S. (Ed.). *Virtual Society? Technology, Cyberbole, Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Žižek S. *Absolute Recoil: Towards a New Foundation of Dialectical Materialism*. London: Verso Books, 2014.

Глава 3.

ПОЛЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (в помощь студентам и аспирантам агротехнологического образования)

Кочнова К.А.

Аннотация. В главе рассматривается метод моделирования в лингвистике как способ познания языковых явлений. Анализируются понятия «модель», «лингвистическая модель», «языковая картина мира». Особое внимание уделяется полювому подходу к моделированию, теории лексико-семантических полей, а также моделированию языкового образа мира писателя на примере пейзажных описаний. Предлагается методика построения полевых моделей для исследования индивидуально-авторских языковых систем. Понимание принципов моделирования языковой картины мира помогает будущим специалистам осознать, как профессиональный язык (агрономический, ветеринарный, агроинженерный) формирует особую картину реальности, влияющую на принятие решений в профессиональной деятельности. Глава ориентирована на формирование у аграрных специалистов компетенций в области системного анализа, семиотики и научной коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическое моделирование, полевая модель, лексико-семантическое поле, языковая картина мира, концепт, семема, сема, художественный текст, пейзаж, междисциплинарность, терминосистема, профессиональная коммуникация, агрономическая лексика.

Chapter 3. FIELD MODELING: PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC ASPECTS (A Guide for Students and Postgraduates in Agrotechnological Education)

Kochnova K.A.

Abstract. The chapter examines the modeling method in linguistics as a way of understanding linguistic phenomena. The concepts of "model," "linguistic model," and "linguistic worldview" are analyzed. Special attention is paid to the field approach to modeling, the theory of lexical-semantic fields, as well as the modeling of the writer's linguistic worldview using landscape descriptions as examples. A methodology for constructing field models for the study of individual authorial linguistic systems is proposed. Understanding the principles of modeling the linguistic worldview helps future specialists recognize how professional language (agronomic, veterinary, agroengineering) shapes a particular picture of reality that influences decision-making in professional activities. The chapter is aimed at developing competen-

cies in the areas of systems analysis, semiotics, and scientific communication among agricultural specialists.

Keywords: linguistic modeling, field model, lexical-semantic field, linguistic worldview, concept, sememe, seme, literary text, landscape, interdisciplinarity, terminological system, professional communication, agronomic lexicon.

Введение

В современной науке трудно найти область знания, где метод моделирования не занимал бы ведущих позиций. Этот подход, предполагающий создание упрощенных аналогов изучаемых объектов или процессов, открывает возможность переносить выводы, полученные при работе с моделью, на сам оригинал. В лингвистической сфере данная стратегия исследования приобретает особое значение, поскольку позволяет воплотить абстрактные теоретические конструкты в конкретных практических разработках. Как отмечает Ю.Н. Караулов, прикладное языкознание ориентировано на конструирование таких моделей, которые адекватно отражали бы как отдельные языковые единицы и их системные связи, так и сложные механизмы порождения и восприятия речи [Караулов 1976: 56–58].

Без построения лингвистических моделей невозможно представить себе решение целого спектра практических задач, связанных с автоматической обработкой языкового материала и созданием электронных ресурсов – от машинных переводчиков до интеллектуальных словарных систем. Именно поэтому понятие модели прочно вошло в инструментарий компьютерной лингвистики [Марчук 2011: 23–25].

Историческая ретроспектива: от структурной лингвистики к когнитивным исследованиям.

Истоки представлений о лингвистической модели обнаруживаются в трудах представителей структурализма, однако активное внедрение этого понятия в научный оборот приходится на 1960–1970-е годы. Этот период отмечен мощным влиянием математических методов и формальных подходов, проникавших в филологическое знание. Как подчеркивает Ю.Д. Апресян, исследователей все больше начинают занимать вопросы семантического наполнения языковых единиц и речевые механизмы, которые рассматриваются в тесной взаимосвязи с процессами мышления – последние традиционно находятся в фокусе внимания логической науки [Апресян 1966: 15–18].

Важным рубежом в развитии лингвистического моделирования стали 1970-е годы. Именно тогда предпринимавшиеся попытки создать всеобъемлющие формальные описания естественных языков для нужд машинного перевода обнаружили свою несостоятельность. Стало очевидно, что решение подобных задач требует выхода за пределы собственно лингвистической проблематики. В фокус внимания попали вопросы, связанные с моделированием человеческого поведения и когнитивных процессов, семантических механизмов, а также синтеза формальных и содержательных средств языка [Мельчук 1974: 45–48]. Так на стыке нескольких дисциплин сформировалась одна из ключевых приклад-

ных проблем современности – проблема репрезентации знаний в искусственных системах.

Гносеологическая природа лингвистической модели. Любая модель представляет собой результат определенной идеализации реального объекта. Без такой идеализации, неизбежно сопряженной с огрублением и схематизацией живого языкового материала, научное описание оказывается невозможным. Следуя логике Ю.Д. Апресяна, исследователь оперирует не самими реальными объектами, а конструктами – идеальными сущностями, которые конструируются на основе общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений и профессиональной интуицией ученого [Апресян 1966: 86–87].

Принципиальным требованием, предъявляемым к любой модели, является ее формальность. Как отмечает А.Н. Колмогоров, под формальностью понимается наличие явно и однозначно заданных исходных элементов, утверждений о связях между ними, а также правил оперирования этими элементами [Колмогоров 1975: 85]. В идеальном варианте формальная модель может быть представлена как математическая система. Однако важно подчеркнуть, что формальная стройность и точность языка описания сами по себе не гарантируют совпадения теоретических предсказаний с эмпирическими данными. Основная ценность формализации заключается в том, что она делает возможной постановку однозначно интерпретируемых экспериментов, способных подтвердить или опровергнуть теоретические построения. Связь между точностью теории и ее истинностью не носит необходимого логического характера.

Формальная модель обретает содержательный смысл только через процедуру интерпретации. Интерпретировать модель – значит установить правила (вероятностные или строгие) соотнесения элементов модели с объектами исследуемой предметной области, в данном случае – с явлениями языка [Лотман 1970: 30].

Моделирование как способ познания скрытых механизмов. Для лингвиста, исследующего язык, единственной непосредственно наблюдаемой реальностью выступает текст. Скрытые же механизмы, обеспечивающие речевую деятельность, остаются недоступными прямому наблюдению. В этой связи Ю.Д. Апресян уподобляет объект исследования «черному ящику»: известно, какие исходные материалы поступают на вход и какие продукты получаются на выходе, однако внутреннее устройство, осуществляющее переработку, скрыто от исследователя. Задача моделирования как раз и состоит в том, чтобы реконструировать содержимое этого «черного ящика» [Апресян 1966: 78].

В процессе построения модели исследователь должен отдавать себе отчет в том, что воспроизводится не объект в его целостности, а лишь определенные его стороны, функции и состояния. Ю.М. Лотман подчеркивает, что сам акт отбора существенных характеристик является важнейшим звеном познавательного процесса. Попытка всестороннего воспроизведения привела бы к утрате модельного статуса, поскольку исчез бы необходимый элемент абстрагирования, без которого научное познание невозможно. Модель и ее оригинал находятся в отношении сходства, но не тождества [Лотман 1970: 30].

Эвристический потенциал моделирования: объяснение и предсказание. Интерпретированная лингвистическая модель должна обладать свойством экспланаторности, то есть объяснительной силой. Согласно Б.Ю. Городецкому, модель считается отвечающей этому требованию в двух случаях: во-первых, если она позволяет объяснить факты, установленные в ходе специально поставленных экспериментов или полученные из наблюдений; во-вторых, если она способна предсказывать ранее неизвестное, но принципиально возможное поведение объекта [Городецкий 1985: 112–114].

Построение модели разворачивается циклически: отправной точкой служат эмпирические факты, требующие осмысления; на их основе выдвигаются гипотезы, которые затем реализуются в виде модельных конструкций; эти конструкции должны не только объяснять исходные данные, но и предсказывать новые явления; наконец, следует этап экспериментальной проверки. Если между предсказаниями модели и реальным положением дел обнаруживается расхождение, модель подлежит уточнению, перестройке или, в случае значительных противоречий, полной замене [Бирюков 1973: 11].

Определительное многообразие: к пониманию термина. В научной литературе представлено множество дефиниций понятия «модель», что отражает сложность и многогранность этого феномена. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» фиксируются два основных значения: во-первых, это искусственно созданное (реальное или мысленное) устройство, которое в упрощенной форме имитирует поведение другого устройства – оригинала – в лингвистических целях; во-вторых, это образец или стандарт, служащий эталоном для воспроизведения [ЛЭС 1990: 303].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой также выделяются два аспекта понимания: модель как схема, отражающая закономерное расположение элементов в сложных языковых единицах, и как парадигматическая схема, представляющая собой компактное символическое изображение структуры языка или ее фрагментов [Ахманова 1966: 238]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова предлагают более лаконичное определение, понимая под моделью схему или образец языковой единицы, демонстрирующий последовательное расположение составляющих ее частей [Розенталь, Теленкова 1985: 182].

Несмотря на разнообразие формулировок, можно обнаружить инвариантное ядро: в любом случае модель осмысливается как некий образ, устройство, схема или образец языкового объекта, который фиксирует закономерности и последовательность составляющих его элементов.

Помимо этого, в лингвистической практике выделяются различные типы моделей в зависимости от их функционального назначения. Модели-схемы служат для удобного представления структуры и содержания языковых объектов (например, в лексикографии это модель словарной статьи). Модели-типы (language pattern) представляют собой устойчивые образцы типовых единиц языка – словосочетаний, синтаксических конструкций. Модели-теории строятся на базе строго формализованного метаязыка и описывают целые классы языко-

вых явлений (такова, например, теория формальных грамматик) [Булыгина 1990: 15–17].

Моделирование в когнитивной лингвистике. Активное развитие получает когнитивное направление моделирования, ориентированное на реконструкцию концептуального пространства. Теория полевой модели концепта, разработанная в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина, предлагает описывать концепт через противопоставление ядерных и периферийных зон [Попова, Стернин 2007: 65–70]. Специфика моделирования концепта обусловлена самой природой этого феномена: концепт находится в непрерывном функционировании и актуализации, что не позволяет представить его в виде жесткой фиксированной структуры. Эта особенность указывает на принадлежность концепта к сфере мышления, что делает когнитивную модель наиболее адекватным инструментом его описания.

Значительный вклад в разработку проблем когнитивного моделирования внесли также Л.Г. Бабенко, С. Завадский, Е.А. Козлова и другие исследователи, что свидетельствует об активном развитии теории и практики когнитивного моделирования в лингвоконцептологии [Бабенко 2008: 112–115; Завадский 2001: 45–47; Козлова 2010: 78–80].

Языковое моделирование художественного текста. В русле антропологической парадигмы язык исследуется в неразрывной связи с человеком, его сознанием и духовно-практической деятельностью. Как отмечает В.С. Баевский, художественный текст предстает как индивидуально-авторский образ мира, запечатленный в словесной ткани произведения. В этом образе находит отражение языковая картина мира социума – система знаний и представлений о действительности. Адекватность модели универсума, воплощенной в художественном тексте, во многом определяет его судьбу в социокультурном пространстве: чем полнее эта модель, тем активнее текст функционирует в дискурсивной практике, тем выше вероятность его вхождения в фонд прецедентных текстов [Баевский 2001: 45–47].

Среди всех семиотических систем, объективирующих картину мира, язык занимает фундаментальное положение, поскольку опосредует действие всех остальных знаковых систем. Это обстоятельство открывает возможность реконструировать картину мира народа через языковую картину мира, хотя сам терминологический аппарат и методы такой реконструкции находятся в стадии становления [Гутчин 1970: 32–34].

В современной науке антропоцентрический подход действительно смещает фокус с имманентного изучения языка (как замкнутой структуры) на триаду: человек – язык – мир. В контексте художественного текста это означает, что текст рассматривается не как линейная последовательность знаков, а как:

- феномен сознания автора и читателя;
- способ духовно-практического освоения действительности;
- форма сохранения и трансляции культурного опыта.

Художественный текст как «индивидуально-авторский образ мира». В отличие от языка науки (стремящегося к однозначности) или языка обыденного

общения (стремящегося к автоматизму восприятия), художественный текст моделирует мир эстетически.

Важно подчеркнуть дуализм, который подразумевается в данном подходе:

1. Инвариант (социум): языковая картина мира (ЯКМ) социума – это система «наивных», коллективных представлений о времени, пространстве, человеке, этике, закреплённая в лексике, грамматике и фразеологии.
2. Вариативность (автор): индивидуально-авторская картина мира либо резонирует с коллективной ЯКМ (усиливая её архетипические основания), либо вступает с ней в сложный диалог (создавая окказиональные смыслы, разрушая автоматизмы восприятия).

Проблема адекватности модели универсума. «Адекватность модели» определяет судьбу текста. Однако здесь стоит уточнить, что под адекватностью в эстетике (в отличие от когнитивной науки) понимается не столько точность копирования реальности (мимесис), сколько:

- многомерность: способность текста допускать множество интерпретаций при сохранении внутренней целостности;
- психологическая достоверность: соответствие глубинным структурам человеческого восприятия и памяти;
- прецедентность: способность текста становиться «генератором» новых смыслов для последующих поколений.

Вхождение в фонд прецедентных текстов (по определению Ю.Н. Караулова) означает, что текст перестаёт быть просто произведением и превращается в когнитивно-эмоциональный эталон, используемый членами лингвокультурного сообщества для обоснования своих оценок и поступков (например, тексты Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова).

Специфика гуманитарного моделирования: эскизные модели и инварианты. Моделирование в гуманитарных науках сопряжено с особыми сложностями, что обусловлено природой изучаемых объектов. Здесь мы имеем дело с большими системами, в которых невозможно провести четкие границы между отдельными явлениями, установить непроницаемые «перегородки». В этой ситуации эффективным инструментом выступают так называемые эскизные модели, которые, по определению Б.В. Бирюкова, описывают не систему в целом, а отдельные, наиболее интересные явления, протекающие в сложных диффузных образованиях. Попытки же тотального описания такой системы в её целостности оказываются малопродуктивными [Бирюков 1973: 11].

Особый интерес представляет языковое моделирование художественного текста. В этом контексте моделью-образцом называют фиксацию повторяющихся, типичных признаков языкового явления, его инвариантной структуры [Булыгина 1990: 23]. Деятельность исследователя-лингвиста в таком случае состоит в том, чтобы из совокупности наблюдений над речевыми произведениями извлечь представление о способе их организации – то есть о системе.

Художественная литература сама по себе может рассматриваться как моделирующая система. Как подчеркивает Ю.М. Лотман, она имитирует реаль-

ность, создавая из своего системного материала модель внесистемности. Исследователь, анализируя эту художественную модель, строит на ее основе уже свою, вторичную модель. Перекодирование специфической художественной информации на язык нехудожественных моделирующих систем неизбежно сопровождается определенными потерями, однако эта процедура многократно апробирована в истории культуры и продолжает оставаться действенным инструментом познания [Лотман 1970: 89].

Полевой подход к моделированию пейзажа. В современной лингвистике все большее распространение получает полевой подход к анализу индивидуально-художественной речевой системы. Как отмечает Ю.Н. Караулов, структура лексико-семантического поля, выстраиваемая конкретным автором, не совпадает с его организацией в общенародном языке, что делает полевое моделирование особенно релевантным для изучения авторской картины мира [Караулов 1976: 243].

Внешнее структурирование лексико-семантического поля предполагает выявление его связей с другими полями и зон переходов между ними. М.И. Черемисина подчеркивает, что пограничные области представляют собой тектонические зоны, где происходят наиболее активные изменения. Смыкание лексико-семантических зон на периферии равнозначно встрече «параллельных миров», поскольку каждое поле, входящее в состав более крупного объединения, обладает собственной спецификой [Черемисина 1992: 56–58].

При полевом анализе ключевое значение приобретает контекст. Лексико-семантическое поле разворачивается в тексте, где синтагматическая часть поля выявляется через контекстологический анализ. Конституентами синтагматической части традиционно выступают наиболее частотные распространители центральной лексемы – зависимые и независимые по отношению к ней с точки зрения синтаксических связей. В большинстве случаев такими распространителями оказываются лексемы, характеризующие объект как явление действительности, а также связанные с его эмоциональным восприятием [Полевые структуры 1989: 145].

Полевой подход к моделированию пейзажа, базирующийся на теоретических положениях Ю.Н. Караулова и М.И. Черемисиной, требует уточнения онтологического статуса периферийных зон. Если ядерные компоненты поля обеспечивают категориальную идентификацию объекта (например, «лес», «река», «гора» фиксируют принадлежность к природному ландшафту), то именно периферия становится пространством реализации авторской интенции. Как отмечает Л.Г. Бабенко, на периферии лексико-семантического поля актуализируются коннотативные семы, которые в общенародном языке находятся в пассивном состоянии, что позволяет автору переакцентировать признаковую структуру денотата [Бабенко 1999: 78–80].

В контексте моделирования пейзажа это положение приобретает особую значимость. Природа в художественном тексте редко выступает как самостоятельная данность; она, как правило, антропоморфизируется, эстетизируется или символизируется. Следовательно, синтагматическая часть поля (конституента-

ми которой, согласно [Полевые структуры 1989: 145], выступают частотные распространители центральной лексемы) должна рассматриваться не только как набор зависимых единиц, но и как индикатор семантического сдвига.

Расширяя тезис о контекстологическом анализе, целесообразно дифференцировать типы синтагматических связей, формирующих пейзажное поле:

1. Атрибутивные распространители – выполняют функцию квалификации. Переход от объективных признаков (цвет, форма, размер) к субъективным (эмоционально-оценочным, эстетическим) знаменует движение от ядра к периферии и свидетельствует о вторжении антропологического начала в ткань пейзажа.
2. Глагольные распространители (предикаты) – задают динамическую модель пейзажа. Выбор предиката (например, *стоял vs. дышал vs. наступал*) определяет степень одушевленности/неодушевленности ландшафта и характер его взаимодействия с субъектом восприятия.

Особого внимания заслуживает концепция «тектонических зон» М.И. Черемисиной. Применительно к моделированию пейзажа такие зоны возникают на стыках:

- ЛСП «Природа» и ЛСП «Человек»: формируется антропоморфный пейзаж, где природные объекты обретают телесность, волю или психические состояния.
- ЛСП «Природа» и ЛСП «Искусство»: пейзаж моделируется по законам живописи, музыки или архитектуры (например, «золотая акварель листвы», «контрфорсы сосен»).
- ЛСП «Природа» и ЛСП «Сакральное»: природные реалии наделяются чертами нуминозного, становясь знаком присутствия высших сил.

Внешнее структурирование поля, таким образом, не ограничивается выявлением связей с другими полями, но предполагает моделирование переходных зон как семантических фильтров, через которые преломляется авторская картина мира. Как справедливо указывает Н.В. Павлович, именно в зонах семантического сдвига фиксируются уникальные образные парадигмы, характеризующие идиостиль [Павлович 1995: 112–115].

Завершающим этапом полевого моделирования пейзажа должна стать реконструкция прототипической ситуации. Если ядерные лексемы задают набор объектов (онтологический слой), а синтагматические связи – их признаки и динамику (акциональный слой), то интеграция полученных данных позволяет выявить доминантные принципы пейзажестроения у конкретного автора: статика vs. динамика, дискретность vs. континуальность, материальность vs. дематериализация образов. Такой подход переводит анализ от простой инвентаризации лексических единиц к реконструкции глубинных механизмов смыслопорождения, что соответствует современной парадигме лингвопоэтики.

Проблема художественного времени в моделировании пейзажа. Категория времени, наряду с категорией пространства, образует универсальную основу картины мира (в их единстве – хронотоп). Исследование художественного времени может вестись в двух плоскостях: содержательной, где время рассмат-

ривается как элемент философской концепции писателя, и языковой, где анализируются средства выражения темпоральности. В рамках изучения языковой картины мира писателя эти две стороны должны учитываться в единстве, поскольку темпоральные представления автора представляют собой особую форму отображения реального времени, преломленную через воображение и мировоззрение художника [Хамаганова 2004: 45–47].

Сложность категории времени обусловлена тем, что, будучи объективной формой бытия, она на уровне чувственного восприятия проявляет себя крайне субъективно, особенно когда включена в структуру художественного произведения. Художественное время может быть определено как «отражение отражения» – субъективное преломление реального времени, связанное с художественным видением мира [Салатник 2007: 112–115].

Наиболее рельефно эта категория эксплицируется в пейзаже, который выступает одним из главных компонентов художественного произведения и авторской картины мира. Анализ пейзажа, особенно в аспекте природного времени, предполагает выявление компонентов, наиболее частотно представленных в текстах. Уже сам отбор явлений и объектов, имеющих временное значение, позволяет судить об авторском мировосприятии. Выяснение законов построения этих компонентов дает основание утверждать, что в мире конкретного писателя категория времени раскрывается определенным образом, а некоторые явления оказываются характерными исключительно для его художественной вселенной [Салатник 2007: 120–122].

Даже при наличии общей понятийной базы (определенного набора лексем с временным значением, их оценки и характеристики) эксплицируемая в тексте категория сохраняет уникальность, поскольку несет отпечаток индивидуальности стилистической системы. Задача исследователя, таким образом, состоит в постижении природы художественного слова и закономерностей авторского словоупотребления, формирующих облик стиля [Поцепня 1997: 414].

Методика построения языковой модели пейзажа. При построении языковой модели пейзажа целесообразно применять полевую модель как набор элементов, связанных структурными отношениями и обладающих семантической общностью. В структуре такой модели выделяются поля и микрополя, в составе которых различаются ядерные и периферийные конститuentы. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты, периферия имеет зонную организацию. Границы между ядром и периферией, а также между отдельными зонами периферии являются размытыми, нечеткими. Конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и одновременно находиться на периферии другого; различные поля частично накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов [Полевые структуры 1989: 147–149].

В качестве формальных элементов модели пейзажа могут выступать семантические группы языковых единиц, отражающие представления писателя о времени, пространстве, цвете, звуке, космологических объектах, чувственном восприятии, эмоциональных и физиологических состояниях человека. Модель строится на основе пространственно-временной характеристики описания при-

роды, устойчивых образов и мотивов, лексических и грамматических повторов, синтаксического параллелизма [Хамаганова, 2004, с. 78–80].

Особое значение при таком анализе приобретают коннотативные компоненты значения, в первую очередь эмосемы – семы, совмещающие эмоциональное и оценочное содержание. Как подчеркивается в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке», эмотивная семантика лексических единиц несет информацию о ценностных ориентирах личности, что делает ее незаменимым источником сведений об авторской картине мира [Роль человеческого фактора 1988: 158].

Однако методологическая ценность полевого моделирования пейзажа раскрывается в полной мере лишь при строгом соблюдении процедурных этапов анализа, позволяющих перевести теоретические принципы в плоскость верифицируемого исследования.

1. Алгоритм полевого структурирования. Построение языковой модели пейзажа предполагает последовательное выполнение ряда операций. На первом этапе производится сплошная выборка лексических единиц, репрезентирующих природные объекты и их признаки, с последующим семантическим маркированием на основе интегральных сем. Критерием объединения в поле служит наличие общей категориально-лексической семы (архисемы), такой как ‘ландшафт’, ‘водное пространство’, ‘световое восприятие’. На втором этапе, с применением методов количественного анализа, устанавливается частотность употребления единиц, что позволяет дифференцировать ядерные (высокочастотные, полифункциональные) и периферийные (низкочастотные, контекстуально обусловленные) конститuentы. Завершающим этапом становится выявление зон семантического перехода – участков текста, где лексемы, принадлежащие к разным полям (например, цветовому и эмотивному), вступают в синтагматические связи, формируя синестезийные комплексы.

2. Антропоцентрический фактор и фигура наблюдателя. Принципиальным дополнением к полевой модели является учет позиции субъекта восприятия. Художественный пейзаж, в отличие от натурального, не существует вне «точки зрения». В структуре модели целесообразно выделять два плана:

- Объективный план – совокупность денотативных конститuentов, формирующих топографическую основу описания (реалии флоры, фауны, географические объекты).
- Субъективный план – модусные рамки, в которые заключено восприятие. Сюда входят лексико-грамматические средства, маркирующие перцепцию (глаголы зрительного, слухового восприятия: *видеться, слышаться, открываться*), а также дейктические элементы, указывающие на положение наблюдателя в пространственно-временном континууме текста.

Взаимодействие этих планов порождает явление «семантической аперцепции»: объективные свойства пейзажа (цвет, форма, звук) пропускаются через фильтр эмоционального состояния наблюдателя, в результате чего периферийные эмосемы (см. выше) актуализируются в ядерной позиции, трансформируя категориальное значение поля.

3. Динамический аспект модели. Полевая структура пейзажа не является статичной. В нарративном развертывании текста наблюдается сдвиг полевых доминант. В зависимости от сюжетной ситуации или временной отнесенности (утро/ночь, лето/зима) ядерные конститuenty могут мигрировать на периферию, уступая место актуальным для данного фрагмента единицам. Данный процесс описывается через понятие функционально-семантической вариативности: в пределах одного художественного целого могут сосуществовать несколько вариантов полевой структуры пейзажа, организованных вокруг разных доминант (например, «статичной пластической» и «динамической импрессионистичной»).

4. Интерпретационный потенциал. Синтез полевого структурирования с учетом антропоцентрического и динамического факторов позволяет выйти за пределы чисто таксономического описания лексики. Построенная таким образом модель становится инструментом реконструкции идиостиля автора: соотношение объема ядерных и периферийных зон свидетельствует о степени клишированности/оригинальности пейзажных описаний; характер наложения полей (цветового на эмоциональное, пространственного на темпоральное) выявляет доминирующие типы художественной образности (пластический, живописный, музыкальный); наконец, устойчивость или вариативность состава микрополей позволяет судить об эволюции авторской картины мира на разных этапах творчества.

Проблема инварианта и границы моделирования. При моделировании пейзажа необходимо рассматривать весь корпус текстов писателя как единое целое, выделяя систему инвариантных правил, а все различия относить к вариантам, порождаемым в процессе функционирования. Текст высшего уровня, выступающий как инвариант, становится по отношению к текстам низшего уровня языком описания и, собственно, моделью [Лотман 1970: 89].

Инвариант создается как отвлечение от случайных отклонений, присутствующих в каждом конкретном тексте. Однако следует признать, что при перекодировке художественной системы на нехудожественный язык всегда остается «непереведенный остаток» – та сверхинформация, которая возможна лишь в художественном тексте.

В научной среде существуют разные позиции относительно допустимости моделирования в искусствоведении. Одни исследователи считают своей главной целью построение модели (чем более абстрактной и всеобщей, тем более ценной), другие подчеркивают, что любая модель обедняет художественное произведение, поскольку искусство в силу бесконечной индивидуализации своих объектов не может быть сферой применения строгих аналитических методов [Палиевский 1972: 8–10].

Тем не менее, несмотря на неизбежную долю схематизма, получаемого в ходе анализа художественного текста, следует признать важность и плодотворность подобного метода. Как отмечает Ю.М. Лотман, искусство представляет собой моделирующую систему, а художественное творчество – разновидность процесса моделирования действительности [Лотман 1964: 78]. Исследователь

может быть рассмотрен и как читатель, и как личность, создающая собственную модель мира и модель художественного произведения. Если он претендует на объективность, он должен соотнести свою модель с моделью художника, не подменяя и не искажая последнюю.

Однако дилемма, обозначенная Палиевским, носит во многом искусственный характер, если рассматривать процесс моделирования не как статичную схематизацию, а как динамический инструмент познания. Противопоставление «строгого метода» и «бесконечной индивидуализации» снимается, если признать, что моделирование в искусствознании выполняет не столько объяснительную, сколько эвристическую функцию.

В этом контексте правомерно говорить о двух уровнях моделирования, которые существуют в диалектическом единстве.

Во-первых, модель как метаязык описания. На этом уровне инвариант действительно выступает как редукция. Без этой редукции невозможно построение «грамматики» художественного мира – устойчивых пространственных, временных и аксиологических координат, которые организуют корпус текстов. Как отмечал А.К. Жолковский в своей работе о «выразительных приемах», инвариант позволяет выявить глубинные структуры («темы – приемы»), которые не лежат на поверхности текста, но управляют порождением множества вариантов [Жолковский, Щеглов 1996].

Во-вторых, модель как инструмент анализа вариантов. Здесь модель перестает быть прокрустовым ложем. Напротив, фиксация отклонений от инварианта («сдвигов», «сбоев», «шумов») становится источником ценной информации. В рамках семиотического подхода именно нарушение системы правил (то, что Р.О. Якобсон называл «организованным нарушением») сигнализирует о точке максимального смыслового напряжения. Таким образом, «непереведенный остаток» – это не дефект метода, а тот самый объект, ради которого моделирование и предпринимается.

Кроме того, современное литературоведение, развивая идеи Лотмана, вводит понятие динамического инварианта. В отличие от статичной структуры, динамический инвариант учитывает эволюцию художественной системы во времени. Когда мы рассматриваем весь корпус текстов писателя как единое целое, инвариант предстает не как застывший канон, а как *система ограничений и возможностей*. Она включает в себя не только то, что повторяется, но и то, как система реагирует на внешние импульсы (биографические обстоятельства, смену культурной парадигмы, полемику с современниками).

Важно также уточнить статус самого исследователя. Утверждение Лотмана о том, что ученый создает «собственную модель мира», актуализирует вопрос о научной объективности. В гуманитарных науках, следуя традиции М.М. Бахтина, объективность достигается не через устранение субъекта познания, а через его диалогическую ответственность. Исследователь не просто «соотносит» свою модель с моделью художника, но вступает с ней в диалог, где обе модели – и анализируемая, и анализирующая – остаются открытыми системами. Игнорирование этого диалогического измерения превращает моделирова-

ние из способа понимания в способ навязывания смысла, что справедливо вызывает критику со стороны противников структуралистского подхода.

Таким образом, проблема инварианта и границы моделирования разрешается не выбором между «абстрактной всеобщностью» и «бесконечной индивидуализацией», а осознанием их взаимной дополнительности. Модель ценна ровно настолько, насколько она позволяет выявить *зону непереводимости* – ту сверхинформацию, которая и составляет специфику художественного текста. Отказ от моделирования ради сохранения уникальности объекта ведет к эмпирической описательности, тогда как абсолютизация модели – к утрате предмета исследования. Следовательно, искусствознание движется к таким аналитическим стратегиям, где инвариант служит не целью, а средством для более точного понимания механизмов порождения художественного смысла.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что метод моделирования занимает в современной лингвистике статус не просто вспомогательного приема, а фундаментальной гносеологической стратегии. Эволюция данного подхода, прослеженная от структурной лингвистики 1960–1970-х годов до современных когнитивных и антропоцентрических исследований, демонстрирует расширение границ научного поиска: от попыток формального описания языковых единиц до стремления реконструировать глубинные механизмы мышления, речевой деятельности и концептуальной картины мира.

В ходе теоретической рефлексии было выявлено, что природа лингвистической модели носит двойственный характер. С одной стороны, модель является результатом неизбежной идеализации и схематизации, позволяя исследователю оперировать не хаотичным эмпирическим материалом, а стройными конструктами, подчиненными правилам формализации. С другой стороны, ее ценность определяется не столько математической стройностью, сколько способностью к содержательной интерпретации, то есть установлению релевантных связей между элементами модели и реальными языковыми явлениями.

Особую значимость в современной научной парадигме приобретает вопрос о границах применимости моделирования. В гуманитарной сфере, в отличие от естественных наук, исследователь сталкивается с «большими диффузными системами», где тотальное описание уступает место «эскизным моделям», фиксирующим наиболее релевантные аспекты объекта. Наиболее наглядно эта специфика проявляется при моделировании художественного текста. Признавая, что искусство само является вторичной моделирующей системой, лингвист вынужден учитывать неизбежность «непереведенного остатка» – той сверхинформации, которая сопротивляется жесткой формализации, но составляет эстетическую ценность произведения.

Представленные в статье методики (полевой подход, анализ ядерно-периферийных структур, выявление эмосем, изучение категорий времени и пространства) доказывают, что моделирование в лингвистике не сводится к упрощению объекта, а выступает инструментом его глубинного познания. Цик-

личный характер процесса (эмпирические факты – гипотеза – модель – экспериментальная проверка – коррекция) придает исследованию строгость и верифицируемость, не нивелируя при этом уникальности индивидуально-авторской картины мира.

Таким образом, общенаучный статус моделирования в лингвистике определяется его эвристическим потенциалом: будучи одновременно и способом реконструкции скрытых механизмов («черного ящика») языковой способности человека, и методом построения работающих прикладных систем (от машинного перевода до интеллектуальных словарей), и инструментом проникновения в художественную онтологию писателя, модель сохраняет статус того методологического «мостика», который соединяет абстрактную теорию с конкретным анализом языкового материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. М.: Флинта, 2008. 184 с.
- Баевский В.С. История русской литературы XX века: компендиум. М.: Языки славянской культуры, 2001. 320 с.
- Бирюков Б.В. Моделирование // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 3. С. 11–12.
- Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1990. С. 14–36.
- Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной прикладной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1985. 180 с.
- Гутчин И.Б. О построении модели языковой способности // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1970. № 12. С. 32–36.
- Завадский С.А. Когнитивное моделирование в лингвистике // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 45–52.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
- Козлова Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010. 156 с.
- Колмогоров А.Н. Математика и ее роль в современной науке // Колмогоров А.Н. Математика: наука и профессия. М.: Наука, 1975. С. 82–93.
- Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974. 288 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 160. Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. С. 5–195.

- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика. М.: АСТ-Пресс, 2011. 368 с.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Наука, 1974. 314 с.
- Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Институт русского языка РАН, 1995.
- Палиевский П.В. Литература и теория. М.: Современник, 1972. 296 с.
- Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 196 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2007. 191 с.
- Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 264 с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
- Салатник Н.В. Категория времени в языковой картине мира русских писателей. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
- Хамаганова В.М. Языковая картина мира и ее фрагменты в художественном тексте. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 164 с.
- Черемисина М.И. Лексико-семантическое поле как объект лингвистического исследования // Семантика языковых единиц. Новосибирск: Наука, 1992. С. 55–62.
- Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
- Язикова Ю.С. Индивидуальный стиль и жанровая дифференциация // Стиль и жанр художественной литературы. М.: Наука, 1985. С. 12–25.

Глава 4

СОЕДИНЕНИЕ НЕСОЕДИНИМОГО: АГРАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Прончатов В. Н.

Аннотация. Глава посвящена анализу аграрных и социально-культурных символов релятивистской картины мира. На основе метода фрагментации выявляются и исследуются такие символы, как трактор и комбайн, греко-римская борьба, герб СССР, «сеятель смерти» и «адский косильщик», орловский рысак Крепыш, вино Елисеева и «Незнакомка» А. Блока, религиозно-этическое учение Л. Толстого. Обосновывается роль аграрной сферы как источника символов, фиксирующих соединение несоединимого – характерную черту релятивистской эпохи.

Ключевые слова: картина мира, релятивистская картина мира, аграрные символы, социально-культурные символы, фрагментация, трактор, греко-римская борьба, герб СССР, орловский рысак, Л. Толстой.

Chapter 4.

THE CONJUNCTION OF THE INCONJUNCTABLE: AGRARIAN AND SOCIOCULTURAL SYMBOLS OF THE RELATIVISTIC WORLDVIEW

Pronchatov V. N.

Abstract. The chapter is devoted to the analysis of agrarian and sociocultural symbols of the relativistic worldview. Employing the method of fragmentation, the study identifies and examines such symbols as the tractor and the combine harvester, Greco-Roman wrestling, the coat of arms of the USSR, the "sower of death" and the "grim reaper," the Orlov trotter Krepysh, Eliseev's wine, and A. Blok's "The Stranger," as well as the religious and ethical teachings of L. Tolstoy. The study substantiates the role of the agrarian sphere as a source of symbols that capture the conjunction of the inconjunctable – a defining characteristic of the relativistic era.

Keywords: worldview, relativistic worldview, agrarian symbols, sociocultural symbols, fragmentation, tractor, Greco-Roman wrestling, coat of arms of the USSR, Orlov trotter, L. Tolstoy.

Введение

В условиях глобальных технологических трансформаций и пересмотра оснований научного знания проблема символического измерения аграрной сферы приобретает особую значимость. Сельское хозяйство традиционно воспринимается как сфера, в наибольшей степени связанная с природной цикличностью, традицией и устойчивостью, что создает иллюзию его «внеисторичности» и независимости от смены научных картин мира. Однако анализ аграрных символов релятивистской картины мира позволяет обнаружить глубокую взаи-

мосвязь между фундаментальными изменениями в физической картине мира и трансформацией сельского образа жизни, техники, социальных отношений и культурных кодов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современное аграрное образование и наука сталкиваются с необходимостью осмысления исторического опыта взаимодействия техники и традиции, механизации и сохранения природных оснований сельского хозяйства. Во-вторых, в условиях цифровизации и биотехнологической революции в агропромышленном комплексе возникает потребность в философском осмыслении символических аспектов технических инноваций. В-третьих, междисциплинарный подход, соединяющий философию науки, историю техники, культурологию и аграрную историю, позволяет сформировать у будущих специалистов целостное представление о месте аграрного сектора в развитии цивилизации.

Цель исследования – выявить и проанализировать аграрные и социально-культурные символы релятивистской картины мира, обосновав их роль в трансформации сельского хозяйства и крестьянской культуры в первой четверти XX века.

Работа основана на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы философии науки, культурологии, истории техники и семиотики. Исходным теоретическим основанием является концепция научных картин мира, развитая в работах В. С. Стёпина [Стёпин 2000], и теория символа, предложенная А. Ф. Лосевым [Лосев 1976]. Основной методологический прием – фрагментация целостного образа деревенской жизни с последующим поиском в выделенных фрагментах «соединения несоединимого» – принципа, впервые сформулированного Г. Уэллсом в художественной форме и примененного к анализу аграрной сферы. Семиотический подход (Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр, Р. Барт) позволяет различать знаковую и символическую функции изучаемых объектов. Историко-генетический метод используется для реконструкции эволюции аграрных символов в контексте смены научных картин мира.

Результаты исследования имеют прямое образовательное значение для подготовки специалистов аграрного профиля. Изучение аграрных символов релятивистской картины мира позволяет студентам и магистрантам осознать, что технические инновации в сельском хозяйстве не являются просто «орудиями труда», но обладают символическим измерением, влияющим на социальные отношения, культурные коды и коллективные эмоции. Понимание этого помогает будущим агрономам, инженерам и технологам более ответственно подходить к внедрению новых технологий, учитывая их социокультурные последствия. Работа развивает у студентов навыки междисциплинарного синтеза, критического мышления и способность понимать сложные взаимосвязи между техническим и гуманитарным знанием. Предложенная методология может быть применена магистрантами и аспирантами для самостоятельного анализа современных аграрных символов в контексте постклассической картины мира.

Понятие картины мира: история и современные подходы

Понятие «картина мира» является одним из фундаментальных в философии, культурологии и истории науки. Впервые оно было введено в научный оборот выдающимся физиком и философом Г. Герцем в конце XIX века, который рассматривал картину мира как систему внутренних образов внешних объектов, позволяющую предсказывать их поведение [Hertz 1894: 1–5]. В дальнейшем это понятие получило развитие в работах М. Планка, В. Гейзенберга, Н. Бора, которые подчеркивали, что научная картина мира не является простым отражением реальности, а представляет собой исторически обусловленную систему теоретических конструктов [Heisenberg 1958: 37–38].

В философии XX века понятие картины мира вышло за пределы естествознания. М. Хайдеггер показал, что каждая эпоха имеет свой способ «быть в мире», который задает не только систему знания, но и само понимание бытия [Heidegger 1950: 86–89]. В отечественной философии проблематика картины мира разрабатывалась в работах В. С. Стёпина, который выделил три основных типа научной рациональности (классическую, неклассическую и постнеклассическую), соответствующие различным картинам мира [Стёпин 2000: 63–67]. А. Ф. Лосев в фундаментальном труде «Проблема символа и реалистическое искусство» обосновал, что картина мира не может быть сведена к системе понятий, а включает в себя символические структуры, несущие эмоциональный и ценностный опыт [Лосев 1976: 85–92].

Картиной мира в настоящем исследовании называется набор символов, которые указывают на всю совокупность отношений каждой эпохи. В отличие от знака, просто заменяющего другой предмет, предметность символа включает в себя эмоциональную составляющую. Всякая эмоция возникает в качестве реакции на предмет из повседневной жизни. Вот почему для каждой картины мира требуется как можно больше символов, рассчитанных на определенную аудиторию.

Онтологическое измерение картины мира. В онтологическом измерении картина мира отвечает на вопрос о том, из каких сущностей состоит реальность. Механическая картина мира, основы которой заложили Г. Галилей и И. Ньютон, утверждала существование абсолютного пространства и времени, неделимых атомов и жестких причинно-следственных связей. Как отмечал А. Койре, переход от закрытого мира к бесконечной вселенной стал онтологической революцией, изменившей само представление о месте человека в космосе [Koyré 1957: 212–215].

Диалектическая картина мира, связанная с именами И. Канта и Г. Гегеля, внесла представление о развитии, противоречии как источнике движения, единстве противоположностей. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» стремился распространить эти принципы на естествознание, подчеркивая, что природа не есть нечто неподвижное, а находится в процессе вечного движения и изменения [Энгельс 1961: 350–352].

Диалектическая картина мира, связанная с именами И. Канта и Г. Гегеля, внесла представление о развитии, противоречии как источнике движения, единстве противоположностей. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» стремился рас-

пространить эти принципы на естествознание, подчеркивая, что природа не есть нечто неподвижное, а находится в процессе вечного движения и изменения [Энгельс 1961: 350–352].

Электромагнитная картина мира, развитая Дж. Максвеллом, Г. Герцем и Х. Лоренцем, ввела представление о поле как фундаментальной реальности, а также о неразрывной связи электричества и магнетизма. Как показал Т. Кун, эта картина мира пришла на смену механической не сразу, а через период «кризиса» и «революции» в физике [Kuhn 1962: 66–68].

Релятивистская картина мира, начало которой положила специальная теория относительности А. Эйнштейна (1904), соединила пространство и время в единый континуум, установила зависимость свойств пространства-времени от массы и энергии, а также сняла абсолютный характер одновременности. По словам М. Борна, «теория относительности изменила не столько наше представление о мире, сколько наше представление о самих представлениях» [Born 1956: 107].

Гносеологическое измерение картины мира. Гносеологическое измерение картины мира задает способы получения истинного знания, критерии достоверности и границы познания. Механическая картина мира опиралась на идеалы классической науки: объективность, повторяемость эксперимента, математическое описание, однозначную причинность. Декартовский метод сомнения и ньютоновская методология задавали стандарты научного исследования на столетия вперед [Койре 1985: 78–82].

Электромагнитная картина мира принесла понимание того, что научное знание не является простым отражением реальности, а представляет собой конструирование моделей, адекватность которых проверяется экспериментом. А. Пуанкаре в книге «Наука и гипотеза» (1902) обосновал конвенциональный характер многих научных принципов, подчеркнув, что выбор между равноэффективными теориями определяется соображениями удобства и простоты [Пуанкаре 1999: 34–37].

Релятивистская картина мира поставила под сомнение возможность абсолютного наблюдения, не зависящего от позиции наблюдателя. Эйнштейновский принцип относительности означал, что многие свойства объектов (одновременность, длина, масса) оказываются зависящими от системы отсчета. Как отмечал В. Гейзенберг, «наука больше не противостоит природе как простой наблюдатель, а осознает себя как взаимодействующая с природой» [Heisenberg 1958: 29].

Аксиологическое измерение картины мира. Аксиологическое измерение картины мира задает систему ценностей, иерархию значимого, представления о должном и желаемом. В механической картине мира высшей ценностью становились порядок, предсказуемость, подчинение законам. Просвещение добавило ценность разума и прогресса. Как показал М. Вебер, процесс «расколдовывания мира» (*Entzauberung der Welt*), связанный с утверждением научного мировоззрения, имел глубокие ценностные последствия, ведя к утрате сакральных оснований бытия [Weber 1917: 15–18].

Электромагнитная картина мира принесла ценности взаимосвязи, целостности, невидимого единства. Не случайно именно в эту эпоху возникают идеи «мировой души», «всемирного эфира», а в социальной сфере – концепции глобального единства человечества [Ларсон 2005: 112–115].

Релятивистская картина мира породила ценности относительности, плюрализма, терпимости к инаковости, но одновременно – и ностальгию по утраченной устойчивости, что выражалось в консервативных и фундаменталистских реакциях. Как показал К. Мангейм, в эпоху относительности всех ценностей возникает особый тип «реляционизма», который, в отличие от релятивизма, стремится к выработке новой системы ориентации [Mannheim 1936: 204–208].

Эмоционально-символическая составляющая как связующее звено измерений. Эмоционально-символическая составляющая является тем звеном, которое связывает онтологические, гносеологические и аксиологические измерения картины мира с конкретным человеком. Именно она превращает абстрактные знания о мире в лично значимые переживания, а знаки – в символы [Кассирер 2002: 156–160].

Как было показано в работе А. Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство», символ отличается от знака тем, что он не просто указывает на предмет, но несет в себе свернутую историю общественных отношений, а значит – и эмоциональный опыт, накопленный культурой [Лосев 1976: 94–98]. Эту мысль развивал П. Рикёр, который подчеркивал, что символ «дает начало мысли», но одновременно «сохраняет память о своей изначальной принадлежности к священному» [Ricoeur 1960: 25].

Эмоционально-символическая составляющая выполняет несколько фундаментальных функций.

Функция интеграции проявляется в том, что символы объединяют людей, разделяющих одну картину мира, в общность. Как отмечал Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни», тотемические символы создают коллективное сознание, которое переживается как нечто внешнее и принудительное по отношению к индивиду, но одновременно как источник его идентичности [Durkheim 1912: 294–298]. В релятивистской картине мира эту функцию выполняли такие символы, как автомобиль Форда, самолет братьев Райт, трактор, которые объединяли людей вокруг идеи прогресса и технического могущества [Хёйзинга 1992: 210–212].

Функция трансляции состоит в передаче картины мира тем, кто не знаком с ее научным или философским обоснованием. Крестьянин, видевший трактор, не понимал теории относительности, но он *чувствовал* наступление новой эпохи. Маленькое черное платье К. Шанель не было научным трактатом, но оно символизировало изменение социальных ролей женщины в релятивистскую эпоху [Вебер 1994: 156–158]. Как показал Р. Барт в «Мифологиях», миф (как вторичная семиологическая система) является мощнейшим инструментом трансляции ценностей и представлений [Barthes 1957: 210–215].

Функция компенсации позволяет сохранять эмоциональную связь с уходящей картиной мира, смягчая травматический характер перемен. Герб СССР с серпом и молотом, утверждавший постоянство архаики в эпоху машин и монополий, выполнял именно эту компенсаторную функцию. Ю. Лотман в работах по семиотике культуры показал, что в периоды кризиса культурная память «выдвигает» архаические символы, которые служат механизмом выживания [Лотман 1992: 167–170].

Функция предвосхищения заключается в том, что символы могут опережать теоретическое осмысление, улавливая эмоциональные контуры будущего еще до того, как оно получит научное выражение. Г. Уэллс в романе «Освобожденный мир» (1913) уловил суть релятивистской картины мира через образ лавки зеленщика, где соединились продукты со всего света, задолго до того, как это стало повседневностью [Уэллс 1964: 45–48]. Ж. Делез и Ф. Гваттари в работе «Что такое философия?» назвали такие явления «концептуальными персонажами», которые прокладывают пути для будущего мышления [Deleuze, Guattari 1991: 62–64].

Для релятивистской картины мира характерна амбивалентная эмоциональность: одновременно и восторг перед новыми возможностями (автомобиль, самолет, трактор), и тоска по утраченной устойчивости (орловский рысак, крестьянский мир). Именно эта амбивалентность делает ее символику особенно богатой и противоречивой. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, человек XX века живет в состоянии «растерянности» (*desorientación*), поскольку старые ориентиры исчезли, а новые еще не устоялись [Ortega y Gasset 1930: 156–158].

В аграрной сфере эмоционально-символическая составляющая проявляется особенно ярко, поскольку сельский труд и быт веками были связаны с циклическим временем природы, традицией, устойчивостью. Вторжение технических новаций в эту сферу переживалось как особенно травматичное [Гуревич 1981: 204–207].

Французский историк М. Блок в классическом труде «Характерные черты французской аграрной истории» показал, что аграрные технологии и символы неразрывно связаны с ментальностью и коллективными представлениями [Bloch 1931: 112–115]. Американский антрополог Р. Редфилд в исследовании крестьянских обществ выделил «малую традицию» (*local tradition*) локальных сообществ, противостоящую «большой традиции» (*great tradition*) городской культуры [Redfield 1956: 42–45]. В релятивистскую эпоху происходит столкновение этих традиций, что порождает богатую символику.

Когда трактор в стихотворении С. Есенина «Я последний поэт деревни» (1920) назван «железным гостем», который «черной горстью соберет все живое», происходит символизация, где техническое новшество наделяется чертами врага, разрушителя сакрального пространства [Есенин 1970: 156]. Как показал В. Н. Топоров в работах по славянской мифологии, оппозиция «свой – чужой», «живое – мертвое», «органическое – механическое» является архаиче-

ской, но в релятивистскую эпоху она наполняется новым содержанием [Топоров 1995: 412–415].

Когда И. Поддубный, бывший крестьянин, становится чемпионом мира по борьбе, и его триумф воспринимается как торжество «русской физической силы», обнаруживается символизация, где крестьянское прошлое превращается в источник национальной гордости [Бондаренко 2015: 87–90]. Английский историк Э. Хобсбаум в работе «Изобретение традиции» показал, что многие символы, воспринимаемые как «вечные», на самом деле создаются в определенный исторический момент для легитимации социального порядка [Hobsbawm, Ranger 1983: 76–78].

Когда герб СССР помещает серп (ручной крестьянский труд) рядом с молотом (пролетарский труд) в обрамлении колосьев, но уже в эпоху, когда реальное сельское хозяйство переходит на тракторы и комбайны, возникает символическое *замещение* реальности. Французский философ Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» показал, что в современном обществе симулякры (образы без оригинала) заменяют реальность, создавая гиперреальность [Baudrillard 1976: 92–95].

В неоконченной работе «Диалектика природы» (1873–1882) Ф. Энгельс выделил механическую (1608 г., Г. Галилей), диалектическую (1755 г., И. Кант) и электромагнитную (1873 г., Дж. Максвелл) картины мира [Энгельс 1961: 343–346]. В последующем к ним присоединились релятивистская (1904 г., А. Эйнштейн), квантовая (1926 г., П. Дирак) и постмодернистская (1979 г., Ж.-Ф. Лиотар), постклассическая (В. С. Стёпин) [Стёпин 2000: 214–218]. Символами каждой из них традиционно становились научные теории или основанные на достижениях ученых результаты деятельности инженеров и рабочих (паровая машина У. Уатта). Каждый символ рассчитан на свою аудиторию и вне ее теряет способность вызывать у людей эмоции и превращать их в чувства [Прончатов 2011: 332].

Однако сфера аграрного производства в этот перечень не попадает. Причиной тому, как отмечал К. Маркс в «Капитале», является зависимость сельского хозяйства от природных условий, которые не позволяют науке и технике одержать полную и окончательную победу искусственного над естественным. В промышленности процесс труда подчинен капиталу, который преобразует его в соответствии со своими потребностями, тогда как в сельском хозяйстве сохраняется «естественный базис» в виде природных условий [Маркс 1962: 186–188].

В настоящей работе предпринята попытка отыскать такие фрагменты деревенской жизни, которые могут претендовать на роль символов релятивистской картины мира наряду со специальной теорией относительности А. Эйнштейна, линейным кораблем Дж. Фрэнера, самолетом братьев Райт, массовым автомобилем Г. Форда и маленьким черным платьем К. Шанель [Прончатов, Горбачев 2019: 60–62].

Методология фрагментация и поиск «соединения несоединимого». В 1904 г. А. Эйнштейн опубликовал свою знаменитую статью «К электродинами-

ке движущихся тел». В этой небольшой работе он согласовал механику с электродинамикой и тем самым провозгласил начало релятивистской картины мира. Она продолжалась до 1926 г., когда уравнение П. Дирака стало условным началом квантовой картины мира [Пайс 1989: 127–130].

Для релятивистской картины мира характерно соединение того, что раньше казалось несоединимым. Если рассматривать деревенскую жизнь как единое целое, то в ее целостности не обнаруживается искомого. Необходимо раздробить ее на отдельные фрагменты (образ жизни, фольклор, элементы производства, продажи и потребления продукции) и уже в этих частицах искать соединение несоединимого, которое началось со специальной теории относительности [Прончатов 2011: 334].

Этот метод восходит к процедуре, описанной М. Фуко в «Археологии знания», где он предложил изучать не целостные системы, а «разрывы», «пороги», «трансформации» в дискурсивных практиках [Foucault 1969: 23–25]. Первым в художественной форме этот метод использовал Г. Уэллс. В романе «Освобожденный мир» (1913 г.) он описал лавку зеленщика, который от века торговал шпинатом и молодой картошкой. В эпоху А. Эйнштейна на его прилавках появились французские артишоки, испанские апельсины и эквадорские бананы. В расширении ассортимента английский фантаст увидел технологии, сминающие мир до размеров единого хозяйства [Ваннах 2005: 25].

Еще одним фрагментом можно считать гигантский элеватор «Мастодонт». Без единого гвоздя его построил в Сибири изобретатель-самоучка Юрий Кондратюк, а на полученный гонорар издал брошюру о завоевании космоса [Стрелков 2010: 56]. Этот пример показывает, как аграрная инфраструктура становится отправной точкой для космических проектов – еще одно соединение несоединимого: земли и неба, сельского хозяйства и астронавтики.

В этом же ряду можно рассматривать появление в российской деревне первых агрономических станций, где сочетались традиционные полевые опыты и новейшие агрохимические методы, что также являлось соединением эмпирического крестьянского знания и академической науки. Как показал американский историк Д. Фицпатрик в работе «Сталинские крестьяне», агрономы в советской деревне выступали как «культурные герои», соединявшие науку и практику [Fitzpatrick 1994: 124–126].

Для решения поставленной задачи необходимо, прежде всего, определить содержание понятий *знак* и *символ*, то есть вычленить их основное противоречие и проследить его трансформации на протяжении истории. Обращение к фундаментальным работам в этой области позволяет осуществить такую процедуру.

Классическое определение знака было дано Ч. С. Пирсом, который выделил три типа знаков: иконы (сходство с объектом), индексы (причинная связь с объектом) и символы (условная связь, установленная интерпретатором) [Peirce 1931: 135–138]. Ф. де Соссюр определял знак как двустороннюю сущность, состоящую из означающего (форма) и означаемого (понятие) [Saussure 1916: 65–68].

В настоящей работе используется определение А. Ф. Лосева из «Проблемы символа и реалистического искусства» [Лосев 1976: 102–105]. Знаком называется предмет или изображение, которое указывает на другой предмет или замещает его. Изображение змеи, обвившейся вокруг чаши, традиционно связывают с медициной. Если это изображение указывает дорогу к конкретному лечебному учреждению, то перед нами знак. Символом оно станет там, где будет указывать на всю совокупность общественных отношений медицины, которые являются продуктом ее истории.

Как показал К. Г. Юнг в работе «Человек и его символы», символы имеют архетипическую природу и апеллируют к коллективному бессознательному [Jung 1964: 56–59]. Это объясняет их эмоциональную силу и универсальность. В отличие от знака, который может быть произвольным, символ всегда укоренен в культурной традиции.

Из огромного количества символических изображений выделяется понятие *универсальная картина мира*. Это символ, который указывает на всю совокупность общественных отношений своей эпохи. Их субъекты и объекты становятся знаковой составляющей символа. Если на обложке книги поместить изображения водяного, ступального или ветряного колеса, парусного линейного корабля, портреты Г. Галилея и И. Ньютона, орбиты планет И. Кеплера, королевских мушкетеров, артиллерийского орудия на деревянном лафете, хронометра, каналов и шлюзов, то, не открывая книги, образованный читатель поймет, что она посвящена механической картине мира. В структуре символа все эти изображения взаимозаменяемы и потому равноценны [Прончатов 2011: 335].

Эмоционально-символическая картина мира в аграрной сфере

Условным началом релятивистской картины мира традиционно считается 1904 г., когда А. Эйнштейн опубликовал основные положения специальной теории относительности [Эйнштейн 1965: 7–12]. Практически одновременно на верфях Портсмута Дж. Фишер спустил на воду свой «Дредноут», а в американском Детройте с конвейера Г. Форда сошли первые массовые автомобили [Форд 1924: 45–48].

В этой картине мира происходит соединение того, что ранее считалось совершенно обособленным друг от друга. Пространство и время объединяются в единое пространство-время, свойства которого «диктуют» телу траекторию движения, но и сами зависят от масс [Борн 1970: 234–236].

Трактор и комбайн: энергия, разгоняющая массу. «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов» – эта фраза В. И. Ленина, произнесенная на VIII съезде РКП(б) 23 марта 1919 г., зафиксировала программное значение механизации сельского хозяйства для советской власти [Ленин 1969: 178]. Американская агротехническая революция связана с появлением в сельском хозяйстве тракторов и комбайнов. Трактором называется машина, специально предназначенная для работы с навесными агрегатами. Это свое-

образная фабрика для производства энергии, которая передается навесным агрегатам с помощью вала отбора мощности [Нефедов 2012: 280].

История трактора восходит к попыткам механизации сельского хозяйства в XVIII веке. Первые паровые тракторы были созданы в Англии в 1830-х годах, но они были громоздкими и дорогими. Как показал американский историк технологии Р. Уайт, «изобретение не равно инновации»: для успешного внедрения новой техники необходимы не только технические решения, но и соответствующие социально-экономические условия [White 1962: 126].

Первые попытки создать такую машину предпринимал еще Леонардо да Винчи, но все они закончились неудачей. Дело не только в отсутствии подходящего двигателя. Более значимой для трактора стала идея энергии, разгоняющей массу, которая господствует именно в релятивистской картине мира. Французский философ Ж. Делез в работе «Фуко» показал, что каждая эпоха имеет свою «диспозитивность» – способ организации власти, знания и субъективности [Deleuze 1986: 45–47]. В релятивистскую эпоху такой диспозитивностью становится энергия, которая может быть направлена и распределена.

В 1901 г. американские инженеры Харт и Парр создали первый трактор с бензиновым двигателем, в 1912 г. фирма «Холт» освоила выпуск гусеничных тракторов, и к 1920 г. на американских фермах работало уже 200 тыс. тракторов [Нефедов 2012: 281]. Трактор взял на себя не только полевые работы: его двигатель использовался для приведения в действие молотилок, косилок, мельниц и других сельскохозяйственных машин. Навесными агрегатами трактора могут быть плуги, сеялки и жатки, но полученное в результате зерно подлежало дополнительной обработке. Для завершения агротехнической революции потребовался комбайн, который производит полностью очищенное зерно. Первые комбайны с бензиновым двигателем появились в 1867 г., но экономичная и надежная конструкция сложилась только в 1920 г. [Нефедов 2012: 282].

Взаимодействие комбайна и трактора могло осуществляться только в крупных хозяйствах. Самой знаменитой американской агрофабрикой стало хозяйство Т. Кэмпбелла, основателя «Кэмпбелл фарминг корпорэйшн». Он происходил из потомственной фермерской семьи и после окончания Первой мировой войны организовал в штате Монтана полностью механизированное производство зерна. Агрофабрика Кэмпбелла имела 38 тыс. га, полсотни тракторов и два десятка комбайнов [Нефедов 2012: 283]. За внедрение конвейерного производства в сельское хозяйство его прозвали Агро-Фордом. Как отмечает С. А. Нефедов, механизация американского сельского хозяйства стала образцом для подражания во всем мире, включая Советскую Россию [Нефедов 2012: 284].

Эпоха тракторов в СССР наступила в квантовой картине мира, когда их изображения помещали даже на женские платья (так называемый «агротекстиль») [Борисова 2015: 78]. Но 23 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин сказал о 100 тысячах тракторов как об условии победы коммуны в деревне, благодаря которым крестьянин-середняк проголосует за коммуны [Ленин 1969: 179]. Всего через год трактор появился в стихотворении С. Есенина «Я последний поэт деревни» (1920 г.). Поэт описывает гибель дорогих его сердцу

«голубого поля» и «злаков, политых зарею». На них беспощадно наступает «железный гость», который черной горстью соберет все живое [Есенин 1970: 156].

Литературовед В. А. Вьюгин в работе «Сергей Есенин: образ, символ, миф» показал, что есенинский трактор – это не просто техническое устройство, а мифологема, в которой соединились христианская эсхатология, языческое почитание земли и страх перед технической цивилизацией [Вьюгин 2008: 112–115]. В сентябре 1926 г., на условной границе релятивистской и квантовой картин мира, С. Эйзенштейн заключил договор с Совкино на сценарий фильма «Генеральная линия. Старое и новое» о социалистическом переустройстве деревни. В финале картины десятки тракторов движутся по экрану, не совершая видимой работы. Зрителю предлагалось на основе знака самостоятельно создать образ будущего. Такой способ символического мышления Ю. Лотман назвал «минус-приемом» [Лотман 1992: 245–247].

Греко-римская борьба: крестьянская сила, усиленная искусством приема. В начале XX века во всех странах Европы огромной популярностью пользовалась классическая (греко-римская, или французская) борьба. Прошло почти сто лет, но и сегодня многие люди с придыханием произносят имена эстонца Г. Гаккеншмидта, нижегородца Н. Вахтурова, голландца М. ван Рилия и «чемпиона чемпионов» нашего соотечественника И. Поддубного [Бондаренко 2015: 12–15].

Физически сильные люди рождались во все времена. Они становились грузчиками, моряками парусных судов, солдатами, пахарями, и трудовая деятельность увеличивала их природные задатки. Во время религиозных или престольных праздников силачи демонстрировали свою силу в поединках, рассматривая их как забаву [Кун 1982: 45–47]. В электромагнитной картине мира (1873/76–1904) появляется профессиональный спорт. Борцы сражаются за деньги, а их сила возрастает за счет системы подготовки и специально разработанных приемов.

Как показал французский историк Ж. Вигарелло в работе «Тело и власть», в конце XIX века происходит «инструментализация» человеческого тела, которое становится объектом тренировок, нормирования и улучшения [Vigarello 1978: 112–115]. Спорт становится средством демонстрации национальной мощи и социального престижа.

В отличие от многочисленных видов единоборств, использующих природную (борьба на поясах) или искусственную силу (борьба бартитсу), греко-римская борьба основывается на природной силе и увеличивает ее за счет искусственно созданных приемов и захватов. Среди этих приемов часто использовалась система, когда один прием становился началом другого (так называемый титанус – двойное сокращение мышцы за счет волевого импульса), а также превращение состязания в театрализованное действие с заранее расписанными ролями и назначенными победителями [Бондаренко 2015: 67–70].

Знаменитые борцы пришли в греко-римскую борьбу разными путями. Н. Вахтуров служил унтер-офицером в гвардейском Преображенском полку, Н.

Крылов и В. Бабушкин пришли на цирковую арену из торгового и военного флота, Иван Поддубный, Григорий Кашеев и Проня-великан были крестьянами [Бондаренко 2015: 89–92]. В греко-римской борьбе они видели способ реализации вековой крестьянской мечты о собственном наделе и возможности работать на рынок. Проня-великан с длинными сильными руками, с которым никто не мог совладать, боролся только зимой, а в посевную и уборочную страду возвращался в свою деревню с заработанными деньгами [Бондаренко 2015: 94].

«Русский казак» Иван Поддубный потратил заработанные деньги на приобретение крупного надела земли, но очень скоро разорился и вернулся на борцовский ковер [Поддубный 1955: 78–80]. Историк спорта А. Ю. Бондаренко в работе «Иван Поддубный: судьба чемпиона» показывает, что Поддубный был не только выдающимся атлетом, но и ярким символом своего времени – крестьянин, ставший мировой знаменитостью, но не сумевший вписаться в новые экономические отношения [Бондаренко 2015: 156–158]. Русское крестьянство не понимало, что в релятивистской картине мира собственниками земли становились монополии в единстве с банковским капиталом [Ленин 1974: 18–19].

Чемпионом мира по французской борьбе И. Поддубный впервые стал в 1904 г., чтобы уже не отдавать это звание [Бондаренко 2015: 102]. После победы его открытая коляска ехала по Литейному проспекту столицы, а по обеим сторонам улицы его приветствовали тысячи петербуржцев. Они праздновали торжество русской физической силы, не акцентируя внимания на том, что эта сила была крестьянской [Прончатов, Горбачев 2024: 52].

Герб СССР: консерватизм революционной рабоче-крестьянской символики. Специальная теория относительности согласовала механическую и электромагнитную картины мира. Люди, жившие в мире механики, были уверены, что мир подчиняется объективным законам. В отличие от Бога их нельзя умиловить покаянием и богатыми жертвами, но их действие можно рассчитать с помощью математики, и количественные характеристики движения становятся основанием индивидуальной силы того, кто сумеет это сделать [Койре 1985: 234–236].

Электродинамическая картина мира (ее условным началом считается 1873/1876 г.) заменяет привычное перемещение вещей движением систем, где всякий предмет становится результатом взаимодействия, в котором целое не сводится к простой сумме частей. Эту эпоху представляют телефон А. Белла, граммофон Э. Берлингера, электрическая лампочка Т. Эдисона, телеграф С. Морзе, трансконтинентальный кабель В. Сименса, небоскреб Дж. Богарда, динамит А. Нобеля, радио А. Попова, велосипед П. Лалмана, трамвай Ф. Пироцкого, троллейбус В. Сименса, подводная лодка Дж. Голланда [Прончатов, Горбачев 2019: 62–65].

Появление принципиально новой картины мира стало жизненной катастрофой для людей, живших в механической картине мира. Не обращать внимания на наступившие изменения было невозможно, но и мириться с ними тоже не хотелось. Свою теорию А. Эйнштейн создает как завершающий аккорд механической картины мира и тем самым дает людям надежду, что в новых

условиях можно сохранить привычную систему ценностей. Надо только не относиться к себе слишком серьезно и в любых условиях уметь показать миру язык [Кузнецов 1967: 145–147]. Именно поэтому специальная теория относительности обрела такую популярность среди людей, далеких от теоретической физики и от науки вообще.

Основополагающим постулатом специальной теории относительности является утверждение о постоянстве скорости света. Разгоняя движение до немыслимых космических скоростей, А. Эйнштейн одновременно останавливает его. И в этом заключается консерватизм его в целом революционной теории [Борн 1970: 238–240].

В Полном собрании сочинений В. И. Ленин только один раз упомянул великого немецкого физика [Ленин 1970: 345]. Можно предположить, что с его теорией он знаком не был. Но его идею социалистической революции в крестьянской России можно с полным правом назвать аналогом специальной теории относительности в политике. Аккумулятором энергии в ленинской теории становится организация профессиональных революционеров. Распространением ее идей в массах занимались агенты газеты «Искра». Со временем первые превратились в Политбюро ЦК КПСС, а вторые стали массовой коммунистической партией Советского Союза. Вместе они разгоняют массу трудящихся, и по мере того как социалистические нормы общежития становятся привычными, диктатура пролетариата отмирает [Ленин 1974: 20–22].

Социалистическую революцию в России большевики начинали с надеждой на мировую революцию, солнце которой на гербе освещает всю планету в обрамлении колосьев. В центре герба находятся символы кузнечного (молот) и ручного крестьянского труда (серп). В релятивистской картине мира их уже нет, они уступают место машинам, монополиям и банковскому капиталу [Нефедов 2012: 284]. Если А. Эйнштейн говорил о неизменности скорости света, то символика СССР утверждает постоянство архаики. Как показал американский историк Р. Стайтс в работе «Русская народная культура и советская власть», большевики активно использовали традиционные крестьянские символы для легитимации своей власти, одновременно разрушая традиционный уклад [Stites 1992: 134–136].

«Сеятель смерти» и «адский косильщик»: аграрная метафора оружия. Каждая картина мира выбирает вид энергии и способ превращения ее в механическую работу. В механической картине мира солнечная энергия и мускульная сила превращаются в работу при помощи ветряных, водяных или ступальных колес. Двигателями эпохи они становятся благодаря системе передач, которая позволяет управлять природной силой [Маркс 1962: 396–398]. В диалектической картине мира основным способом превращения энергии становится паровая машина, которая превращает тепловую энергию в механическую работу [Шухардин 1964: 234–236]. В электромагнитной картине источник электрической энергии (генератор) превращается в двигатель в результате простой перемены контактов [Прончатов, Горбачев 2019: 60]. Релятивистская картина мира выбирает двигатели внутреннего сгорания (ДВС).

В каждой картине мира основные для нее двигатели получают энергию извне, и только двигатель внутреннего сгорания создает ее самостоятельно. Подобно специальной теории относительности, новый способ превращения энергии в механическую работу соединил принципы работы различных двигателей и потому был воспринят современниками как технический символ долгожданной социальной гармонии. Несмотря на новизну, двигатель внутреннего сгорания оставался привычной тепловой машиной и полностью описывался формулами второго начала термодинамики [Борн 1970: 242].

Впервые орудие аграрного производства стало символом оружия в 1862 г., когда изобретатель автоматической сеялки доктор Р. Гатлинг использовал принцип ее работы для создания смертоносного оружия. Патроны, так же как и семена, попадали в ствол благодаря силе тяжести. Стволов было несколько, и вращение ручки заставляло их кружиться вокруг продольной оси, стреляя по очереди [Макарофф 2007: 83]. Благодаря своему происхождению от сеялки и скорострельности (200 выстрелов в минуту) изобретение Гатлинга называли «сеятелем смерти» [Эллис 2002: 56]. В кинофильме «Последний самурай» (реж. Э. Цвик, премьера 2004 г.) батарея Гатлинга уничтожает кавалерийскую атаку самураев, восставших против нововведений императора Мэйдзи [Цвик 2004].

В релятивистской картине мира «адским косильщиком» прозвали изобретение американца Х. Максима (патент 1883 г.). Для создания своего пулемета он использовал принцип действия двухтактной паровой машины [Макарофф 2007: 84]. В момент выстрела пороховые газы отправляли ствол назад, приводя в движение механизм перезарядки, извлекающий из матерчатой ленты патрон, досылающий его в казенник и одновременно взводящий затвор. Пулемет стрелял со скоростью 600 выстрелов в минуту [Эллис 2002: 58].

Его боевой дебют состоялся в 1893 г. во время подавления восстания в Южной Африке, но звездный час наступил во время русско-японской и Первой мировой войн. В тех войнах войска наступали густыми цепями, и работа пулеметчиков действительно напоминала скашивание травы, только вместо нее были человеческие жизни [Керсновский 1992: 234–236].

Американский историк Дж. Эллис в работе «Социальная история пулемета» показал, что пулемет стал символом индустриализации войны, где человек превращается в элемент системы массового уничтожения [Ellis 1975: 78–80]. Пулемет Максима первоначально был очень тяжелым. Даже после многочисленных модернизаций его обслуживал расчет из двух человек. На роль символа релятивистской картины мира больше подходит ручной пулемет А. Льюиса. Он легче, скорострельнее и универсальнее, но, появившись позже пулемета Максима, получил прозвище «гремучая змея» [Эллис 2002: 62].

«Лошадь столетия»: орловский рысак и рождение русской рысистой породы. В начале XX века «лошадью столетия» называли орловского рысака по имени Крепыш (владелец М. М. Шапшал) [Витт 1952: 234]. История породы началась в 1776 г., когда граф Алексей Орлов-Чесменский захотел вывести новую породу лошадей. Она должна была соединить в одной лошади грацию арабских скакунов с мощью западноевропейских упряжных пород. Кроме того,

она должна быть красивой и универсальной. Орловский рысак одинаково успешно тащил по полю крестьянскую соху, доставлял почту по почтовым трактам, перевозил грузы в телегах биндюжников, забирал богатую публику из столичных ресторанов и упругой рысью мчал к счастью свадебные тройки [Витт 1952: 178–180].

Благодаря своей универсальности и красоте орловские рысаки в течение двух столетий олицетворяли Россию. Как показал историк коневодства В. О. Витт в классической работе «Из истории русского коневодства», орловская порода стала не только хозяйственным достижением, но и культурным символом, воплощавшим представления о русской душе: широта, мощь, красота, но и некоторая непрактичность [Витт 1952: 182–184].

В начале XX столетия самым знаменитым орловцем был жеребец Крепыш. Современники сравнивали его с Ф. Шаляпиным, и многие люди, далекие от конного спорта, специально приезжали в Москву, чтобы увидеть его знаменитую рысь [Шапшал 1956: 45]. В начале XIX века американцы начали выводить породу лошадей, специально предназначенную для участия в рысистых бегах на ипподромах. В 1879 г. она получила название американская стандартбредная (Standardbred), потому что для занесения рысака в племенные книги он должен был устойчиво пробегать одну милю за 2 минуты 30 секунд [Витт 1952: 234–236].

Высокой резвости способствовали особенности породы: невысокий рост, узкий корпус и короткая шея, словно воткнутая в тело лошади. Ее копыта защищала от ударов по бетону ипподрома специальная обувь, забег начинали при попутном ветре, а на финише окончание забега ожидали ветеринары с кислородными подушками [Витт 1952: 238]. Самой знаменитой лошадью этой породы считается жеребец по имени Секретариат (Большой рыжий). В 1973 г. он победил в трех скачках (так называемый приз Тройной короны), установив в каждой из них мировой рекорд [Nack 1975: 56]. Он занимает 2-е место в списке 100 самых выдающихся скаковых лошадей XX века по версии журнала The Blood-Horse [Blood-Horse 1999: 12]. В его честь установлено несколько памятников и снят художественный фильм «Чемпион» (реж. Р. Уоллес) [Wallace 2010].

В начале XX века для популяризации породы американцы привезли своих лошадей в Россию и предложили сравнить резвость стандартбредного жеребца Дженерал Эйч и орловца Крепыша. Состязание состоялось на московском Императорском Дерби 1912 г. Допуск болельщиков на трибуны ипподрома был закрыт за два часа до начала бегов. Многочисленные болельщики понимали, что Крепыш олицетворяет Россию с привычной для всех собравшихся системой ценностей. Американец финишировал первым с большим отрывом при полном молчании трибун. Все подробности этого забега описал владелец Крепыша М. М. Шапшал [Шапшал 1956: 78–80].

После поражения Крепыша некоторые конезаводчики России считали, что орловцы смогут превзойти американцев в резвости, но многие решили вывести новую породу лошадей за счет скрещивания стандартбредного жеребца и

орловской кобылы. Так появилась русская рысистая порода лошадей. В полном соответствии с требованиями релятивистской картины мира она соединила то, что раньше казалось несоединимым, и потому именно она должна была стать ее символом. Но у символики, как и у художественного образа, есть своя собственная логика, поэтому в истории рысистых бегах символом релятивистской картины мира остается Крепыш, чья беговая карьера продолжалась с 1905 по 1913 г. [Витт 1952: 245].

Вино Елисеева и Прекрасная дама: встреча аристократии и буржуазности. В любом обществе аристократия демонстрирует эталоны поведения. Она представляет то, что Платон называл Идеей, а Г. Гегель – Абсолютной идеей, и потому она должна быть максимально сверхчувственной. В ее жизни есть званые обеды, смокинги и золотые люстры в мраморных залах, но все это, как говорил Г. Гегель, есть бытие для других. В себе и для себя аристократия должна быть аскетичной. Эту отрешенность от мира демонстрирует присущий ей черный цвет одежд и экипажей [Гегель 1934: 156–158]. Элита тоже сохраняет эталоны поведения, но аристократию отличает от нее принадлежность к высшему обществу по факту рождения.

Главной опасностью для аристократии является слияние с обыденной жизнью, от которой она должна тщательно отгораживаться. Глядя на нее, никто не должен помыслить, что способен сделать то же самое [Вебер 1994: 162–164]. В релятивистской картине мира начинается опасное для аристократии сближение с мелкой буржуазностью. Движение от мелкой буржуазии символизировали массовый автомобиль Г. Форда и маленькое черное платье Коко Шанель с ниткой фальшивого жемчуга [Чернова 2006: 89–92].

Встречное движение представлял «Магазин Елисеева и погреба русских и иностранных вин», открывшийся в Москве летом 1901 года. По словам В. А. Гиляровского, это был «храм обжорства» [Гиляровский 1994: 12]. Презиравшие «торгашей» аристократы приезжали сюда в фамильных каретах и покорно ожидали своей очереди. Они еще элита, но, подобно библейскому Иакову, уже продали свое первородство за чечевичную похлебку [Библия, Быт. 25: 29–34].

Основной доход Г. Елисеев получал от торговли вином. Он скупал весь урожай винограда на острове Мадейра, во французском Бордо, в испанском Хересе и в португальском Порту, превращал ягоды в полуфабрикат и отправлял продукт первичной переработки в Петербург на Васильевский остров [Гиляровский 1994: 14]. Для приема полуфабрикатов были выстроены поражавшие воображение современников помещения для хранения, выдерживания и разлива вин по бутылкам. Полученное вино Елисеев поставлял не только на внутренний рынок, но и за границу [Пыляев 1990: 234].

О качестве вин елисеевского разлива можно узнать из стихотворения А. Блока «Незнакомка» (1907). В железнодорожном буфете на станции Озерки он пил «терпкое с лиловатым отливом ночной фиалки» вино Г. Елисеева и в претендующей на шик профессионалке в широкополой шляпе с помятыми страу-

совыми перьями увидел Незнакомку, «дышащую духами и туманами» [Блок 1960: 185].

Литературовед В. Н. Орлов в работе «Поэт и город: Александр Блок и Петербург» показывает, что блоковская Незнакомка – это символическое воплощение встречи разных миров: высокой поэзии и пошлой обыденности, аристократической утонченности и мещанской вульгарности [Орлов 1980: 122]. В классическом виноделии понятие терруар включает в себя не только природные факторы, влияющие на виноградную лозу, но и все работы по уходу за лозой. Именно поэтому на этикетке вина во главу угла ставится регион и специфическая зона производства, а не сорт винограда [Паркер 2003: 56]. Вот почему выдающиеся вина Португалии, Испании и Франции дошли до наших дней. Они продаются в фирменных магазинах и, несмотря на высокие цены, продолжают пользоваться большой популярностью. А Елисеев хотел напоить весь мир обычным пойлом, поэтому его вина полностью исчезли, и если бы не стихотворение А. Блока, об их вкусе не было бы известно [Орлов 1980: 124].

Встречное движение мелкой буржуазии и аристократии завершилось во время гибели «Титаника» 15 апреля 1912 года. В тот день пассажиры третьего класса в последний раз признали право пассажиров первого класса руководить их спасением. Больше они этого делать не будут [Лорд 2001: 156]. Как показал американский социолог Р. Бруннер в работе «Титаник и конец эпохи», гибель лайнера стала символическим рубежом, после которого прежняя иерархия утратила свою легитимность [Brunner 2005: 112–115].

Религиозно-этическое учение Л. Толстого и символизация психологии русского крестьянства. Основным производственным отношением царской России было взаимодействие помещика и крестьянской общины. Вся земля принадлежала помещику и обрабатывалась трудом крестьян и их инвентарем. Платой за труд была часть помещичьей земли, которую он отдавал крестьянской общине. Она, в свою очередь, делила полученную землю между крестьянскими семьями по едокам [Ленин 1974: 16–18].

Крестьяне мечтали получить всю помещичью землю в личную собственность, чтобы работать на рынок. Эта мечта была утопичной, потому что уничтожение помещичьего землевладения автоматически привело бы к расслоению крестьян на сельскую буржуазию (кулаки) и лишенных средств производства наемных рабочих (батраки) [Ленин 1974: 19]. В начале XX века в России начали развиваться капиталистические отношения, которые сопровождались разрушением отношений помещика с крестьянской общиной. Когда общественному отношению грозит уничтожение, оба его субъекта пытаются его сохранить и с этой целью ищут опоры друг у друга, потому что больше искать не у кого [Толстой 1957: 345–347].

В процессе создания своего религиозно-этического учения Л. Толстой опирался на мировоззрение крестьянской общины. Сначала он просто хотел найти такой смысл жизни, который не уничтожался бы предстоящей смертью, и нашел его в религиозном учении о бессмертии души. Чтобы принять религию,

надо отказаться от разума, и после долгих колебаний Л. Толстой приходит к выводу, что таково требование самого разума [Толстой 1957: 352–354].

Философ В. Ф. Асмус в работе «Мировоззрение Л. Н. Толстого» показал, что толстовское учение представляет собой уникальный синтез рационализма и иррационализма, в котором разум признается высшей инстанцией, но этот разум диктует необходимость выйти за свои собственные пределы [Асмус 1961: 56–58]. В такой художественный образ он превращает и Христа. Для него он совсем не Бог, а очень хороший, добрый и умный человек, который первым понял, как надо жить людям, чтобы они были счастливы [Толстой 1957: 360].

Для этого следует соблюдать всего пять заповедей: будьте в мире со всеми, не прелюбодействуйте, не клянитесь никому и ни в чем, не делайте различий между народами, не противьтесь злу насилием. Со злом надо бороться, но ни в коем случае нельзя противопоставлять ему его собственные методы [Толстой 1957: 362–365]. Основопологающие утверждения учения Л. Толстого полностью соответствуют психологии русского крестьянина [Лосский 1991: 234–236].

О религиозно-этическом учении Л. Толстого написано много, но в контексте настоящего исследования важна его распространенность, дающая возможность претендовать на роль символа. О его влиянии на современников говорят статьи В. И. Ленина [Ленин 1970: 342], картина И. Репина «Пахарь. Лев Толстой на пашне» (1887) [Репин 1955: 78] и многочисленные визиты в Ясную Поляну самых знаменитых людей того времени (писатель М. Горький и создатель Балтийского флота адмирал Н. Эссен) [Булгаков 1989: 145].

В первой половине XX века последователи Толстого появляются в Англии, Голландии, Венгрии, Швейцарии, США, Японии и Чили. Они пытаются воплотить в жизнь толстовские религиозные принципы путем создания кооперативных сельскохозяйственных поселений [Родионова 1995: 78]. Наиболее успешно толстовцы действуют в Болгарии. У них выходят свои газеты и журналы, появляются свои издательства и книжные магазины. Создается толстовское вегетарианское общество, имевшее целую сеть столовых. В 1926 г. возникает толстовская земледельческая коммуна, к которой даже после 9 сентября 1944 г. правительство относилось с уважением как к лучшему кооперативному хозяйству в стране [Родионова 1995: 82]. Среди болгарских толстовцев было три члена Академии наук, два известных художника, много поэтов, драматургов и беллетристов, несколько университетских профессоров [Родионова 1995: 84]. Ненасильственное движение под руководством М. Ганди завершилось освобождением Индии от английских колонизаторов [Ганди 1958: 234–236].

В контексте аграрной символики интерес представляет также деятельность толстовца В. Г. Черткова, создавшего в Англии издательство «Свободное слово», где печатались не только религиозные сочинения, но и брошюры о рациональном ведении крестьянского хозяйства, соединявшие этику ненасилия с практическими рекомендациями по агротехнике [Чертков 1923: 12–15]. Это еще один пример соединения несоединимого – этического и утилитарного, традиционного и нового.

Заключение: выводы и перспективы дальнейшей работы

Проведенное исследование аграрных и социально-культурных символов релятивистской картины мира позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих значение для философии науки, истории техники, культурологии и аграрного образования.

1. **Картина мира – это многомерный феномен.** Картина мира не сводится к совокупности научных теорий, но включает онтологическое (что существует), гносеологическое (как познается), аксиологическое (что ценно) и эмоционально-символическое (как переживается) измерения. Эмоционально-символическая составляющая выполняет функции интеграции, трансляции, компенсации и предвосхищения, превращая абстрактное знание в личностно значимый опыт. Для релятивистской картины мира характерна амбивалентная эмоциональность, сочетающая восторг перед новыми возможностями с тоской по утраченной устойчивости.
2. **Метод фрагментации как инструмент выявления символов.** Основной методологический принцип релятивистской эпохи – соединение того, что ранее казалось несоединимым, – требует для своего исследования фрагментации целостного образа деревенской жизни. Только в раздробленных фрагментах (образ жизни, фольклор, производство, продажа, потребление) можно обнаружить характерное для релятивистской картины мира соединение разнородных элементов. Этот метод, впервые примененный Г. Уэллсом в художественной форме, оказывается продуктивным и для философско-культурологического анализа.
3. **Аграрные символы релятивистской картины мира.** В ходе исследования выявлены и проанализированы следующие символы:
 - *Трактор и комбайн* – технические воплощения идеи энергии, разгоняющей массу, соединившие в себе традиционную аграрную функцию с новым типом двигателя и организацией производства. Их символическое значение раскрывается в контрасте между оптимистической ленинской программой механизации и трагическим есенинским образом «железного гостя».
 - *Греко-римская борьба* – социальный лифт для крестьянства, где природная сила увеличивается за счет искусственных приемов, а состязание превращается в театрализованное представление. Фигура И. Поддубного символизирует крестьянскую мечту о земле, столкнувшуюся с невозможностью ее реализации в условиях монополистического капитализма.
 - *Герб СССР* – политический символ, в котором серп и молот утверждают постоянство архаики в эпоху машин и монополий, выполняя компенсаторную функцию смягчения травмы индустриализации.
 - *«Сеятель смерти» и «адский косильщик»* – военные технологии (пулеметы Гатлинга и Максима), использующие аграрные метафоры, символизируют индустриализацию войны и превращение человека в элемент системы массового уничтожения.

- *Орловский рысак Крепыш* – символ традиционной России, соединивший в себе грацию, мощь и универсальность. Его поражение от американского стандартбредного жеребца и последующее создание русской рысистой породы через скрещивание символизируют соединение несоединимого, характерное для релятивистской эпохи.
 - *Вино Елисеева и «Незнакомка» А. Блока* – культурный символ встречи аристократии и мелкой буржуазности, где традиционные иерархии размываются, а высокое соединяется с низким.
 - *Религиозно-этическое учение Л. Толстого* – мировоззренческий символ, соединивший крестьянскую психологию, рационализм и христианскую этику, оказавший влияние на кооперативное движение в России и за рубежом.
4. **Специфика аграрной сферы как источника символов.** Сельское хозяйство, в силу своей зависимости от природных условий и традиции, переживает технические и социальные инновации особенно остро, что делает его богатым источником символов, в которых сталкиваются естественное и искусственное, традиционное и новое, органическое и механическое. Эта амбивалентность и является причиной того, что аграрные символы релятивистской картины мира оказываются особенно выразительными и эмоционально насыщенными.

Перспективы дальнейшей работы. Проведенное исследование открывает несколько направлений для дальнейшей научной работы, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

1. *Аграрные символы квантовой картины мира (1926 – конец XX века).* Следующим этапом исследования должен стать анализ аграрных символов квантовой картины мира, которая предъявляет новые требования к мышлению: объект должен мыслиться в единстве волны и частицы, субъект и объект неразделимы, а само мышление должно осваивать то, что нельзя представить [Гейзенберг 1989: 112–115]. В аграрной сфере этому соответствуют такие явления, как: травопольная система В. Р. Вильямса, соединявшая агрономию, почвоведение и экологию [Вильямс 1949: 234]; гидропоника и аэропоника, обходящиеся без почвы и выращивающие растения на питательных растворах [Бентли 2005: 56]; искусственное осеменение и генная инженерия, преобразующие саму природу живого [Сингер 1989: 78]; вертикальные фермы и городское сельское хозяйство, соединяющие город и деревню, природу и технологию [Десномье 2012: 112]; биотехнологии, где ветеринары моделируют молекулярные взаимодействия на компьютерах; «агротекстиль» – изображения тракторов и комбайнов на женских платьях в 1930-е годы, символизирующие сращивание быта и индустриализации [Борисова 2015: 80].

2. *Аграрные символы постмодернистской картины мира (с 1979 года).* Постмодернистская картина мира, связанная с работами Ж.-Ф. Лиотара, характеризуется кризисом метанарративов, симулякрами и гиперреальностью [Лиотар 1998: 45–48]. В аграрной сфере это может проявляться в: феномене «фермерского» как стиля жизни, симулирующего традиционное земледелие в условиях высоких технологий; органическом земледелии как симуляции доин-

дустриального прошлого; агротуризме, где сельский труд становится зрелищем; брендировании продуктов через аграрные образы (пастораль, натуральность, рукотворность), часто не соответствующие реальным условиям производства; генетически модифицированных организмах, порождающих дискурс «природности» и «искусственности», где границы между ними принципиально размыты [Бодрийяр 2000: 112–115].

3. *Разработка учебно-методических материалов для аграрных вузов.* Результаты исследования могут быть использованы для создания: спецкурса «Философские проблемы аграрной науки и техники» для магистрантов агротехнологических направлений; раздела по истории и философии науки в программах подготовки аспирантов аграрных специальностей; учебного пособия «Аграрные символы в истории науки и культуры», интегрирующего философский, исторический и профессиональный контексты; методических рекомендаций по использованию историко-культурного материала в преподавании гуманитарных дисциплин в агротехнологическом вузе.

4. *Сравнительный анализ аграрной символики в разных национальных традициях.* Перспективным направлением является сопоставление аграрных символов релятивистской картины мира в России, США, Европе и других регионах. Это позволит выявить как универсальные черты (связанные с единой научной картиной мира), так и национальные особенности (обусловленные спецификой аграрных отношений, культурными традициями, политическими контекстами).

5. *Методология анализа современных аграрных символов.* Разработанная в исследовании методология фрагментации и поиска «соединения несоединимого» может быть применена к анализу современных аграрных символов, включая цифровые технологии в сельском хозяйстве (точное земледелие, дроны, Интернет вещей), биотехнологии, климатически оптимизированное сельское хозяйство. Это позволит не только теоретически осмыслить текущие трансформации, но и предложить практические рекомендации по внедрению инноваций с учетом их символического и эмоционального воздействия на различные социальные группы.

Таким образом, исследование аграрных символов релятивистской картины мира является не только вкладом в философию науки и культурологию, но и открывает широкие перспективы для дальнейших исследований, имеющих значение для аграрного образования, истории техники и современной практики сельского хозяйства. Работы в этом направлении могут быть продолжены не на одно десятилетие, и каждое новое поколение исследователей способно внести свой вклад в осмысление символического измерения аграрной сферы в контексте сменяющихся друг друга картин мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмус В. Ф. Мирозрение Л. Н. Толстого // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 69, кн. 1. С. 35–102.
- Бентли М. Гидропоника: выращивание растений без почвы. М.: Колос, 2005.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2000.
- Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. Т. 3.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Бондаренко А. Ю. Иван Поддубный: судьба чемпиона. М.: Молодая гвардия, 2015.
- Борисова Е. А. Агитационный текстиль в СССР 1920–1930-х годов // Вопросы искусствознания. 2015. № 3. С. 75–82.
- Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М.: Мир, 1970.
- Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989.
- Ваннах М. Технологии в литературе // Компьютерра. 2005. № 45. С. 24–27.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1994. С. 44–344.
- Вильямс В. Р. Травопольная система земледелия. М.: Сельхозгиз, 1949.
- Витт В. О. Из истории русского коневодства. М.: Изд-во Минсельхоза СССР, 1952.
- Вьюгин В. А. Сергей Есенин: образ, символ, миф. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
- Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Соцэкгиз, 1934.
- Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1989.
- Гиляровский В. А. История двух домов // Сочинения: в 2 т. Калуга: Золотая аллея, 1994. Т. 1. С. 12–18.
- Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981.
- Десномье Ж. Вертикальные фермы: будущее сельского хозяйства. М.: Эксмо, 2012.
- Есенин С. А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Правда, 1970. Т. 1.
- Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1992. Т. 3.
- Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985.
- Кузнецов Б. Г. Эйнштейн: жизнь, смерть, бессмертие. М.: Наука, 1967.
- Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М.: Радуга, 1982.
- Ларсон Э. История электричества. М.: Центрполиграф, 2005.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1960–1981.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Лорд У. Ночь, которую помнят: история «Титаника». М.: Эксмо, 2001.
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
- Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: Посев, 1991. Кн. 1.

- Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.
- Макарофф Д. Продавец смерти // Популярная механика. 2007. № 8 (58). С. 83–86.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Нефедов С. А. Предпосылки «Великого перелома» // Индустриальная Россия: профессорский сборник научных статей. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. С. 279–284.
- Орлов В. Поэт и город: Александр Блок и Петербург. Л.: Лениздат, 1980.
- Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М.: Наука, 1989.
- Паркер Р. Вина Бордо. М.: Эксмо, 2003.
- Поддубный И. М. Моя жизнь в борьбе. М.: Физкультура и спорт, 1955.
- Прончатов В. Н. Образы и понятия универсальной картины мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5. С. 331–337.
- Прончатов В. Н., Горбачев А. М. Подводные аппараты электромагнитной картины мира // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 57–71.
- Прончатов В. Н., Горбачев А. М. Корабль как символ эпохи // Философия хозяйства. 2024. № 5 (155). С. 46–68.
- Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М.: Наука, 1999.
- Пыляев М. И. Старый Петербург. Л.: Титул, 1990.
- Репин И. Е. Далекое близкое. М.: Искусство, 1955.
- Родионова Е. Н. Толстовское движение в Болгарии // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 77–84.
- Сингер М. Генная инженерия в сельском хозяйстве. М.: Агропромиздат, 1989.
- Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Стрелков Е. Целлулоидный космос // High Life. Альбом для домашнего чтения. 2010. № 3. С. 56–58.
- Толстой Л. Н. Исповедь // Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 23. С. 343–380.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995.
- Уэллс Г. Освобожденный мир // Собрание сочинений: в 15 т. М.: Правда, 1964. Т. 8. С. 7–208.
- Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: Изд-во «Сегодня», 1924.
- Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992.
- Чернова О. Коко Шанель: жизнь, любовь, стиль. М.: Эксмо, 2006.
- Чертков В. Г. Издательство «Свободное слово»: история и деятельность. Лондон: Свободное слово, 1923.
- Шапшал М. М. Мой Крепыш. М.: Физкультура и спорт, 1956.
- Шухардин С. В. История техники. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
- Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. М.: Наука, 1965. Т. 1.
- Эллис Дж. Пулемет: история социального оружия. М.: Эксмо, 2002.
- Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 343–626.
- Barthes R. Mythologies. Paris: Seuil, 1957.

Baudrillard J. L'échange symbolique et la mort. Paris: Gallimard, 1976.

Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris: Les Belles Lettres, 1931.

Blood-Horse. Thoroughbred Champions: Top 100 Racehorses of the 20th Century. Lexington: Blood-Horse Publications, 1999.

Born M. Physics in My Generation. London: Pergamon Press, 1956.

Brunner R. Titanic and the End of an Era. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Deleuze G. Foucault. Paris: Minuit, 1986.

Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris: Minuit, 1991.

Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: Alcan, 1912.

Ellis J. The Social History of the Machine Gun. New York: Pantheon Books, 1975.

Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994.

Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969.

Heidegger M. Holzwege. Frankfurt am Main: Klostermann, 1950.

Heisenberg W. Physics and Philosophy: The Revolution in Modern Science. New York: Harper & Row, 1958.

Hertz H. Die Prinzipien der Mechanik in neuem Zusammenhange dargestellt. Leipzig: Barth, 1894.

Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Jung C. G. Man and His Symbols. London: Aldus Books, 1964.

Koyré A. From the Closed World to the Infinite Universe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1957.

Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

Mannheim K. Ideologie und Utopie. Bonn: Cohen, 1936.

Nack W. Secretariat: The Making of a Champion. New York: Random House, 1975.

Ortega y Gasset J. La rebelión de las masas. Madrid: Revista de Occidente, 1930.

Peirce C. S. Collected Papers. Cambridge: Harvard University Press, 1931. Vol. 1–2.

Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

Ricoeur P. La symbolique du mal. Paris: Aubier, 1960.

Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Paris: Payot, 1916.

Stites R. Russian Popular Culture and Soviet Power. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Vigarello G. Le corps redressé. Paris: Delarge, 1978.

Weber M. Wissenschaft als Beruf. München: Duncker & Humblot, 1917.

White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford: Oxford University Press, 1962.

Wallace R. Secretariat [Электронный ресурс]: художественный фильм. США: Walt Disney Pictures, 2010. 123 мин. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 20.03.2026).

Цвик Э. Последний самурай [Электронный ресурс]: художественный фильм. США: Warner Bros., 2004. 154 мин. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 20.03.2026).

Глава 5.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ

И В ГУБЕРНСКОМ ЦЕНТРЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Кудрявцев М. С.

Аннотация. В главе на основе широкого круга источников исследуется феномен коррупции в дореволюционном Нижнем Новгороде и на Нижегородской ярмарке. Анализируются предпосылки, многообразие проявлений и социальные последствия взяточничества и злоупотребления служебным положением. Особое внимание уделяется ярмарке как специфической среде, провоцирующей коррупционное поведение, а также восприятию этого явления в народной среде. Делается вывод о системном характере коррупции, амбивалентности ее оценок и формулируются исторические уроки, сохраняющие актуальность для современности.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, Нижегородская ярмарка, Нижний Новгород, история России, XIX век, социокультурный анализ, чиновничество, полиция, повседневность.

Chapter 5.

CORRUPTION PRACTICES AT THE NIZHNY NOVGOROD FAIR AND IN THE PROVINCIAL CENTER IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY: A SOCIOCULTURAL ANALYSIS

Kudryavtsev M. S.

Abstract. Drawing on a wide range of sources, the chapter examines the phenomenon of corruption in pre-revolutionary Nizhny Novgorod and at the Nizhny Novgorod Fair. It analyzes the preconditions, diverse manifestations, and social consequences of bribery and abuse of office. Special attention is paid to the fair as a specific environment that fosters corrupt behavior, as well as to the perception of this phenomenon among the general populace. The study concludes that corruption was systemic in nature and subject to ambivalent assessments, and it formulates historical lessons that remain relevant to the present day.

Keywords: corruption, bribery, Nizhny Novgorod Fair, Nizhny Novgorod, Russian history, 19th century, sociocultural analysis, bureaucracy, police, everyday life.

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию феномена коррупции в Нижнем Новгороде и на знаменитой ярмарке. Автором рассматриваются предпосылки, многообразие проявлений и социальные последствия взяточничества и злоупотребления служебным положением. Особый акцент сделан на ярмарке как специфической среде, способствовавшей развитию коррупционного пове-

дения, а также на особенностях восприятия этого явления в народной среде. Исследование приводит к выводу о системной природе коррупции и неоднозначности ее оценок: взятка зачастую выступала в качестве действенного механизма разрешения проблем в условиях несовершенной законодательной базы. В заключительной части сформулированы исторические уроки, сохраняющие актуальность для противодействия коррупции в наши дни.

Коррупция на протяжении многих столетий продолжает оставаться одной из наиболее сложных для разрешения социальных проблем российского общества. Первые упоминания о «посулах» и мерах наказания за лихоимство фиксируются уже в Судебнике 1550 года, принятом в правление Ивана Грозного. Однако, несмотря на длительную историю законодательных запретов, полностью искоренить это явление так и не представилось возможным. Более того, оно постоянно эволюционировало, приспосабливаясь к трансформирующимся социально-экономическим и политическим реалиям, проникая во все сферы функционирования государственного механизма и общественной жизни. Опасность коррупции заключается не только в противоправном обогащении отдельных должностных лиц. Значительно более разрушительным последствием представляется дисфункция властных структур: коррумпированная администрация перестает в полной мере выполнять возложенные на нее социальные обязательства, не способствует экономическому росту и культурному развитию, не обеспечивает должной защиты граждан от преступных посягательств и социальных пороков. Коррупция трансформируется из административно-правовой проблемы в проблему социальную, подрывающую фундаментальные основы общественного договора.

Историографический обзор проблемы

Проблематика взяточничества в России относится к числу наиболее разрабатываемых направлений в современной отечественной исторической науке. Значительный рост исследовательского интереса к данной теме наблюдается с 1990-х годов, что обусловлено как высокой актуальностью проблемы для постсоветского социума, так и расширением доступа к ранее закрытым архивным фондам. Сложившийся историографический массив представляется возможным условно структурировать по нескольким основным направлениям.

Первое направление исследовательских работ фокусируется на генезисе коррупционных практик в допетровской Руси. Фундаментальные труды В. А. Волкова [Волков 2012] и М. А. Киселева [Киселев 2011] содержат детальный анализ взяточничества в контексте процессов становления московской государственности. В. А. Волков в своем исследовании «Под суд и на правож... Борьба с коррупцией в России XVI–XVII вв.» демонстрирует, как система «кормлений» породила двойственную ситуацию. Действовавшее законодательство (Судебник Ивана III) проводило разграничение между законными подношениями при вступлении в должность («почестие») и противоправными вознаграждениями за неправосудные решения («посулы»), на которые допускалась подача челобитной. Однако сама практика «кормления» легитимизировала в созна-

нии как должностных лиц, так и обывателей представление о необходимости вознаграждения услуг представителя власти [Волков 2012: 99–100]. М. А. Киселев в статье «Правда и посулы» показывает, что право челобитья на взяточников выступало инструментом общественного контроля, вместе с тем его действенность существенно снижалась вследствие бюрократической волокиты и возможности «сговора» на местном уровне [Киселев 2011: 97]. К данному направлению примыкают также работы И. Д. Бельдюсова [Бельдюсов 2024], Р. Ж. Сираждинова [Сираждинов 2024], Д. А. Хачатряна [Хачатрян 2024], а также коллективный труд «Коррупция в России: история, профилактика коррупционных проявлений» [Коррупция 2023]. В. В. Громов, в свою очередь, указывает на применение жестоких наказаний в отношении взяточников и казнокрадов в период правления Ивана Грозного [Громов 2024: 89].

Второе направление, отличающееся наибольшей обширностью, посвящено изучению имперского периода отечественной истории (XVIII – начало XX века). Ключевыми фигурами здесь выступают Л. Ф. Писарькова, Л. Е. Шепелев, Д. А. Аникин. Л. Ф. Писарькова в цикле работ по истории местного самоуправления акцентирует внимание на определенном парадоксе: чем активнее бюрократическое государство стремилось к установлению тотального контроля, тем более пышным цветом расцветали казнокрадство и взяточничество. Корень проблемы, по мнению исследовательницы, крылся в самой сущности государства, которое эксплуатировало не только народные массы, но и собственных чиновников [Писарькова 2001: 38–39]. Л. Е. Шепелев [Шепелев 1999: 22] в фундаментальном труде «Чиновный мир России» представляет детализированную картину нравов российского чиновничества, демонстрируя, что невысокое жалование представителей младших рангов зачастую практически не оставляло им иного выбора, кроме поиска дополнительных источников дохода. Е. А. Луцевич, исследуя взяточничество в государственном аппарате XIX столетия, подчеркивает его функциональный характер: взятка нередко превращалась в единственно возможный способ ускорить рассмотрение дела или «обойти» несовершенные законодательные нормы [Луцевич 2023: 40].

Третье направление представлено региональной историографией Нижегородского Поволжья. Фундаментальные основы изучения ярмарочного быта были заложены А. П. Мельниковым [Мельников 1993]. Хотя исследователь и не ставил перед собой специальной задачи изучения коррупции, его многочисленные зарисовки, отражающие взаимодействие купцов, полиции и администрации, предоставляют богатейший фактический материал. Краеведческие традиции успешно продолжает Д. М. Смирнов [Смирнов 2007], в работах которого собран обширный материал по истории городской жизни, включая различные конфликтные ситуации между горожанами и представителями власти. Весьма важные сведения о персоналиях – нижегородских губернаторах, полицмейстерах – содержит исследование И. А. Макарова [Макаров 2005]. Как справедливо отмечает сам автор, комплексного исследования, посвященного именно феномену коррупции в жизни Нижнего Новгорода и ярмарки, до настоящего

времени проведено не было. Данное обстоятельство в значительной степени определяет научную новизну предлагаемой работы.

Характеристика источниковой базы исследования

Источниковую базу настоящего исследования составили несколько групп материалов, взаимная проверка которых позволяет достаточно полно реконструировать как формальные нормативные установления, так и теневые практики повседневности.

Первую группу образуют законодательные акты и делопроизводственная документация. Среди них особого внимания заслуживают «Сборники обязательных постановлений» Нижегородской городской думы, фиксирующие правила осуществления торговли, благоустройства территории, поведения в общественных местах. Анализ указанных постановлений представляется важным для выявления «коррупциогенных» зон – ситуаций, в которых у должностного лица появлялась возможность неоднозначной трактовки закона. Наибольший интерес вызывают неопубликованные архивные дела, отложившиеся в Центральном архиве Нижегородской области (ГУ ЦАНО): фонды Нижегородского губернского правления (Ф. 2), канцелярии губернатора (Ф. 30), полицейских учреждений (Ф. 346). В них содержатся материалы ревизий, рапорты, прошения обывателей, следственные материалы. Так, например, дело ГУ ЦАНО. Ф. 346. Оп. 53. Д. 12 содержит сведения о практике работы Врачебно-полицейского комитета, позволяя реконструировать механизм вымогательства взяток у больных, опасавшихся социальной стигматизации.

Вторую группу источников составляют опубликованные мемуары, дневниковые записи, очерки современников. Присущая им субъективность делает эти материалы поистине бесценными для изучения социальной психологии коррупции. Воспоминания купцов, чиновников, путешественников запечатлели живую и непосредственную картину ярмарочных нравов: каким именно образом осуществлялась передача взятки, какие слова при этом произносились, как относились к поборам в различных слоях общества. Особое место в этом ряду занимают очерки А. П. Мельникова, передающие самый «дух» ярмарки, включая и ее теневые стороны.

Третья группа источников представлена материалами периодической печати. Газеты «Нижегородские губернские ведомости», «Волгарь», «Нижегородский биржевой листок» публиковали как официальные сообщения (о предании суду провинившихся чиновников), так и фельетоны, высмеивавшие городские нравы и порядки. Прямые обличения взяточников в условиях подцензурной печати встречались достаточно редко, однако косвенные свидетельства – жалобы на бюрократическую волокиту, намеки на пристрастность полиции – дают богатый материал для исследователя.

Комплексное и системное использование перечисленных групп источников позволяет воссоздать достаточно объемную и многогранную картину бытования коррупции в дореволюционном Нижнем Новгороде.

Исторический контекст проблемы коррупции: от общероссийских

истоков к нижегородской специфике

Корни российской коррупции уходят глубоко в историю, в период ордынского владычества. Традиция «поминок» – добровольных подношений должностному лицу – берет свое начало именно в те далекие времена. Русские княжества, находившиеся в вассальной зависимости от Золотой Орды, были обязаны не только выплачивать установленную дань, но и направлять хану и его приближенным дополнительные дары по случаю различных значимых событий. Эти подношения («поминки») не имели строго фиксированного размера. Однако недостаточно щедрые подарки вполне могли послужить поводом для разорительного набега или лишения князя ярлыка на княжение. «Поминки» выступали, таким образом, не столько актом доброй воли, сколько действенным инструментом политического выживания, своеобразной страховкой от возможного разорения.

Классический пример, наглядно демонстрирующий амбивалентность данного явления, – деятельность московского князя Ивана Калиты. Благодаря богатым поминкам хану Узбеку, сопровождавшимся докладом о подавлении восстания в Твери, Калита сумел добиться для Москвы права сбора ордынской дани со всех русских земель. Это обстоятельство превратило Москву в финансовый центр и на целых 40 лет избавило Северо-Восточную Русь от разорительных вражеских набегов. Тогда же вошел в устойчивый обычай и казнокрадство: подражая ордынским баскакам, Иван Калита оставлял себе определенную часть собранных средств. Это действие, коррупционное по своей сути, оказалось в итоге исторически полезным: утаенные средства князь направлял на приобретение земель, возведение укреплений, увеличение войска и подкуп влиятельных лиц в Орде. Труды Калиты и его преемников создали прочную базу для будущей Куликовской битвы. Так, уже на заре российской государственности коррупция и политическая целесообразность оказались теснейшим образом переплетены.

После свержения ордынского ига традиция «поминок» трансформировалась в обычай «кормления». Наместник или волостель не получал жалования из государственной казны – он должен был содержаться («кормиться») за счет местного населения. Население поначалу воспринимало это как должное, вручая чиновнику подарки («почестие») при вступлении его в должность. Однако практика достаточно быстро вышла за рамки добровольных подношений. Просители стали сопровождать свои просьбы подарком, надеясь на скорое и благоприятное решение. Наместники, в свою очередь, начали требовать таких подношений, регламентировать их объем, фактически превращая «почестие» в обязательную плату за оказываемую услугу. В 1556 году по приказу Ивана Грозного состоялась первая казнь путем четвертования приказного дьяка по обвинению во взяточничестве – но не как таковом, а за то, что «зело велик посул взял». Всего за это преступление в годы его правления было казнено, по разным оценкам, около 8 тысяч чиновников [Цатурян, Аكوпова 2025: 13].

Соборное уложение 1649 года полностью запретило «посулы» – вознаграждения за выполнение должностных обязанностей, сопряженные с предо-

ставлением определенных преференций взяточдателю. Предусматривалось суровое наказание: от битья батогами до смертной казни. Однако на практике реализовать эти законодательные нормы оказалось крайне сложно. Грань между благодарностью и взяткой оставалась размытой, а решение по конкретному делу часто оставлялось на «государево усмотрение», что делало приближенных к царю взяточников практически неуязвимыми.

В императорский период ситуация принципиальным образом не изменилась. Петровские преобразования породили новые формы мздоимства. Новая знать – так называемые «птенцы гнезда Петрова» – демонстрировала поистине непомерные аппетиты. Князь А. Д. Меншиков сколотил состояние, по некоторым оценкам, достигавшее 6 миллионов рублей – полтора годовых бюджета России того времени. Источники этого богатства были хорошо известны: казнокрадство при строительстве Санкт-Петербурга, взятки за прием негодных товаров, укрывательство крестьян от рекрутских наборов. Петр I неоднократно наказывал Меншикова, однако до суда дело так и не доходило – ценность ближайшего сподвижника неизменно перевешивала его провинности. Эта избирательность правосудия подавала дурной пример всей массе чиновничества.

Екатерина II, вступив на престол, издала указ о наполнении присутственных мест людьми честными и порядочными. Распоряжение было формально исполнено – на ключевые должности назначили лиц с незапятнанной репутацией. Однако, как иронично замечали современники, уже через несколько лет большинство из них, столкнувшись с повседневной практикой, превратились в тех же мздоимцев [Луцевич 2023: 39]. Этот феномен лишней раз доказывал: коррупция – не следствие порочности отдельных личностей, а неотъемлемое свойство самой системы, которая постепенно перемалывает человека, заставляя его играть по своим правилам.

Наиболее глубокая и последовательная попытка реформирования бюрократического аппарата была предпринята М. М. Сперанским в начале XIX века. Его план включал рационализацию работы министерств: любой входящий документ должен был попадать в строго определенное подразделение, начальник которого нес персональную ответственность за сроки и законность принятого решения. Это лишало чиновника возможности манипулировать просителем, исчезала, таким образом, и почва для взятки за ускорение дела. Результат известен: против Сперанского сложился заговор, его обвинили в шпионаже и отправили в ссылку. Местом ссылки был избран Нижний Новгород. Так столица Поволжья на несколько лет стала пристанищем для человека, попытавшегося победить коррупцию административными методами и потерпевшего поражение.

К наследию прошлых веков в XIX столетии добавились и новые факторы. Прежде всего, следует отметить колоссальный рост бюрократического аппарата. Усложнение экономической жизни, развитие инфраструктуры, проведение реформ (особенно отмена крепостного права в 1861 году) требовали значительного увеличения численности чиновников. Однако государство, постоянно испытывая острую нехватку средств, не имело возможности обеспечить достой-

ное жалование всем категориям служащих. Возник существенный разрыв в уровне жизни между верхушкой бюрократии и рядовыми сотрудниками, который и стал питательной средой для мздоимства.

Данные о размерах заработной платы, сохранившиеся в «Своде законов Российской империи», рисуют впечатляющую картину социального расслоения внутри чиновничьего сословия. Высшие сановники (первые три класса Табели о рангах) получали десятки тысяч рублей в год, а также казенные квартиры, выезд, оплату прислуги. Чиновники 6–8 классов (начальники отделений) – от 1500 до 2500 рублей в год. Этого вполне хватало на безбедное существование: хорошую квартиру, кухарку, приличную одежду, посещение театра.

Однако чем ниже по служебной лестнице – тем картина становилась мрачнее. Чиновники 9–14 классов и канцелярские служители получали от 700 до 1200 рублей в год (первые) и менее 400 рублей (вторые). Попытаемся реконструировать примерный бюджет такого служащего. Снять отдельную квартиру он уже не мог – только две комнаты на окраине за 250–300 рублей в год. Питание на семью из 2–3 человек обходилось еще в 300–350 рублей. Форменная одежда – сюртук, мундир, шинель – требовала 100–150 рублей в год (с учетом того, что это были разовые траты, которые приходилось «растягивать»). Дрова стоили 50–70 рублей. Приходящая прислуга обходилась минимум в 60 рублей. Сложив все эти расходы, можно увидеть: они практически полностью «съедают» доход младшего чиновника (около 1000 рублей). На театр, книги, извозчика уже не оставалось буквально ничего.

Коллежский регистратор с окладом 500 рублей в год жил, можно сказать, впроголодь, снимая угол, и его уровень жизни был вполне сопоставим с уровнем квалифицированного рабочего. Однако культурные запросы, образование и статусные притязания (ведь он – дворянин, служащий государю!) у него были неизмеримо выше. Этот разрыв между потребностями и реальными возможностями и толкал мелкого чиновника на поиски «левых» доходов. Взятничество становилось для него не просто способом обогащения, а жизненно необходимым средством выживания и поддержания социального лица.

К этому следовало добавить и необеспеченную старость. Пенсию получали только те чиновники, которые имели классный чин и прослужили «беспорочно» 25 лет (половина жалования) или 35 лет (полная пенсия). Канцелярские служащие, не имевшие чина, пенсии не получали вовсе. Это обстоятельство также заставляло откладывать средства «на черный день», в том числе и не всегда законными способами.

Важно подчеркнуть: сказанное выше объясняет прежде всего коррупцию низов – вынужденную, мелкую, бытовую. Однако коррупция как системное явление питалась не только снизу, но и сверху. Александр III, Т. Филиппов, а позднее и С. Ю. Витте неоднократно высказывались в том духе, что низкое жалование неизбежно провоцирует взяточничество, и это «совершенно естественный процесс». Однако вершины бюрократической пирамиды, где жалование было поистине баснословным, также были погружены в коррупцию. Жажда наживы, привычка к роскоши, чувство безнаказанности, круговая порука рабо-

тали на всех уровнях. Сочетание «бытовой» коррупции выживания внизу и «элитарной» коррупции алчности наверху и создавало тот тотальный фон, на котором разворачивалась повседневная жизнь Нижнего Новгорода.

Нижегородская ярмарка как пространство, провоцирующее коррупционное поведение. Нижегородская ярмарка, просуществовавшая на стрелке Оки и Волги ровно сто лет (1817–1917), представляла собой уникальное явление не только в экономической, но и в социальной истории России. Она являла собой не просто гигантский торг, а сложно организованный социальный организм, живший по своим особым законам и порождавший специфические формы отношений, в том числе и коррупционных. Влияние ярмарки на город было столь велико, что на протяжении двух с лишним летних месяцев Нижний Новгород буквально преображался, из тихого губернского города превращаясь в шумную, многоязычную столицу российского купечества.

Факторы, способствовавшие коррупционности ярмарки. Можно выделить целый ряд факторов, превращавших ярмарку в мощный катализатор различных коррупционных практик.

Экономический фактор. Ярмарка аккумулировала в себе огромные денежные массы. Через ее кассы ежегодно проходили миллионы рублей. Наличие таких значительных денежных средств создавало для чиновников сильнейший соблазн «урвать» свою долю, а для купцов – возможность откупиться от возникших проблем. Взятничество становилось, по сути, своеобразным негласным налогом на получаемые сверхприбыли.

Демографический фактор. В ярмарочный период население Нижнего Новгорода увеличивалось в разы. В город съезжались десятки тысяч приезжих: купцы, приказчики, рабочие, а также неизбежная сопутствующая публика – авантюристы, мошенники, шулера, воры, проститутки. Этот временный, слабо контролируемый прирост создавал колоссальную дополнительную нагрузку на полицию. Уследить за порядком, эффективно пресечь преступления в подобных условиях было крайне сложно. И эта объективная сложность, с одной стороны, оправдывала в глазах полицейских определенную «гибкость» в применении законов, а с другой – давала им практически неограниченные возможности для дополнительных «заработков».

Институциональный фактор. На время проведения ярмарки создавалась особая система управления – Ярмарочное правление и специальная ярмарочная полиция. Эти структуры обладали достаточно широкими полномочиями, однако их кадровый состав формировался зачастую на скорую руку, а действенный контроль со стороны центральной власти был существенно ослаблен. Временный характер службы порождал у многих чиновников психологию временщика, стремление «урвать» здесь и сейчас, не слишком заботясь о своей репутации в будущем.

Торгово-криминальный симбиоз. Сама логика ярмарочной торговли требовала быстрых решений и неформальных договоренностей. Споры, возникавшие между купцами, решались не столько в судах (это было долго и дорого), сколько через авторитетных посредников или путем подкупа полиции. Многие

виды деятельности (трактирный промысел, извоз, ночная переправа) находились на самой грани законного и незаконного, и возможность «договориться» с властью за взятку была изначально заложена в саму их бизнес-модель.

Все перечисленные факторы в совокупности создавали уникальную среду, в которой взяточничество и злоупотребления становились не просто отклонением от нормы, а негласной, фактически общепринятой нормой поведения.

Катализатор злоупотреблений: строительные подряды. Одной из наиболее коррумпированных сфер как на ярмарке, так и в городе в целом всегда были казенные подряды. Строительство ярмарочных сооружений, их последующий ремонт, обеспечение безопасности, благоустройство территории – все это требовало выделения значительных казенных средств и открывало широчайшие возможности для разного рода хищений.

Классическим примером может служить история строительства Нижегородской ярмарки в начале 1820-х годов, когда сооружения переносили из Макарьева на Стрелку. На фоне общего патриотического подъема после победы в войне 1812 года развернулось поистине грандиозное строительство. Однако уже в ходе работ вскрылись чудовищные по своим масштабам хищения. Губернатор А. С. Крюков и группа чиновников губернского правления похитили из казны астрономическую по тем временам сумму – 730 тысяч рублей. Для сравнения: этих средств хватило бы на годовое жалование более 500 мелких чиновников или на строительство примерно 10 крупных доходных домов. Хищения носили откровенно системный характер: систематически завышались сметы, приписывались невыполненные работы, использовались некачественные и дешевые материалы.

Последствия этого дела для региона были огромны. Во-первых, был нанесен прямой экономический ущерб государству. Во-вторых, дело Крюкова создало опаснейший прецедент фактической безнаказанности высшего должностного лица. Хотя сам факт хищения был очевиден, губернатор не понес сурового наказания. Это был четкий и недвусмысленный сигнал всем нижестоящим чиновникам: если губернатор ворует сотнями тысяч и ему это сходит с рук, то почему я, мелкая сошка, должен отказывать себе в скромной взятке?

Весьма показательна и фигура занимавшего в тот же период пост полицмейстера Е. С. Бабушкина. Он, вдохновляясь примером губернатора, создал собственную криминальную «крышу». Бабушкин за взятки способствовал оседанию в Нижнем Новгороде беглых преступников, разыскиваемых в других губерниях. Он не просто закрывал глаза на их присутствие, но и активно использовал их как дойную корову: постоянно угрожал выдать властям, если они не будут регулярно платить. Полицейстер фактически создал в городе целую сеть законспирированных преступников, находившихся под его покровительством, что неизбежно способствовало росту криминала.

Казачество на ярмарке: «оккупационный» режим. Особой, можно сказать, печальной «славой» в истории ярмарочной коррупции пользовались казачьи части, привлекавшиеся для охраны общественного порядка. Казаки, люди военные, привыкшие к жесткой дисциплине, в условиях ярмарки вели себя, по

многочисленным свидетельствам современников, как в завоеванном городе. Они не столько охраняли порядок, сколько извлекали из своего положения монопольную прибыль.

А. П. Мельников в своих очерках оставил красноречивые зарисовки подобного поведения. Казаки патрулировали территорию верхом, и любое, даже самое незначительное, отклонение от установленных правил становилось для них немедленным поводом для взимания штрафа. Купец, замешкавшийся с разгрузкой товара, приказчик, не так поклонившийся, извозчик, остановившийся «не там», – все они тут же подвергались денежному взысканию. Отказ от уплаты карался нагайками. Описаны также случаи, когда казаки, прибывшие на место грабежа, вели себя двусмысленно и откровенно противоправно: избивали и грабителя, и саму жертву, а затем грабили обоих. Подобное поведение, разумеется, никак не способствовало доверию населения к власти, зато приносило казакам стабильный и немалый доход. Институт, призванный защищать правопорядок, сам превращался в источник беззакония [Мельников 1993: 94].

Кафе Кузнецова: симбиоз криминала и полиции. Пожалуй, самым ярким и вопиющим примером сращивания преступного мира с коррумпированной полицией стала история кафе В. Кузнецова, действовавшего на ярмарке на протяжении многих лет. Заведение, позиционировавшее себя как увеселительное, имело, однако, мрачную специализацию: ограбление состоятельных посетителей. В кафе заманивали купцов, предлагая им дорогие напитки и женщин. В вино при этом подмешивали снотворное, так называемую «малинку». Когда жертва теряла сознание, ее тщательно обыскивали, забирая ценности, деньги, документы, а нередко и верхнюю одежду. Затем потерпевшего просто выбрасывали на улицу.

Устойчивость этого преступного промысла обеспечивал мощный коррупционный «зонтик». Владельцы кафе наладили систематическую и регулярную передачу взяток полицейским чинам всех уровней. Значительная часть добычи регулярно отчислялась полиции, которая взамен гарантировала полное невмешательство. Полиция не только не проводила никаких проверок, но и выступала в роли информатора, заблаговременно предупреждая хозяев о готовящихся облавах или поступивших заявлениях от пострадавших.

Почему же сами жертвы предпочитали молчать? Здесь срабатывал мощный психологический фактор. Купцы оказывались в положении двойной уязвимости. Во-первых, им было попросту стыдно: само посещение подобного кафе автоматически означало причастность к сомнительному и не вполне приличному досугу. Обращение в полицию означало бы для них публичное признание этого факта, неизбежный удар по репутации. Во-вторых, даже если кто-то из потерпевших и решался написать заявление, он достаточно быстро убеждался в его полной бесперспективности – полиция, получившая свою долю, всячески саботировала расследование. Кафе Кузнецова успешно функционировало годами, став своего рода символом ярмарочной коррупции: закон и криминал действовали здесь как единая слаженная система, сообща делящая прибыль [Мельников 1993: 185].

Элиты и коррупция: губернаторы, полицмейстеры и их повседневные практики. Коррупция в Нижнем Новгороде отнюдь не была стихийным явлением, свойственным лишь социальным «низам». Она имела четкую иерархическую структуру, и значительная доля ответственности за ее постоянное воспроизводство лежала на представителях высшей администрации – губернаторах и полицмейстерах. Именно они задавали определенную «норму» поведения, демонстрировали своим примером степень допустимого. Анализ персонального состава нижегородской элиты наглядно показывает, что коррупция была не просто суммой отдельных проступков, а устойчивой моделью поведения, которая часто сходила с рук даже при наличии очевидных улик.

Князь Михаил Александрович Урусов: виртуоз вымогательства. Князь М. А. Урусов, занимавший пост нижегородского губернатора в 1860-х годах, вошел в историю как изощренный взяточник, создавший целую систему вымогательства, основанную на искусной манипуляции законом. Урусов принадлежал к старинному аристократическому роду, был человеком образованным, но при этом циничным и крайне прагматичным. Он прекрасно понимал, что прямые поборы неизбежно вызовут жалобы и нарекания, поэтому выстроил более тонкую, юридически замаскированную схему.

Главным инструментом князя стали так называемые «обязательные постановления». Согласно действовавшему законодательству, губернаторы имели право издавать обязательные для местных жителей постановления по самому широкому кругу вопросов. Урусов воспользовался этим правом с поистине уникальной изобретательностью. Он начал издавать огромное количество мелких, зачастую откровенно абсурдных предписаний, соблюсти которые в точности было практически невозможно.

Например, предписывалось красить заборы исключительно в определенный цвет, мыть тротуары строго до определенного часа, вывешивать вывески только установленного размера и т.п. Нормальные люди либо просто не знали о существовании этих многочисленных постановлений, либо физически не успевали их своевременно исполнять. И тут на сцену выходила полиция.

Полицейские начинали тотальные проверки. Любое, даже самое незначительное, отклонение фиксировалось как серьезное нарушение, за которое полагался солидный штраф или даже арест. Перед обывателем вставал нелегкий выбор: либо платить разорительный штраф, либо идти под арест. Однако существовал и третий путь – взятка проверяющему. Размер взятки был, как правило, значительно меньше официального штрафа. Подавляющее большинство горожан, естественно, выбирало именно этот путь.

Таким образом, Урусов создал идеальную коррупционную машину. Он не брал взятки лично – он создал такие условия, при которых взятка становилась единственно разумным способом существования. Полиция, получавшая свою долю, была кровно заинтересована в сохранении и процветании этой системы. Обязательные постановления превратились в инструмент тотального давления на население с целью систематического выколачивания денег.

Яркой иллюстрацией цинизма созданной системы служит случай с крупным землевладельцем князем С. В. Шереметевым, имевшим обширные связи при дворе. Шереметев, будучи проездом в Нижнем Новгороде, по каким-то причинам отказался платить требуемые поборы. Реакция последовала незамедлительно. Полиция «по ошибке» задержала Шереметева и продержала несколько часов в участке. Формально – недоразумение. Фактически – мощный и недвусмысленный сигнал: даже такой влиятельный человек не защищен от произвола, если не желает играть по правилам, установленным губернатором [Смирнов 2007: 72–88].

Михаил Николаевич Шрамченко: покровитель порока. Особое место в ряду нижегородских губернаторов занимает М. Н. Шрамченко (конец XIX – начало XX века). Его правление ознаменовалось не столько изощренным вымогательством, сколько откровенным попустительством наиболее одиозным формам нарушения общественной нравственности, прежде всего – невиданным доселе расцветом домов терпимости в самом центре города.

Проституция в Нижнем Новгороде после отмены крепостного права постепенно стала проникать из ярмарочного времени в постоянную городскую жизнь. Но именно при Шрамченко этот процесс достиг своего апогея и приобрел черты организованного и открыто покровительствуемого властью бизнеса. Шрамченко, по свидетельствам современников, и сам был не чужд посещений увеселительных заведений сомнительного толка. Этот личный интерес, вероятно, во многом и определял политику полного невмешательства.

Ситуация с домами терпимости в престижных Кремлевских частях города (1-й и 2-й) при Шрамченко окончательно вышла из-под какого-либо контроля. Жалобы почтенных обывателей с Большой и Малой Покровских улиц сыпались одна за другой. Жильцы жаловались на непрекращающийся шум, пьяные крики по ночам, развязное поведение обитательниц, на то, что приличные женщины и дети вынуждены менять привычные маршруты прогулок [ГУ ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35-а. Д. 100: 12–35].

Эти жалобы, однако, имели лишь кратковременный эффект. По распоряжению губернатора проводилась показательная проверка, дом терпимости на день-два закрывали, содержательницу символически штрафовали. Но стоило волне общественного возмущения утихнуть и, что еще важнее, стоило содержательнице поднести соответствующую «благодарность» нужному чиновнику, как заведение вновь открывалось. Описан случай, когда жители одной из улиц, отчаявшись, собрали подписи и направили коллективное прошение самому губернатору. Прошение было принято, но ответа на него так и не последовало. Зато через несколько дней к некоторым из подписавшихся наведались полицейские с проверками по надуманным поводам – с целью припугнуть [Смирнов 2007: 118].

Итогом такой политики стала фактическая легализация целых «кварталов красных фонарей» в лучших кварталах города. Некоторые улицы, непосредственно примыкавшие к Кремлю, стали столь плотно заселены публичными домами, что приличная публика просто перестала их посещать. Городское про-

странство оказалось сегрегировано не по воле властей, а в результате коррупционного симбиоза губернатора, полиции и содержателей притонов.

Евграф Степанович Бабушкин: полицмейстер-«крышеватель». Фигура полицмейстера Е. С. Бабушкина, действовавшего в одно время с губернатором Крюковым, наиболее полно олицетворяла собой сращивание полиции с криминальным миром. Бабушкин был не просто взяточником, пассивно принимающим подношения. Он был активным и умелым менеджером криминальной среды, создавшим разветвленную систему «крышевания» преступников.

Как уже упоминалось выше, Бабушкин за взятки способствовал оседанию в Нижнем Новгороде беглых преступников, разыскиваемых в других регионах. Он давал им возможность беспрепятственно жить в городе, не опасаясь разоблачения. Но это была лишь часть масштабной схемы. Бабушкин брал этих людей на своеобразный теневой «учет». Он прекрасно знал, кто они, чем конкретно занимаются, и держал их на коротком «крючке». Механизм был прост: полицмейстер периодически давал понять тому или иному криминальному элементу, что пора бы «поднести». В случае отказа следовала незамедлительная угроза выдачи.

Таким образом, Бабушкин создал для себя устойчивый и постоянный источник дохода. Преступники воровали и грабили, а он получал с них регулярную дань за свое молчание. Система была выгодна обеим сторонам (криминал получал надежную защиту, полицмейстер – стабильные деньги), но губительна для города. Преступность не только не пресекалась, но и фактически поощрялась. Бабушкин наглядно демонстрировал, как институт, призванный по определению бороться с преступностью, может с легкостью превратиться в ее покровителя [Макаров 2005: 134–136].

Эти четыре портрета – Крюкова, Урусова, Шрамченко и Бабушкина – показывают различные грани коррупции элит: от прямого казнокрадства и изощренного вымогательства до откровенного попустительства пороку и полного сращивания с криминалом. Объединяет же их всех удивительная безнаказанность, порожденная либо высокими связями, либо умением встроить коррупцию в самую систему управления так, что она становилась ее неотъемлемой частью. Эта безнаказанность верхов неизбежно развращала низы и убеждала общество в целом: бороться с системой бесполезно, гораздо проще к ней приспособиться.

Городская повседневность и «бытовая» коррупция. Если деятельность губернаторов и высших полицейских чинов была, как правило, скрыта за фасадами присутственных мест, то коррупция на нижних этажах власти представляла собой явление повседневное, встроенное в самую рутину городской жизни. Практически каждый горожанин – будь то купец, мещанин, ремесленник или извозчик – рано или поздно сталкивался с необходимостью либо дать взятку, либо пострадать от ее отсутствия.

Полиция: искусство систематических поборов. Основным агентом «бытовой» коррупции выступала, безусловно, полиция. Низшие полицейские чины (квартальные надзиратели, городовые) находились в постоянном, ежедневном

контакте с населением, и этот контакт был насквозь пронизан неформальными денежными отношениями.

Наиболее яркая иллюстрация – описанный А. П. Мельниковым обычай так называемых «праздничных поздравлений». Накануне крупных церковных праздников квартальные надзиратели совершали обязательный обход закрепленных за ними участков. Это был хорошо отработанный ритуал. Полицейский входил в дом или лавку, поздравлял хозяина с наступающим праздником. Хозяин, в свою очередь, должен был выразить свое «почтение» в материальной форме: шкалик водки и ассигнация в 5 или 10 рублей [Мельников 1993: 57].

Для полицейского такой обход означал колоссальную прибавку к его скудному жалованью. Учитывая, что в квартале насчитывалось от 50 до 100 домовладений, сумма, собранная за один только праздник, колебалась от 250 до 1000 рублей. Полиция, естественно, была кровно заинтересована в сохранении и процветании этой «традиции». Для обывателя же «праздничные» поборы были своего рода страховкой: уплативший дань мог вполне рассчитывать на снисхождение к своим мелким прегрешениям в будущем.

Эта система неизбежно создавала неформальную иерархию отношений. Полицейский становился не столько стражем закона, сколько патроном на своей территории. Обыватель, в свою очередь, превращался в клиента, платящего за защиту. Таким образом выстраивались устойчивые патрон-клиентские связи, основанные на взаимной выгоде. Взятка была здесь не разовым актом, а регулярным, фактически узаконенным обычаем налогом.

Помимо «праздничных» сборов, существовала масса повседневных поводов для поборов: «за тишину» (с трактиров), «за торговлю» (с лоточников), «за прописку» (с приезжих), «за извоз» (с извозчиков). Любое, даже самое незначительное, взаимодействие с полицией могло стать поводом для передачи денег. Даже если гражданин был формально абсолютно прав, полицейский всегда мог найти повод придрататься. Взятка в такой ситуации была самым простым и эффективным способом снять возникающие проблемы.

Врачебно-полицейский комитет: нажива на человеческих страхах. Особую, пожалуй, одну из самых циничных сфер «бытовой» коррупции представляла деятельность Нижегородского врачебно-полицейского комитета. Созданный для борьбы с эпидемиями, прежде всего с холерой, этот орган обладал чрезвычайно широкими полномочиями, включая право принудительной изоляции заболевших и даже уничтожения их имущества.

В случае эпидемии холеры возможности для коррупции были, однако, ограничены – никто не хотел рисковать собственной жизнью. Но в своей повседневной деятельности комитет постоянно сталкивался с заболеваниями менее смертоносными, но социально гораздо более опасными – сифилисом и корью.

Диагноз «сифилис» в те времена был фактически равносителен социальной смерти. Человек мгновенно превращался в изгоя. С ним отказывались работать, его сторонились соседи. Возврат в «приличное общество» был практически невозможен даже после полного излечения. Корь также сопровождалась драко-

новскими мерами: заболевшего немедленно изолировали, а вещи, которые могли быть заражены, предписывалось сжигать.

Для семьи это была настоящая катастрофа. В этих условиях у врачей-инспекторов открывались широчайшие возможности для злоупотреблений. Люди, у которых обнаруживали подозрительные симптомы, готовы были платить любые деньги, лишь бы им не поставили официальный диагноз, не изолировали, не сожгли вещи. Врач, таким образом, становился вершителем судеб. И чиновники комитета, как убедительно свидетельствуют архивные дела [ГУ ЦАНО. Ф. 346. Оп. 53. Д. 12: 4–16], активно и цинично пользовались этим положением. Складывалась преступная практика: за взятку больному сифилисом выдавалась справка о какой-либо другой, безопасной болезни, и он оставался на свободе, продолжая заражать окружающих. За взятку врач мог попросту «не заметить» явные симптомы кори. Наживаясь на человеческих страхах, чиновники напрямую способствовали распространению опасных инфекций.

Дома терпимости: география разврата и система взяток. История нижегородских домов терпимости представляет собой яркую иллюстрацию того, как коррупция способна была перекраивать городское пространство. До 1860-х годов проституция носила преимущественно сезонный, ярмарочный характер. Но после отмены крепостного права она начинает активно проникать в город на постоянную основу.

Первоначально дома терпимости возникали в окраинных, малонаселенных районах. Однако к 1870-м годам они начинают открываться в престижных 1-й и 2-й Кремлевских частях. Это, естественно, вызвало бурю негодования среди местных жителей. Купцы, дворяне, проживавшие на центральных улицах, столкнулись с непрекращающимся шумом, криками, развязным поведением обитательниц.

Реакция властей на многочисленные жалобы представляла собой классический пример коррупционного торга. Полицейстер, получив очередную жалобу, формально реагировал: проводил проверку, составлял протокол, мог даже закрыть заведение на несколько дней. Но стоило содержательнице поднести соответствующую «благодарность», как заведение вновь открывалось. Если жалобы продолжались, практиковалась тактика «перемещения»: притон закрывался на одном месте, но через месяц открывался буквально рядом.

В результате к концу XIX века в Кремлевских частях сложилась устойчивая «красная зона». Некоторые переулки фактически превратились в настоящие «кварталы красных фонарей». Городское пространство оказалось разделено не по какому-либо административному плану, а по негласному коррупционному соглашению [Смирнов 2007: 164–166]. Власть, по сути, продавала городское пространство тем, кто больше платил.

Освещение улиц, мостовые и система откатов. Нижний Новгород, как и подавляющее большинство губернских городов, постоянно жил в режиме острого бюджетного дефицита. Средств на благоустройство хронически не хватало, а те довольно скромные суммы, что все же выделялись, успешно разворовывались. Возьмем, к примеру, освещение улиц. Подряды на освещение были

лакомым куском для чиновников и предпринимателей. Типичная схема выглядела следующим образом: городская управа объявляла торги. Подрядчики заранее договаривались с членами управы о «благодарности». В итоге контракт доставался не тому, кто предлагал наилучшие условия, а тому, кто больше заплатил «отката». Затем подрядчик, естественно, экономил на всем: фонари зажигались с большим опозданием, горели тускло, разбитые стекла не заменялись. Город погружался во тьму, но чиновники, получившие свою долю, закрывали на это глаза.

Аналогичная ситуация складывалась и с ремонтом мостовых. Ремонт мостовых был постоянной и довольно затратной статьёй расходов городского бюджета. За взятку подрядчик получал выгодный заказ, использовал при этом дешевый лес, укладывал его с грубейшими нарушениями технологии. Через год-два новая мостовая превращалась в сплошное месиво. Горожане проклинали непролазное бездорожье, даже не подозревая, что выделенные на ремонт средства давно и успешно распилены [Смирнов 2007: 188–192].

Торговля и базары: повседневные поборы с мелочи. Коррупция пронизывала и повседневную, мелкую торговлю. Городские базары были тем местом, где мелкий торговец постоянно сталкивался с системой мелких, но неотвратимых поборов.

Само право на торговлю требовало получения специального свидетельства. Выдача подобных документов была стабильным источником дохода для канцелярских служащих. Без взятки можно было ждать неделями и месяцами. С взяткой вопрос решался в течение часа. Но и получив законное право на торговлю, торговец не мог вздохнуть спокойно. За порядком на базаре неусыпно следили полицейские. Действовал неписанный закон: если хочешь торговать спокойно – плати дань, за место, за право торговать в неурочный час, за то, чтобы не придирались к качеству товара. Отказывавшийся платить неизбежно рисковал быть согнанным с места или оштрафованным.

Эта система создавала многослойную пирамиду поборов, которая тяжелым бременем ложилась на плечи мелких торговцев и, в конечном счете, увеличивала стоимость товаров для конечных потребителей.

Нажива на нищих и псевдоблаготворительность. Ярмарка привлекала в город огромное количество нищих. Желая откупиться от грехов, купцы тратили значительные суммы на подаяние. У их лавок выстраивались огромные очереди нищих. Жители близлежащих деревень в полном составе уходили на ярмарку собирать милостыню. За солидное подношение полиция не спрашивала у них паспортов и не позволяла другим нищим занимать их «хлебные» места [Мельников 1993: 136–140].

В самом городе просить милостыню официально запрещалось, однако за определенную мзду полиция закрывала на это глаза. Складывался взаимовыгодный симбиоз: полиция получала стабильный приработок, нищие – возможность безнаказанно просить подаяние.

Обратной стороной этой медали была благотворительность. В Нижнем Новгороде действовало множество разнообразных благотворительных обществ.

Средства в них стекались от щедрых пожертвований купцов. И далеко не все эти средства доходили до реально нуждающихся. Деятельность подобных обществ была практически неподотчетна и непрозрачна. Распоряжались средствами, как правило, чиновники или приближенные к власти лица, что создавало идеальные условия для злоупотреблений и коррупции. Значительная часть средств оседала в карманах распорядителей, тратилась на представительские расходы и банкеты. На строительство приюта выделялись деньги, но подряд получала фирма родственника члена правления, естественно, по завышенным ценам. Благотворительность, таким образом, становилась еще одной сферой коррупционного обогащения, прикрытой благовидной и респектабельной вывеской [Смирнов 2007: 143–147].

Социальная психология коррупции: между осуждением и принятием. Анализ коррупции в Нижнем Новгороде был бы неполным без рассмотрения вопроса о том, как сами современники воспринимали и оценивали это явление. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о глубокой амбивалентности общественного сознания. Коррупция отнюдь не воспринималась как однозначное и абсолютное зло. В массовом сознании сформировалось двойственное отношение, в котором моральное осуждение причудливо переплеталось с повседневным принятием и использованием.

«Идеальный тип» чиновника в общественном мнении. В нижегородском обществе сложился негласный, но устойчивый кодекс оценки чиновников, существенно расходившийся с формальными представлениями о законности и честности. «Хорошим» чиновником считался не тот, кто вообще не берет взятки, а тот, кто берет «умеренно», «по чину» и при этом быстро и эффективно решает вопросы.

Ключевым критерием здесь была предсказуемость. Купец, идя к такому чиновнику, заранее знал примерные «расценки». Он понимал, что за определенную мзду его дело будет рассмотрено быстро и с благоприятным исходом. Взяточник, соблюдавший негласные тарифы, воспринимался как «деловой», «практичный» человек. Напротив, откровенная жадность осуждалась: чиновник, требовавший слишком много, нарушал неписанные правила игры.

Но самым странным, непонятным и, пожалуй, даже неприятным типом был чиновник, который «не берет совсем». Такой человек, как правило, требовал неукоснительного соблюдения всех формальных процедур. В условиях запутанного и противоречивого законодательства это означало, что любое, даже самое простое, дело могло тянуться месяцами и годами. Проситель оказывался в настоящем бюрократическом аду. «Честный» воспринимался в таком контексте не как борец за справедливость, а как тупой и бессердечный формалист, который только «мешает жить». Его абстрактная честность оборачивалась для окружающих вполне конкретными и ощутимыми издержками.

Взятка как социальный регулятор и инструмент выживания. В условиях, когда закон был запутан, противоречив и часто не соответствовал реальной жизни, взятка выполняла важную социальную функцию – функцию неформального регулятора. Она позволяла «смазывать» заржавевшие шестеренки

государственной машины. Взятничество было не столько нарушением правил, сколько неформальным, но необходимым дополнением к ним, способом адаптации к очевидному несовершенству системы.

Для многих нижегородцев взятка была привычным и эффективным инструментом ведения дел. Она позволяла ускорить бюрократический процесс, обойти нелепые и устаревшие запреты, снизить издержки (взятка полицейскому была значительно дешевле официального штрафа), заручиться надежным покровительством. В этом смысле взятка воспринималась не как аморальный акт, а как своего рода неизбежный налог на эффективность, плата за то, чтобы тебя услышали.

Отсутствие общественного запроса на борьбу с коррупцией. Удивительно, но при столь широком и повсеместном распространении коррупции в Нижнем Новгороде так и не сложилось устойчивого общественного движения, направленного против нее. Горожане активно и организованно боролись с нищенством, пьянством, политическим экстремизмом. Однако взятничество почему-то не входило в число тех зол, против которых они готовы были выступать организованно и последовательно.

Причина – в описанной выше глубокой амбивалентности общественного сознания. Коррупция воспринималась не как внешнее зло, которое можно и нужно победить, а как неотъемлемое, естественное свойство власти, как своего рода «климат», к которому нужно просто приспособиться. Протесты возникали лишь точно, локально, когда коррупция начинала непосредственно угрожать интересам какой-либо конкретной группы. Так, жители Кремлевской части протестовали против соседства с домами терпимости, но не против взяток, которые эти дома регулярно платили полиции. Никто всерьез не ставил вопрос о системном искоренении мздоимства как такового.

Общественное сознание оказалось в плену неразрешимого противоречия: морально осуждая взятничество на словах, обыватель ежедневно прибегал к его услугам на практике. Это фундаментальное противоречие неизбежно разъедало общественную мораль, формировало устойчивый цинизм и неверие в возможность справедливости.

Нижегородская коррупция в общероссийском контексте: типичное и особенное. *Типичные, общероссийские черты.* Многие коррупционные практики, подробно описанные на нижегородском материале, были характерны для всей страны в целом: система «кормлений» как наследие прошлого, крайне низкое жалование основной массы чиновников, практически полная безнаказанность высших сановников, повсеместная коррумпированность полиции, широкое использование взяток для ускорения бюрократических процедур, амбивалентное, двойственное отношение к этому явлению в обществе.

Особенные, локальные черты. Главная особенность нижегородской коррупции была неразрывно связана с существованием знаменитой Нижегородской ярмарки. Ярмарка придавала местной коррупции целый ряд специфических черт:

- Ярко выраженная сезонность и колоссальная концентрация – пик коррупционной активности приходился на ярмарочные месяцы.
- Сращивание с криминальным миром в особо крупных, можно сказать, промышленных масштабах (кафе Кузнецова).
- Появление специфических субъектов коррупционных отношений – казачьих частей, временных полицейских команд.
- Грандиозный масштаб хищений при строительстве ярмарочных сооружений (знаменитые 730 тыс. рублей, похищенных Крюковым).

Таким образом, Нижний Новгород представлял собой своего рода уникальную «лабораторию» коррупции, где общероссийские тенденции, многократно усиленные ярмарочным фактором, проявлялись в гипертрофированной, особенно наглядной форме.

Литература и фольклор: коррупция в зеркале общественного сознания

То, как общество на самом деле воспринимало коррупцию, ярче всего отражалось не в официальных документах и донесениях, а в культуре – литературе, фольклоре, устных преданиях и анекдотах.

Горький и «дно»: коррупция как естественная среда обитания. Для нижегородцев фигура Максима Горького является знаковой. Его ранние рассказы и очерки органично впитали в себя реалии нижегородской жизни конца XIX – начала XX века. Горький изображает коррупцию не как абстрактное зло, а как совершенно естественную, привычную среду обитания своих героев. В его произведениях полицейские – это не стражи закона, а хищники, живущие исключительно за счет поборов с населения. Взятка выступает неотъемлемым, само собой разумеющимся атрибутом выживания в этом мире.

Городской фольклор: анекдоты и поговорки. Наиболее ярко и афористично отношение к коррупции выражалось в устном народном творчестве. Поговорки «Не подмажешь – не поедешь», «До бога высоко, до царя далеко», «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Не бойся суда, бойся судьи» стали поистине универсальными формулами, отражающими многовековой опыт существования с коррумпированной властью. Анекдоты о взятках и взяточниках были чрезвычайно широко распространены в самых разных слоях общества. Типичный сюжет: проситель приходит к чиновнику, который философски замечает: «Закон – как дышло, куда повернул, туда и вышло».

Такой фольклор, вне всякого сомнения, нормализовал коррупцию в общественном сознании, представлял ее как нечто неизбежное, привычное и даже забавное. Смех над взяточником снижал естественный страх перед ним и делал сосуществование с этой системой более комфортным и психологически приемлемым.

Поэзия на темы взяточничества. Несмотря на жесткие цензурные ограничения, на страницы печати изредка проникали произведения, прямо или косвенно обличавшие коррупцию. От бессмертных басен И. А. Крылова до стихов поэта начала XX века М. И. Розенгейма, например, его известное стихотворение «Уличенный мздоимец»:

Одиннадцать рублей и тридцать три копейки —
Вот месячный оклад Степана Фомича.
На что же к рождеству он шьет жене шубейки,
А к пасхе делает четыре кулича?
Награды к праздникам он, правда, получает;
Но много ли? Всего рублей на пятьдесят,
И значит – это в год всего-то составляет
Сто восемьдесят шесть целковых – весь оклад,
И то без четырех копеек. Но положим,
Что – круглым счетом – в год сто восемьдесят шесть.
Мы с вами, думаю, едва ль представить можем,
Как можно год, с женой, на это пить и есть,
Но наш Степан Фомич наивно уверяет,
Что жалованьем он одет и сыт с женой.
Квартирку, видите, он на Песках снимает,
И в месяц пять рублей там платит за постой,
Да учит сверх того хозяйского сынишку
Письму и чтению, и за успех его
Хозяин не берет с жильцов полезных лишку
И даже за воду не просит ничего.
Но все же шестьдесят рублей ведь в год придется;
Да выйдет на дрова не меньше тридцати.
Вот девяносто уж. Теперь – за стол дается
Степаном Фомичом целковых по шести
На каждый месяц. Вот, как всё-то сосчитаем,
И выйдет серебром сто шестьдесят уж два.
Потом – Степан Фомич с супругой любят чаем
Согреть себя раз в день, а в праздники – и два.
И выйдет в год у них четыре фунта чаю,
Фунт в два рубля – так на восемь рублей
Полпуда сахару – фунт в четвертак считая,
В год пять рублей. Притом у них не без затей:
В день три копейки на белый хлеб изводят;
Во сколько ж в целый год им этот хлеб войдет?
Одиннадцать рублей без пятака выходит,
Иль даже без гроша, коль високосный год.
Теперь итог у них какой же будет году,
С начала до конца когда мы всё сведем?
Сто восемьдесят пять рублей у них расходу
И девяносто пять копеек серебром,
Копейкой менее, чем весь оклад казенный!
Но погодите: все ведь это в год простой.
А високосный год!?

Вот тут-то счет резонный

Степана Фомича и обличит с женой.
Ведь в високосный год им лишних две копейки
Сверх жалованья их придется издержать
(Уж я не говорю про новые шубейки
И про обычай их на пасхе пировать).
Откуда ж этот грош, Степан Фомич почтенный,
Коль жалованьем вы содержитесь одним,
Коль не торгуете вы долгом тем священным,
Какой лежит на вас всем бременем своим?
Что скажете? Вы клад в земле себе отрыли,
Иль с неба этот грош на бедность вам ниспал?
Нет, уж довольно нас вы за нос всех водили;
Теперь по Щедринау вас русский свет узнал.
Узнали мы теперь, откуда вы берете
Преступные гроши, исчадия греха,
Несчастных кровь и пот вы в свой карман кладете!
На праздник вам идет вдов и сирот кроха!!!
Корысти мелочной вы жертвуете честью,
Законом, правдою, любовью к добру;
Вы существуете лишь подкупом и лестью,
Вы падки к золоту, покорны серебру!!!
Вы все заражены иудиным пороком,
Меж вами царствует мздоимство, лезть и ложь...
Но горе! я восстал карающим пророком,
И обличу я вас за каждый лишний грош!

Попытки противодействия и нереализованные проекты

На фоне тотального и повсеместного распространения коррупции редкие попытки борьбы с ней выглядели либо как краткосрочные кампании, принципиально не менявшие сути системы, либо как благие пожелания, разбивавшиеся о косность бюрократической машины.

Среди нижегородских губернаторов встречались, впрочем, и те, кто искренне пытался ограничить масштабы злоупотреблений. Показателен пример одного из губернаторов (имя, к сожалению, требует уточнения), который пытался бороться с поборами полиции. Он издавал строгие циркуляры, устраивал внезапные проверки, наказывал наиболее зарвавшихся. Однако как только очередная волна проверок спадала, все достаточно быстро возвращалось на круги своя.

Наиболее интересной и глубокой представляется инициатива губернатора Н. М. Баранова. В своих письмах Николаю II он предлагал не просто усилить наказания или повысить жалование чиновникам, а изменить саму суть отношения служащего к своему делу. Баранов, по-видимому, понимал, что коррупция – это следствие глубинного дефицита гражданской идентичности, отсутствия у большинства служащих «сердечного», заинтересованного отношения к своим

обязанностям. Он писал о необходимости воспитать целое поколение людей, для которых государственные проблемы станут таким же личным делом, как и собственные. Решить эту фундаментальную задачу могла, по его мнению, только «правильно поставленная школа». Идея Баранова была, безусловно, утопична для своего времени, но она во многом предвосхитила современные дискуссии о роли гражданского общества в борьбе с коррупцией [Макаров 2005: 348–366].

Заключительные размышления: исторический опыт и современность

Коррупция в дореволюционном Нижнем Новгороде была отнюдь не случайным явлением, а системообразующим фактором, во многом определявшим характер отношений между властью и обществом. Она была глубоко встроена в экономику, социальную структуру, психологию и повседневную культуру горожан.

Исторический опыт убедительно показывает, что эта система обладала колоссальной устойчивостью и способностью к самовоспроизводству. Она постоянно воспроизводилась через традицию, экономическое принуждение и особенности социальной психологии. Попытки бороться с ней исключительно административными мерами неизменно терпели крах, поскольку не затрагивали глубинных системных оснований.

Сегодня мы сталкиваемся со многими из тех же самых проблем, что и наши предки столетие назад. Изменились законы и технологии, но базовые психологические механизмы коррупции остались практически прежними. По-прежнему актуальны вопросы несовершенства законодательства, низкой заработной платы на некоторых должностях, практически полной безнаказанности «верхов». И, что самое важное, до сих пор живо в общественном сознании то самое амбивалентное отношение, когда коррупцию вроде бы осуждают на словах, но при этом регулярно прибегают к ней как к наиболее эффективному способу решения своих проблем.

Исторический опыт Нижнего Новгорода – это серьезное предупреждение. Борьба с коррупцией ни в коем случае не может быть сведена к разовым кампаниям и показательным процессам. Она требует последовательного и системного подхода: глубокой правовой реформы (ясное, непротиворечивое законодательство), социально-экономических мер (достойный уровень жизни служащих), институциональных преобразований (независимый контроль, неотвратимость наказания для всех без исключения), и, наконец, долгосрочной культурной работы – формирования в обществе устойчивой нетерпимости к любым проявлениям коррупции.

Без изменения общественной психологии, без преодоления того циничного фатализма, который был столь характерен для обывателей XIX века, любые, даже самые решительные, меры будут давать лишь временный, поверхностный эффект. История нас учит: коррупция побеждается не только тюрьмами и репрессиями, но и, прежде всего, изменением умов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- ГУ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 837. Донесение полиции о съезде мусульман.
ГУ ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35-а. Д. 100. Дело по ходатайству жителей Большой и Малой Покровских улиц о выселении домов терпимости на окраины города.
ГУ ЦАНО. Ф. 346. Оп. 53. Д. 12. Постановление о времени развода плашкоутного моста и контроле за соблюдением режима.
Сборник обязательных постановлений городской думы № 2747 «О мерах по охране народного здоровья». Н. Новгород, 1883.

Литература

- Бельдюсов И. Д. Коррупция и предпринимательство в России: история и современность // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития. М.: Изд-во МГУ, 2024. С. 279–283.
Волков В. А. «Под суд и на правож...» Борьба с коррупцией в России XVI–XVII вв. // Родина. 2012. № 6. С. 98–101.
Громов В. В. История зарождения и развития коррупции в России // Актуальные вопросы противодействия коррупционным правонарушениям и преступлениям. СПб.: Изд-во СПбУ МВД России, 2024. С. 77–82.
Киселев М. А. Правда и посулы: механизм контроля над судебными должностными лицами в России в XVI–XVII веках // Российская история. 2011. № 6. С. 90–104.
Коррупция в России: история, профилактика коррупционных проявлений / Б. А. Воронин, О. А. Рущицкая, К. П. Стожко [и др.]. Екатеринбург: УрГАУ, 2023.
Луцевич Е. А. Противодействие коррупции в государственном аппарате России: история и современность // Образование и право. 2023. № 4. С. 11–18.
Макаров И. А. Нижегородские губернаторы и полицмейстеры. Н. Новгород: Книги, 2005.
Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917). Н. Новгород: НКЦП, 1993.
Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25–41.
Сираждинов Р. Ж. Экскурс в историю проявления фактов коррупции в России // Государство, власть, управление и право. М.: Изд-во РАНХиГС, 2024. С. 249–251.
Смирнов Д. М. Нижегородская старина. Н. Новгород: Книги, 2007.
Хачатрян Д. А. История принятия законов по коррупции в России в XX веке // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2024. С. 231–233.
Цатурян Т. В., Акопова А. Н. К вопросу об истории возникновения коррупции в России // Формирование финансово-экономических механизмов инновационного развития. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. С. 40–42.
Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство–СПБ, 1999.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленная коллективная монография объединяет исследования, выполненные в рамках единой проблематики: осмысления места и роли гуманитарного знания в системе современного агротехнологического образования и науки. Авторы исходили из убеждения, что подготовка квалифицированных специалистов для агропромышленного комплекса невозможна без глубокого понимания тех социокультурных, эпистемологических, лингвистических и исторических контекстов, в которых осуществляется профессиональная деятельность. Предложенные в монографии подходы позволяют по-новому взглянуть на традиционные гуманитарные дисциплины, выявив их прикладное значение для аграрной сферы.

В первой главе А. В. Аникиной проведен масштабный анализ мировых практик сельского и аграрного туризма. Исследование показывает, что агротуризм перерастает из периферийного явления в стратегическое направление развития сельских территорий, способное решать комплекс задач: от диверсификации доходов фермерских хозяйств до сохранения культурного наследия и экологического просвещения. Автор выделяет ключевые факторы успеха (государственная поддержка, аутентичность, качество услуг) и обосновывает возможность адаптации зарубежных моделей к российским условиям. Для специалистов агротеха эта глава значима тем, что раскрывает потенциал сельского хозяйства как многопрофильной сферы, выходящей за пределы собственно производства продовольствия. Формирование компетенций в области агротуризма позволяет выпускникам агровузов видеть новые возможности для развития личных подсобных и фермерских хозяйств, а также осознавать социальную миссию аграрного сектора в сохранении сельского образа жизни.

Во второй главе Г.П. Корнев предпринимает фундаментальное эпистемологическое исследование трансформации категории истины в условиях цифровой эпохи. Автор показывает, что классическая корреспондентная теория истины, при всей ее значимости, оказывается недостаточной для описания познавательных процессов, в которых субъект и объект теряют свои традиционные границы, а знание производится в гибридных системах «человек — искусственный интеллект — база данных — алгоритм». Для агротехнологического образования этот вывод имеет принципиальное значение: современный агроном, ветеринар, биотехнолог работает не столько с «чистой» природной реальностью, сколько с ее цифровыми двойниками, прогнозными моделями, результатами машинного анализа больших данных. Понимание того, как в этих условиях конструируется истинное знание, формирует у будущих специалистов критическое мышление, необходимое для ответственного принятия решений в условиях неопределенности. Предложенная автором «расширенная» эпистемология становится методологической основой для осмысления цифровой трансформации агропромышленного комплекса.

В третьей главе К. А. Кочнова обращается к недостаточно изученной проблеме полевого моделирования в лингвистике, показывая, как метод моде-

лирования может быть применен к исследованию языковой картины мира. Разработанная автором методика построения полевых моделей (с выделением ядра и периферии, установлением межполевых связей) имеет прямое отношение к профессиональной подготовке аграрных специалистов. В условиях цифровизации сельского хозяйства, когда формируются новые терминосистемы (точное земледелие, агропрограммирование, биотехнологии), специалисту необходимо владеть инструментарием систематизации и структурирования профессионального знания. Кроме того, понимание принципов полевого моделирования помогает будущим агрономам и инженерам осознать, что их профессиональный язык не просто описывает реальность, но и конструирует особую картину мира, влияющую на технологические и управленческие решения. Глава вносит вклад в формирование у студентов агротеха компетенций в области научной коммуникации и междисциплинарного синтеза.

В четвертой главе В. Н. Прончатов предлагает оригинальную методологию анализа аграрных и социально-культурных символов релятивистской картины мира. На основе метода фрагментации автор выявляет символическое измерение таких явлений, как механизация сельского хозяйства (трактор и комбайн), спортивная самореализация крестьянства (греко-римская борьба, И. Поддубный), политическая символика (герб СССР), военные технологии с аграрными метафорами («сеятель смерти», «адский косильщик»), культурные коды встречи аристократии и буржуазности (вино Елисеева, «Незнакомка» А. Блока), а также религиозно-этическое учение Л. Толстого, выразившее психологию русского крестьянства. Для специалистов агротеха эта глава важна тем, что раскрывает глубокую взаимосвязь между техническими инновациями в сельском хозяйстве и их социокультурным осмыслением. Понимание символического измерения аграрных технологий позволяет будущим специалистам более ответственно подходить к внедрению инноваций, учитывая не только их техническую эффективность, но и влияние на культурные коды, коллективные эмоции и социальные отношения в сельской местности.

В пятой главе М. С. Кудрявцев на богатом историческом материале исследует феномен коррупции в дореволюционном Нижнем Новгороде и на знаменитой ярмарке. Автор выявляет системный характер этого явления, многообразие его форм (от «бытовых» поборов до казнокрадства элит), а также амбивалентность его восприятия в народной среде. Для аграрного образования исторический анализ коррупции имеет не только просветительское, но и практическое значение. Сельское хозяйство, особенно в его малых формах (фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства), традиционно сталкивается с высокими административными барьерами, что создает почву для коррупционных практик. Осмысление исторического опыта позволяет будущим специалистам осознать, что эффективное противодействие коррупции требует не только совершенствования законодательства, но и формирования правовой культуры, нетерпимости к любым формам злоупотребления служебным положением. Уроки, извлеченные из нижегородской истории, сохраняют актуальность и сегодня.

Проведенные исследования, при всей разнородности их тематики, объединяет общая направленность: показать, что гуманитарное знание не является «приложением» к естественнонаучному и техническому образованию, а составляет его необходимую методологическую и мировоззренческую основу. Современный агропромышленный комплекс переживает глубокую трансформацию, связанную с цифровизацией, биотехнологической революцией, переходом к устойчивым системам земледелия, интеграцией аграрного производства в глобальные экономические и экологические цепи. В этих условиях специалист агротеха должен обладать не только узкопрофессиональными компетенциями, но и способностью к системному мышлению, пониманию социокультурных контекстов, критической рефлексии над методами и критериями достоверности знания, умению работать с языком как инструментом профессиональной коммуникации, осознанию исторической обусловленности институтов и практик.

Представленная монография вносит вклад в формирование этих компетенций, предлагая будущим агрономам, ветеринарам, инженерам, биотехнологам и экономистам инструментарий для осмысления сложных взаимосвязей между техникой и культурой, традицией и инновацией, локальным и глобальным, естественным и искусственным. Авторы выражают надежду, что результаты их работы найдут применение в образовательном процессе, научных исследованиях и практической деятельности специалистов, обеспечивающих продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий России.

Предложенные в монографии подходы открывают возможности для дальнейших исследований по ряду направлений: изучение аграрных символов квантовой и постмодернистской картин мира; разработка методик преподавания гуманитарных дисциплин в агротехнологических вузах с учетом требований цифровой эпохи; анализ трансформации профессиональных терминосистем в условиях биотехнологической революции; сравнительные исследования коррупционных практик в аграрной сфере в различные исторические периоды и в разных странах. Авторы приглашают коллег к сотрудничеству в этих перспективных областях.

Корнев Г. П.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникина Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социологии Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л. Я. Флорентьева (Нижний Новгород).

E-mail: annavalentan@yandex.ru

SPIN-код: 7635-5315, AuthorID: 497529

Orcid.org/ 0000-0002-7872-6835

Направление научных исследований: социология религии, социология образования, социология туризма, сельского туризма, истории России и краеведения.

Корнев Георгий Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и социологии Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л. Я. Флорентьева (Нижний Новгород).

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

SPIN-код: 1182-5745, AuthorID: 351183

Orcid.org/0000-0003-1782-5474

Направление научных исследований: эпистемология, социальная философия, российский федерализм, познание и доказывание в юридическом процессе, нации и национализмы.

Кочнова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социологии Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л. Я. Флорентьева (Нижний Новгород).

E-mail: kochnova08@list.ru

SPIN-код: 7601-8860, AuthorID: 354797

Orcid.org/ 0009-0001-1059-9569

Направление научных исследований: языковая картина мира писателя, русский языковой менталитет.

Кудрявцев Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социологии Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л. Я. Флорентьева (Нижний Новгород).

E-mail: kudr-mih@rambler.ru

SPIN-код: 6921-8320, AuthorID: 358623

Направление научных исследований: история России периода капитализма, социально-культурные аспекты развития, становление гражданского общества.

Прончатов Владимир Николаевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социологии Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л. Я Флорентьева (Нижний Новгород).

E-mail: vnpronchatov@yandex.ru

SPIN-код: 9238-4787, AuthorID: 415572

Направление научных исследований: социальная философия, история техники, религиозные отношения.

Монография

Аникина Анна Валентиновна,
Корнев Георгий Павлович,
Кочнова Ксения Александровна,
Кудрявцев Михаил Сергеевич,
Прончатов Владимир Николаевич.

Гуманитарная наука агротеха

Публикуется в авторской редакции.

Автор(ры) несут всю ответственность за научное содержание и достоверность используемых сведений, за соблюдение авторских прав третьих лиц, а также за сохранение государственной и коммерческой тайны.

Подписано к публикации 01.07.2026

Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. – 19. Уч. изд. л. – 11,1.

ISBN 978-5-6056735-0-7

ФГБОУ ВО Нижегородский ГАТУ им. Л. Я. Флорентьева
603107, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 97